

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК

В. П. КОМАРОВА

**ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА
В АНГЛИИ XVI–XIX ВВ.**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006**

ББК 83.3 (4 Вел)
К 63

Комарова В. П. Литература и политика в английской литературе XVI–XIX века.– СПб.: БАН, 2006.– 136 с.

В настоящее издание включены доклады и статьи доктора филологических наук В.П. Комаровой, написанные ею в последние годы.

The new book of professor V.P. Komarova presents a collection of papers written during 1999-2006 mainly for the conferences at the Saint-Petersburg university at the philological and philosophical faculties.

The political themes are treated in the papers on William Pitt, Francis Bacon and Hobbes; and in the article on T.B. Macaulay revealing some new aspects of his literary tastes.

The work of G. Fletcher «Of the Russe commonwealth» is analysed as one of the most objective and democratic diary of the XVI th century. Some philosophical problems of the works of Shakespeare are discussed in the papers on «nature» and «time». The controversial theme of «textological cruxes» in Shakespeare is discussed in a new way because the author rejects all «emendations».

ISBN 5-336-00089-2

© Библиотека Российской академии наук, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает доклады и статьи доктора филологических наук Валентины Петровны Комаровой, написанные в последние годы. В.П. Комарова работала в Библиотеке Российской академии наук с 1951 по 2004 г., а с осени 2004 г. она является штатным профессором Академии гуманитарного образования, где читает курсы лекций по истории английской литературы и несколько спецкурсов о творчестве Шекспира.

В Библиотеке академии наук она достигла положения ведущего научного сотрудника, специалиста по систематизации литературы и по истории систематического каталога. Ею опубликованы статьи и монографии, в частности исследование «Предметный и систематический принципы в классификациях и каталогах академических библиотек», получившее признание в России и за рубежом. В библиотеке в свободное от основной работы время она занималась изучением творчества Шекспира, защитила кандидатскую (1964) и докторскую (1973) диссертации по Шекспиру. Она опубликовала одиннадцать монографий и более сотни статей о Шекспире и английской литературе, разработала общие курсы и спецкурсы, прочитанные в разное время в Ленинградском университете и в Академии гуманитарного образования.

Это издание позволяет оценить творческую активность автора и широту ее интересов. Список монографий автора приведен в конце книги.

Н. В. Колтакова

ОРАТОРСКИЕ ПРИЕМЫ ВИЛЬЯМА ПИТТА В ПАРЛАМЕНТСКИХ РЕЧАХ ПЕРИОДА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789-1805)

Вильям Питт младший (1759–1806) был сыном выдающегося оратора и государственного деятеля Вильяма Питта лорда Чэтема. По признанию современников и историков, он воспринял многие таланты отца и с детства проявлял незаурядные способности к наукам и интерес к политической деятельности. В 1781 г. он поразил членов Палаты общин своей первой речью и вскоре получил пост канцлера казначейства (министра финансов). В декабре 1783 г. в 25 лет он стал премьер-министром и был им до 1801 г. В 1804 г. в момент угрозы вторжения в Англию французских войск Вильям Питт снова вернулся в правительство. В 1783 г., когда он принял «бразды правления», Англия находилась в трудном положении, почти все достижения политики лорда Чэтема были утрачены, американские колонии потеряны, война истощила финансы, – в этой войне Франция, Испания и Нидерланды были на стороне Америки. Казна была пуста, государственный долг велик. Были ослаблены позиции Великобритании в Индии и в Вест-Индии, а в Ирландии нарастало недовольство.

Вильям Питт проявил трезвое отношение к реальной обстановке и призвал парламентариев признать потери и думать о том, как спасти положение. Еще будучи министром финансов он начал борьбу с коррупцией в стране и в колониях и борьбу с контрабандой. За десять лет ему удалось привести финансы в такое состояние, что он мог субсидировать армии трех антифранцузских коалиций. Нет возможности останавливаться на речах, где освещены вопросы финансов, торговли, колониальной политики, организации армии и флота, но сразу можно заметить, что во всех вопросах Питт приводил точные расчеты и детальный анализ аргументов противников, проявлял свободу от догматизма, от личных амбиций и выгод, но вместе с тем упорство и жесткость. Его стратегическая цель – укрепление государства и безопасность Англии. В начальный период своей карьеры, когда в борьбе с коррупцией он встре-

тил сопротивление, 25-летний премьер решительно предложил Георгу III распустить парламент – в марте 1784 г. палата общин была распущена. Парламент, избранный в мае этого года, был другим по составу, и почти во всех дебатах, подчас очень острых, оппозиция оказывалась в меньшинстве. Характерно, что когда в феврале 1792 г. Питт говорил об успехах в экономике, он избегал тщеславных похвал своему кабинету, но в самом возвышенном стиле говорил о заслугах всех сословий: успехи – это труд крестьян и йоменов, ремесленников и купцов, крупных землевладельцев и предпринимателей, это завоевание новых рынков и рыбных промыслов, наконец, это накопление капиталов, вложенных в хозяйство. Во многих речах Питт не забывает упомянуть о превосходстве английской конституции, которая защищает общество от тирании, позволяет всем участвовать в торговле и предпринимательстве.

В данном сообщении идет речь, в основном, о позиции Питта по отношению к французской революции. Известно, что в начале карьеры Питт был противником войны с Америкой и поддерживал требование Чарльза Джеймса Фокса, предлагавшего признать независимость американских штатов. О войне он говорил в самых эмоциональных выражениях: «... это самая проклятая, нечестивая, варварская, жестокая, противоестественная, несправедливая, дьявольская война. Она порождена несправедливостью, вскормлена и выпестована глупостью, ее путь был отмечен кровью, убийствами, преследованиями и опустошением, в ней было всё, что свидетельствует о моральном падении, о человеческой низости... нация теряла лучших людей, ресурсы и деньги –... На какой бы стороне не оказалась победа, ее нужно было бы оплакивать» (речь 12 июня 1781 г.).¹

Столь же решительно молодой Питт выступал против импорта рабов из Африки в английские колонии в Вест-Индии, в частности на Ямайку: «... мы остановили естественное развитие Африки, сохраняя бедность, удерживая весь континент в состоянии темноты, рабства, невежества, кровопролития» (II, 15, 23 и др.). Питт произносил как заклинание начальное обращение «Избави бог,

¹ Pitt W. The Speeches of the r.h. William Pitt in the House of Commons. In 4 vols, London, 1806. Vol. 2, p. 18-19. Далее ссылки даны в тексте: указаны том и стр.

чтобы мы колебались отказаться от столь порочной торговли». На утверждение другого оратора, что работоторговля выгодна, он возражал: «Я содрогаюсь при мысли, что джентльмены отнесутся благосклонно к такому аргументу» (II, 72).

Отношение Питта к Французской революции до установления якобинской диктатуры было выжидательным, он воздерживался от признания нового правительства, но не допускал резких обличений. Казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты вызвала возмущение европейских монархов и 1 февраля 1793 г. палата общин обсуждала послание Георга III, где он требовал увеличить военный потенциал страны в ответ на «чудовищный акт, недавно совершенный в Париже». Вильям Питт определил казнь как «убийство», «ужасное попрание всех принципов религии, закона и человечности». Один из распространенных приемов в его речах – исторические параллели, а также ссылки на античных авторов, приводимые по-латыни и по-гречески. В данной речи он напоминал суждение французского историка Де Ту о Варфоломеевской резне 1572 г.: «Это событие ради того, чтобы спасти часть человечества, было бы лучше, если возможно, изгнать из нашей памяти, стереть со страниц истории и скрыть от всего мира и сейчас и в последующие времена» (II, 94).

Кроме патетической риторики Питт прибегал к анализу событий, используя доводы логики и обобщения: подобное преступление стало возможно после победы во Франции лозунгов «свобода, равенство, братство», «ложных» в своей основе. На практике – это свобода от законов, призывы к мятежам против «тиранов», призывы к беднякам грабить богатых. Создалась угроза для Европы, поскольку Франция собирается распространить свои принципы по всему миру (II, 97, 103, 106 и др.).

В ответ на рассуждения оппонентов о «воле народа» и «воле большинства» Питт говорил о том, что правительство, которое подчиняется капризам бунтующей толпы, перестает быть правительством: «Под предлогом передачи власти большинству оно устанавливает худший вид деспотизма» (7 мая 1793, II, 156-157). Когда в январе 1793 г. Фокс снова предложил обратиться к королю с просьбой начать переговоры о мире, Питт мобилизовал все свои ораторские способности, т.к. от решения парламента зависела судьба всей его политики. Он подчеркнул, что «отвратительный характер» правителей не является в его глазах препятствием для пе-

реговоров. Однако главная проблема – надежность мира, (слово security Питт повторяет каждый раз, когда встает вопрос о переговорах. Такой надежной безопасности не будет, – во Франции 21 мая 1793 г. возникло правительство, более ужасное, чем предшествовавшие, – оно уничтожило остатки религиозных и моральных основ общества, уже и без того расшатанных – его цель освободить народ от страха перед небесным возмездием, приучить его к постоянным преступлениям, с помощью гильотины, а якобинцы прибегли к таким масштабам насилия, каких не знало ни одно монархическое правительство (II, 176-177).

Положение Франции Питт считал непрочным. Грабеж церковной собственности, конфискации, введение «ассигнаций», бумажных заменителей денег, насильственные займы, – все эти меры привели к разрушению экономической системы, и для того, чтобы удержаться, правители вынуждены вести агрессивную политику. Питт говорил о том, что Англия не может заключить сепаратный мир, тогда в будущем она останется без союзников. Необычайно длинная и убедительная речь Питта обеспечила ему внушительную победу: за предложение Фокса подано всего 59 голосов, а 277 голосов были против (II, 173, 176, 178 и др.).

Падение Робеспьера дало основание противникам политики Питта снова поставить вопрос о переговорах. Питт доказывал, что Директория не отказалась от революционных лозунгов, что необходимо ввести в Англии закон о воинской повинности. Его противники красноречиво рассуждали о «правах человека», – многие были знакомы с трактатом Томаса Пейна «Права человека» опубликованным в 1791-1792 гг. На их речи Питт реагировал особенно резко: в английской конституции достаточно защищены и права собственности и свобода личности, но бывают такие ситуации, и в истории их немало, когда действие закона о правах личности приостанавливается, когда побеждает государственная необходимость. «Права человека» – «чудовищная доктрина» – пустая абстракция, средство для ниспровержения правительства, собственности, религии, порядка, законности – в этом же состоит цель якобинских клубов – Питт добился приостановления закона о неприкосновенности личности (Habeas corpus act), ареста некоторых членов якобинских клубов, введения цензуры. Несмотря на протесты оппозиции парламент поддержал Питта (за – 201, против – 39) (7 апреля 1794, II, 186-187, 16 мая, II, 194-197).

Любопытны аргументы Питта: «Существует ли, сэр, императивная необходимость просить мира? Разве мы унижены и подавлены до такой степени, что утратили надежду и ресурсы?» (II, 238). В подобной ситуации, продолжал Питт, мы были бы вынуждены просить о мире даже республиканцев. Однако если мы сократим армию и флот, то в будущем можем утратить безопасность. Один из важных приемов в аргументации Питта – анализ экономических ресурсов. В новое время успех войны зависит от состояния экономики (II, 239-246 и др.), и Питт предложил детальное сопоставление экономического положения двух стран: насильственные меры во Франции не помогают оживить ее экономику. Фокс и другие оппоненты утверждали, что Франция не собирается нападать на Англию, однако после переворота Бонапарта многие перешли на сторону Питта.

Когда один из ораторов настаивал на смене правительства, доказывая, что кабинет Питта «не пользуется доверием врага», Питт ответил резким ироническим протестом: «Сэр, мы не можем пользоваться доверием врага. Доверие врага! Нет, сэр, это невозможно! Мы не разделяем их принципов, мы не желаем подражать их системе» (24 ноября 1797, III, 201-202). Он взывал к чувству национального достоинства: «Можно ли предполагать, что подобное требование будет слушать страна, если она не готова повергнуться к ногам Франции, и в этой жалкой позе прославлять победителя, напрашиваться на новые оскорбления, подчиняться требованиям более унижительным и позорным, и сразу же зачеркнуть честь имени Британца!» (III, 169).

Победное шествие наполеоновской армии, дипломатические успехи Наполеона породили у противников Питта аргумент о том, что Наполеон принес народу свободу, но Питт повторил свой тезис: «эта доктрина ошибочная, претенциозная, более абсурдная, чем самые губительные теории, когда-либо порожденные беспорядочным воображением, доктрина, более враждебная реальным интересам человечества, процветанию наций, счастью отдельного человека, интеллектуальному и моральному усовершенствованию, чем любая тирания, когда-либо угнетавшая род человеческий» (26 мая, 1797, III, 137-138). Гиперболы – распространенный прием Питта.

Когда Бонапарт 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. разогнал Директорию и вскоре стал пожизненным консулом и императором, часть

роялистов встали на его сторону, особенно после того, как он изгнал несколько известных республиканцев. Однако Питт оказался более проницательным, чем его противники – он предвидел, что Наполеон – серьезная угроза для Англии, Наполеон вторгается в Африку и планирует вытеснить Англию из Индии, ослабить морское могущество Англии.

Начиная с 1800 г., в парламенте постоянно обсуждался вопрос о защите Англии от вторжения – 23 мая король объявил войну Франции (до этого война не была открыто объявлена). Ораторы выступали против принудительного набора и расходов на армию, которые были очень велики – Питт субсидировал антифранцузские коалиции, а Наполеон вынуждал английских союзников к сепаратному миру. Питт возражал своим оппонентам в сдержанных тонах: «мой благородный друг», «почтенный джентльмен», «благородный лорд», – но затем анализировал их аргументы. Логика Питта убеждала большинство членов палаты: он напоминал о захватах чужих земель «без всякого намека на законность», правда, попутно он упоминал и о том, что военный деспотизм Наполеона имеет поддержку в народе, т.к. Наполеон защищал собственность крестьян. Однако за призывами к борьбе с тиранами скрывается неистовое честолюбие Наполеона, а другие народы получают «свободу» под грохот французских пушек.

Опасения некоторых ораторов, что вооружение народа может привести к революции в Англии, Питт решительно отверг – армия будет состоять из людей, верных Британии и ее конституции, а немногочисленные «изменники» растворятся в общей массе, и он выразил веру в патриотизм нации, которая сумеет себя защитить в момент опасности. Упоминание об «изменниках» не случайность – в 1798 г. по приказу Питта было подавлено восстание в Ирландии. Несмотря на протесты оппозиции он добился того, что парламент вотировал расходы: «...нельзя рисковать, что будет пролито много крови ради экономии фунтов и шиллингов». Нельзя уподобляться «гордому деспоту, который жертвует сотнями тысяч людей ради удовлетворения своего честолюбия и мести» (22 июля, 1803 г. IV, 258-259). В 1805 г. он организовал третью коалицию, и парламент согласился субсидировать австрийские и русские армии. Однако в битве при Аустерлице австрийская армия была разбита, и это поражение ускорило смерть Питта, а его предсмертные слова были «О, моя страна! Как я оставляю мою страну!».

Несколько слов можно добавить о некоторых общих принципах его ораторского искусства – он почти не допускал личных выпадов, избегал упоминать о заслугах правительства. Его отец лорд Чэтем, как отмечал Т.Б. Маколей, был блистательным оратором, но его сарказм, высокомерное отношение к противникам многих отталкивал, хотя все признавали его государственные и ораторские таланты. Для стиля Питта Младшего, напротив, характерны были отсутствие пренебрежения к оппонентам, убедительность аргументации, обилие фактов, точные расчеты, искренность патриотической позиции.

Вместе с тем на личные выпады врагов он отвечал, проявляя находчивость и иронию. Например, резкие нападки Ричарда Бринсли Шеридана талантливого драматурга он парировал, напоминая слушателям об актерских способностях оратора: «Никто не восхищался более моего способностями distinguished джентльмена, элегантными вспышками его мысли, живым вдохновением его воображения, драматическими жестами и эпиграмматическими остротами, ...но это место – неподходящая арена для столь изысканных сцен» (I, 47-48).

Когда Шеридан, Грей и Вильберфорс требовали, чтобы Питт учитывал «общественное мнение», он возразил, что представители народа не обязаны менять решения с каждым вздохом народных желаний, а должны следовать мудрости и пользе. Когда Шеридан доказывал, что постоянная армия не нужна, что в случае нашествия можно быстро вооружить весь народ, Питт сразу же взял слово и обратил внимание на красноречие, свойственное «почтенному джентльмену», когда он доказывал, что нацию можно быстро превратить в военную силу. При всем своем восхищении благородным патриотическим рвением и энтузиазмом народа, нельзя надеяться на энтузиазм, когда речь идет об угрозе безопасности страны. Что касается красноречия оратора, то известно, что каждое его выступление воспринимается как грандиозный спектакль – выпады, остроты как будто заимствованы из сборника шуток, инвективы и дерзкие заявления, – как будто все приемы, накопленные оратором за дни, недели и месяцы исторгаются сразу, хотя они не имеют отношения к обсуждаемому вопросу. В результате предложение Шеридана было отвергнуто, за него 127 голов, а против 267 (IV, 416-417).

До самых последних дней жизни уже тяжело больной Питт продолжал оказывать влияние на парламент, подтверждая свои слова, сказанные еще в начале парламентской карьеры – своим оппонентам он ответил, что его можно лишить привилегий и вознаграждения за труд, но нельзя лишить права заботиться о благе и безопасности Англии. Некоторые историки недоумевали, почему постоянные неудачи Англии в борьбе с революцией, Директорией, а позднее с Наполеоном так и не привели к падению авторитета Питта. Объяснение заключено не только в ораторских талантах, но и в том, что большинство парламента и значительная часть английского народа не воспринимали политику Питта как реакционную, но видели в этой политике заботу о спасении страны от внешней угрозы. В одной из речей Питт предсказал, что завоевательная политика Наполеона в конце концов побудит другие правительства к объединению, а народы завоеванных стран к борьбе, – это предсказание сбылось уже после смерти Вильяма Питта, хотя он не предполагал, что победа коалиции будет возможна только после поражения Наполеона в войне с Россией.

«ОПЫТЫ» ФРЭНСИСА БЭКОНА И ШЕКСПИР

Краткое сообщение не имеет отношения к антишекспировским теориям и вообще к проблеме авторства. Сомнения в авторстве Шекспира были порождены в XIX в. предвзятостью и плохим знакомством с эпохой Возрождения и с английской жизнью. В XX в. к этой давно отвергнутой гипотезе ни один серьёзный исследователь не обращается, эти домыслы – удел дилетантов и любителей сенсаций и наживы.¹ Однако вопрос о возможном взаимовлиянии творчества Шекспира и Бэкона вполне закономерен, поскольку есть немало идейных и текстуальных совпадений.

Во-первых, вполне возможно, что в 1597 г., когда появилось первое издание «Опытов», Шекспир был лично знаком с молодым юристом Фрэнсисом Бэконом, которому дружески покровительствовал фаворит королевы Елизаветы Роберт Эссекс. Можно считать доказанным, что популярный в то время актёр и драматург Вильям Шекспир был другом Генри Райтсли графа Саутгемптона, следовательно он мог в доме Саутгемптона встречать и переводчика «Опытов» Монтеня учителя итальянского языка Джона Флорио и Фрэнсиса Бэкона, который в 1597 г. опубликовал не только «Опыты», но и рассуждение «О формах добра и зла», которое было знакомо Шекспиру, так как многие идеи, высказанные в этом сочинении, перекликаются с мыслями героев Шекспира. В доказательство приведем лишь наиболее явные совпадения.

Философский фрагмент можно более точно назвать комментариями к десяти латинским тезисам, и сам Бэкон пояснил содержание своего этюда: «Таблица форм (coulers) или проявлений добра и зла, и их роли в способах убеждения и разубеждения; их различные заблуждения (fallaxes) и сплетение – clenches of them». Бэкон проявляет свою ученость и знание античных авторов – латинские изречения сопровождаются цитатами из сочинений античных философов и поэтов, ораторов и политиков. Сочинение опубликовано одновременно с «Опытами», где в тот момент было всего десять очерков, написанных в таком же стиле, как и этот фрагмент.

Большинство совпадений с текстом трагедии Шекспира «Гамлет» позволяют предполагать, что Шекспир внимательно читал рассуждения Бэкона. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что у Бэкона и Шекспира мог быть ещё общий источник – «Опыты» Монтеня, которые как раз в последние годы XVI века переводил Джон Флорио, и если Бэкон читал Монтеня в оригинале, то Шекспир мог читать рукопись перевода Флорио. Это предположение возникает при чтении рассуждений Бэкона об относительности добра и зла, о том, что судить о них нужно в сравнении. Необходимое зло может привести к добру, напротив, устранение одного зла может быть началом другого (№ 6).² Сходство с суждением Гамлета «...нет ничего ни хорошего ни плохого, только размышление делает это таким» (II, 2, 255-256).³ Однако уже давно установлено, что существует несколько источников для такого суждения, наиболее близкий – «Опыты» Монтеня в переводе Флорио: «Если то, что мы называем злом и мучением, не является ни мучением ни злом, и только наше воображение придаёт ему это качество, то от нас зависит изменить это».⁴ К этому примеру можно добавить ссылки на суждения древних мудрецов, знакомых и Монтеню и Бэкону.

Общий источник есть и в рассуждениях Бэкона о двух формах зла – внешнем, связанным с временем и обстоятельствами, и злом, причина которого в самом человеке, в его природе – такое зло как тяжкое бремя лучше терпеть и ослабить его воздействие (№ 8, р. 261). В суждениях Гамлета о причинах порока, а также о стойкости характера Горацио есть сходство с мыслями Бэкона, однако еще большее сходство с приводимой у Монтеня цитатой из сатиры Горация, где поэт восхваляет мудрецов, умеющих противостоять ударам судьбы.⁵

Значительно сложнее определить воздействие на Шекспира первых десяти очерков, опубликованных в 1597 г., хотя в них есть места, напоминающие о сонетах и драмах Шекспира, написанных в разные периоды творчества.

В сборнике 1597 г. десять очерков: «О занятиях науками» (в изд. 1878 г. № 50), «Об искусстве беседы» (№ 32), «О церемониях и обхождении» (№ 52), «О приближенных и друзьях» (№ 48), «О просителях» (№ 49), «О расходах» (№ 28), «О сохранении здоровья» (№ 30), «О почестях и известности» (№ 55), «О партиях» (№ 51), «Об искусстве переговоров» (№ 47). Второе издание,

подготовленное автором, опубликовано в 1612 г. Оно должно было включать сорок очерков, но последние два не были опубликованы. Из десяти очерков первого издания почти все были изменены и дополнены. Наконец, третье издание 1625 г. (за год до смерти Бэкона) содержало пятьдесят восемь очерков, при этом ранее опубликованные были значительно дополнены. Любопытно, что многие добавления в этом издании содержат весьма интересные и существенные параллели с идеями шекспировских драм.

Приведём несколько примеров подобных параллелей. В варианте 1597 г. очерк «О партиях» (№ 9) содержал два политических тезиса, не подтвержденные конкретными примерами из истории. Бэкон утверждал необходимость для начинающих политиков примкнуть к какой-то группировке, однако наиболее выгодная позиция – умеренность, которая делает возможным, в случае победы другой группировки, сохранить своё положение. Попутно можно заметить, что сам Бэкон придерживался такой позиции и во время суда над Робертом Эссексом принял сторону правительства и даже обвинил своего друга и покровителя в государственной измене – этим он приобрел расположение врагов Эссекса и в дальнейшем при короле Якове сделал карьеру, получив государственные должности, которых для него не мог добиться Эссекс.

Вторая идея этого очерка – признание, что союз двух партий распадается после того, как они совместно избавились от третьей группировки, их общего врага. И в этом случае Бэкон не приводил примеров. В издании 1612 г. есть незначительные дополнения, а в издании 1625 г. добавлены конкретные примеры, поясняющие приведенные положения.

Роль борьбы партий в политике Бэкон иллюстрирует примером из истории религиозных войн во Франции: могущество и вражда партий опасны для монарха, если он не управляет этой борьбой. Подобный вывод естественно возникает при знакомстве с трилогией Шекспира о правлении Генриха VI, особенно если учесть, что в этих пьесах молодой драматург косвенно отразил и положение во Франции и вражду группировок при дворе, которая привела к гибели военачальника Толбота и к падению Генриха VI.

Второе положение – о неизбежном распадении союза двух партий после их победы над общим врагом Бэкон поясняет примером из истории Рима, и описанная им ситуация точно соответствует событиям в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Бэкон на-

поминает о том, что Цезарь и Помпей, одержав победу над римским сенатом, начали борьбу за власть, что Марк Антоний и Октавиан совместно действовали против Брута и Кассия, но после поражения войск республиканцев, союз триумвиров распался и Октавиан стал врагом Антония (№ 51, р. 208). Естественно признать, что популярность шекспировской трагедии могла побудить Бэкона привести именно этот пример.

В издании 1597 г. в очерке «О церемониях и обхождении» (№ 3) Бэкон упоминает о том, что в обращении с равными необходимо избегать чрезмерной фамильярности, а ради популярности среди низших слоёв подобная простота полезна, хотя может привести к «пресыщению» и его общество будут ценить «дешево». Поведение Генриха Болингброка в драме «Ричард II» вполне может служить иллюстрацией к приведенным советам Бэкона, а ретроспективный отзыв Генриха IV (I Г. IV, III. 2, 60-75) о поведении Ричарда, чьим обществом «пресытились» настолько, что оно стало «дешевым», как бы дополняет советы Бэкона. Впрочем в данном случае «Опыт» (№ 52, р. 211) опубликованы в начале 1597 г. (новый стиль, в списках издательской компании отмечена дата 5 февраля 1596 г.). Между тем, драма, известная как «Первая часть хроники Король Генрих IV» ставилась на сцене в конце 1596 г. и пользовалась необыкновенной популярностью (в течении нескольких последующих лет вышли восемь изданий, а популярность сцен с участием Фальстафа отмечена современниками). Рассуждение Генриха IV адресовано Принцу Генриху и воспринимается как наставление, призванное отвлечь принца от его «вульгарных» пристрастий, недостойных наследника престола. Не вызывает сомнений оригинальность Шекспира в политических советах, вложенных в речи персонажей исторических драм.

В очерке «О скрытности и притворстве» (№ 6) Бэкон утверждает необходимость притворства в политике, опираясь на суждения древних авторов. Многие идеи ранее были высказаны в сочинении «О развитии наук», опубликованном в 1605 г. В раннем труде Бэкон цитирует по латыни древних философов и ораторов, но особенно часто обращается к авторитету Макиавелли, к его мыслям из «Рассуждений на три книги Тита Ливия». В частности, Бэкон приводит утверждение Макиавелли, доказывающего, что обладание добродетелями опасно для правителя, однако необходимо казаться добродетельным.⁶

В очерке Бэкон утверждает пользу скрытности и притворства в политике и общении – это способ узнать мнение других, скрывая собственное. И он приводит испанскую поговорку: «Говори ложь и найдешь истину» (№ 6, р. 21). Нетрудно вспомнить советы Полония Лаэрту: «Всем жалуй ухо, – голос лишь немногим; / Собирай все мненья, но своё храни» (1, 3, 68-69, перевод М.Л. Лозинского). С приведенными советами Бэкона согласуются и наставления Полония слуге Рейнальдо, который должен очернить Лаэрта, чтобы выведать о его поведении, и Полоний завершает совет образным изречением: «Приманка лжи поймала карпа правды; / Так мы, кто умудрен и дальновиден, / Путём крюков и косвенных приёмов, / Обходами находим нужный ход» (II, I, 63-66, перевод М.Л. Лозинского).

В комментариях Ричарда Уейтли в его издании «Опытов»⁷ приводятся случаи, когда в тексте встречаются сравнительно редкие слова, значение которых совпадает с этими словами в драмах Шекспира. Примеры Уейтли берет из очерков «О религиозном единстве», «О мести», «Об империи», «О мятежах и беспорядках», «Об истинном величии королевств и государств», «Об уродстве» и других очерках, которые появились в изданиях 1612 и 1625 гг. Сходство в использовании многих слов, особенно необычных, возможно объясняется знакомством Фрэнсиса Бэкона с драмами Шекспира, хотя для большинства случаев существовали общие источники, тем более, что нет совпадений в стиле и фразеологии. В некоторых очерках можно усматривать воздействие шекспировских драм, хотя доказать, что Бэкон был любителем театра, невозможно, тем более, что он пренебрежительно отзывался о театрах и драматургии.

Один из очерков, где подобное влияние Шекспира сказалось, впервые опубликован в издании 1612 г. – очерк «Об уродстве» (№ 44). Правда современники увидели в нём портрет Роберта Сесилия, умершего незадолго до публикации второго авторского издания. Вскоре после смерти Роберта Сесилия появились сатирические «эпитафии», написанные врагами всесильного министра, которого обвиняли в провокациях и гибели соперников в борьбе за власть. Бэкон не принадлежал к явным врагам Сесилия, но вряд ли он мог забыть, что в последние годы правления королевы Елизаветы Сесиль препятствовал честолюбивым планам Бэкона. Очерк Бэкона содержал косвенные аналогии и объяснения характера Ро-

берта Сесилия. Природа обделила его – Сесиль был маленького роста и немного горбат (королева называла его «мой пигмей»), и Бэкон отмечает дерзость, трудолюбие, стремление превзойти других, а также быстрое возвышение, поскольку такие люди не вызывают зависти и опасений. Вполне возможно, что характер и карьера Роберта Сесилия отразились в очерке, однако есть несомненное сходство с характером Ричарда III, как он изображен у Шекспира в Третьей части хроники «Король Генрих VI» и в драме «Ричард III».

Прежде всего аналогия возникает в рассуждении Бэкона о том, что подобные характеры обвиняют природу в своём уродстве и в своём поведении как бы мстят Природе: «Поскольку Природа дурно обошлась с ними; и они так же относятся к ней: как сказано в Писании, они лишены естественных привязанностей; и в этом их месть Природе» (№ 44, р. 178). Дальнейшее обобщение Бэкона соответствует самооправданиям Ричарда Глостера: «Раз небо мне дало такое тело, пусть ад и дух мой также искривит» (3 Г. VI, V, 6, 78-79). У Бэкона выражена идея о связи телесной и духовной природы, однако в несколько ином смысле: если звёзды исказили тело, то они же придали такие качества характера, которые явились средствами к возвышению: умение видеть слабости других, чувство превосходства, ум и упорство помогают таким людям достигать успеха в делах. И этот успех освобождает их от презрения окружающих. Краткий очерк Бэкона вполне можно отнести не только к Роберту Сесилию, но и к шекспировскому Ричарду. В данном случае знакомство Бэкона с драмой Шекспира почти не вызывает сомнений.

Очерк «О доброте и добродушии» (№ 13, р. 48-50) содержит дерзкие идеи, которые во многом напоминают о шекспировских драмах. Бэкон цитирует Макиавелли, который имел смелость написать открыто: «Христианская вера предала добрых в жертву тираническим и несправедливым» – и комментирует весьма своеобразно: по мнению Бэкона причина заключается в том, что христианство превозносит и возвеличивает Доброту, которая при чрезмерном применении таит опасности – если быть слишком добрым ко всем людям, то источник добра может высохнуть и победят дурные страсти. В этом рассуждении есть аналогии с идеями ранней трилогии Шекспира, где именно чрезмерная доброта и христианское всепрощение Генриха VI приводят страну к междоусобной расправе, а короля к гибели.

В очерке есть любопытное упоминание о «древе в саду Тимона» – источник – Плутарх, но читатели «Опытов» в издании 1612 г. легко могли вспомнить тот момент в трагедии Шекспира «Тимон Афинский», когда Тимон даёт совет неблагодарным друзьям и послам сената, когда они просят помочь им в беде. Тимон иронически называет свой совет «добрым»: пусть сенаторы повесятся на дереве, которое растёт в его саду (Т.А. V, 2, 205-215). Бэкон добавляет, что «мизантропы» всегда стремятся подтолкнуть других к суку (для того, чтобы повеситься), однако не у всех в саду растут деревья, как у Тимона. Ирония Бэкона адресована людям, которые излишней добротой помогают дурным, завистливым и злым.

Особенно много параллелей возникает при чтении политических по содержанию очерков Бэкона. Например, рассуждения «О смутах и мятежах» (№ 15) насыщены цитатами и комментариями о причинах недовольства и мятежей, и средствах их предупредить. Известно, что тема заговоров, мятежей, народных восстаний и междоусобных распрей – одна из главных в исторических драмах Шекспира на всём протяжении творчества от первой трилогии до поздних драм «Кориолан» и «Генрих VIII». Сопоставление выводов Бэкона и Шекспира интересно даже безотносительно к вопросу о воздействии Шекспира на Бэкона. Оба автора – современники, изучали одни и те же источники и откликались на события своего времени.

Бэкон считает одной из причин, порождающих мятежи, борьбу партий в стране, когда король колеблется и не может эту борьбу пресечь – в качестве примера Бэкон приводит политику Генриха III во Франции, его колебания между католиками и протестантами. Аналогичная ситуация изображена в хронике «Генрих VI часть вторая», где колебания короля привели к убийству протектора Хэмфри, который заботился о государстве и пользовался народной любовью. Вторая причина мятежей, как пишет Бэкон, нарушение иерархии, потеря уважения к правителям – и Бэкон кратко излагает суждения Улисса о нарушениях в ходе планет – легко вспомнить, что подобные аргументы высказывает шекспировский Улисс в сатирической драме «Троил и Крессида».

Наконец, материалом для мятежей всегда служит бедность народа – возмущения «желудка» особенно опасны – и вспоминается знаменитая басня Менения Агриппы в трагедии «Кориолан». Однако Бэкон здесь же добавляет, что пока недовольством охвачена

лишь одна часть населения – только народ или дворяне, угроза ещё не очень велика, но если недовольны и коммонеры и лорды, опасность велика и близка. Именно такая ситуация освещена у Шекспира в хронике «Ричард II», когда лорды, недовольные утратой привилегий, начали мятеж, а народ, недовольный налогами и расточительностью королевских фаворитов, поддержал Генриха Болингброка и приветствовал свержение законного короля и воцарение Генриха IV. Налоги, нарушение традиций, религиозные новшества Бэкон упоминает в качестве причин смут в государстве. У Шекспира в поздней хронике «Генрих VIII» упоминается начало мятежа после введения нового налога, и Генрих, чтобы предотвратить мятеж, отменяет налог и дарует всем прощение.

В качестве способов предотвращения недовольства Бэкон упоминает разумную экономическую политику, и можно заметить явное сходство его советов и советов, которые высказывают садовники в хронике «Ричард II». Бэкон отвергает путь насильственного подавления недовольства, если этого можно избежать. Нельзя допускать, чтобы государственная казна была в руках немногих, особенно при бедности простого народа. Правитель должен следить, чтобы не увеличивать число людей, которые ничего не производят, а именно, сословий церковников и дворян, живущих на доходы от земли и денежных вложений. Если не обращать на это внимания, то можно болезнь сделать ещё более опасной. В драме Шекспира садовники говорят о том, что они собираются поддержать плодоносящие ветви, обрезать «праздные» побеги, подрезать кору, чтобы дерево не погибло, а также вырвать с корнем сорняки, отнимающие пищу у полезных растений. Если Бэкон говорит языком политика, Шекспир выражает сходные идеи в метафорических и аллегорических картинах.

Бэкон упоминает и о том, что правитель должен продумывать последствия своих слов, не восстанавливать против себя военачальников, которые пользуются влиянием и любовью народа и могут защитить страну от потрясений – можно вспомнить ситуацию в трагедии «Кориолан», когда трибуны, обладающие полной властью (в этом Шекспир отступил от Плутарха), намеренно провоцируют Кориолана высказывать опасные мысли, чтобы его можно было обвинить в измене. Любопытный совет правителям касается искусства возбуждать в народе надежды на лучшее будущее: «Действительно, политическое искусное кормление, умение

возбуждать надежды и тащить людей от одной надежды к другой – одно из лучших противоядий от яда недовольства» (№ 15, р. 61). Прямых аналогий в драмах Шекспира нет, однако умение увлечь надеждами недовольных проявляют опытные политики – Генрих IV, обещая награду своим сторонникам в неопределенных метафорах, архиепископ Кентерберийский, умеющий отвлечь парламент от покушения на богатства церкви, рисуя перспективу наживы в войне с Францией, и хитроумный Менений Агриппа, которого горожане считают своим другом, хотя он всего лишь успокаивает их шутками и баснями.

В очерке «Об истинном величии королевств и государств» Бэкона сближает с Шекспиром-политиком идея о важности воинского духа для укрепления и расширения владений. Бэкон напоминает о победах Александра Македонского на Востоке, одержанных благодаря не только талантам военачальников, но и отваге солдат. При этом Бэкон говорит о политике правителей, которая способствует воспитанию воинов: необходимо дать достаточные средства к жизни – плуг должен оставаться в руках земледельца, потому что рабы и наёмники – плохие воины. Он приводит в пример английских йоменов – независимых состоятельных земледельцев, умеющих с оружием в руках защитить свою жизнь и собственность. В хрониках Шекспира и Генрих IV и Генрих V одерживают победы благодаря народной поддержке, а мятежники терпят поражение, потому что их вассалы неохотно сражались против короля, признавая высшим долгом верность центральной власти.

Сравнение исторических и политических наблюдений в «Опытах» Бэкона и в драмах Шекспира позволяет сделать вывод о значительной близости двух выдающихся современников. Совершенно иные выводы возникают при сопоставлении очерков, посвященных темам любви, дружбы, честолюбия, богатства, искусства, хитрости и другим вопросам жизни и характеров людей. Рационализм и скудость наблюдений Бэкона резко противостоит богатству и многообразию человеческих характеров и судеб в драмах Шекспира. Можно говорить о различиях в нравственных оценках, о противоположной позиции Бэкона по сравнению с глубокой и гуманизмом Шекспира. Вполне можно согласиться с авторами, которые доказывали, что комедии и трагедии Шекспира не были восприняты Бэконом и оставались чуждыми и не вызывали каких-либо откликов в его сочинениях.

Примечания

¹ Один из защитников Шекспира доказывал, что Шекспир и Бэкон были антагонистами во всём: их характеры, взгляды на жизнь, поведение были противоположными. Вымыслы «Бэконистов» противоречат очевидным фактам, а «арифметические конструкции» («шифр Бэкона») он назвал столь безумными, что могли привести в восторг бедлам (Steel, Ch. F. Is there any resemblance between Shakespeare and Bacon? London, 1888. P. V.

² Все ссылки приводятся по изданию: Bacon F. Bacon's Essays and Colours of good and evil. With notes and glossarial index by W. Aldis Wrigth. London, 1878. P. 257. [The reprint of the ed. of 1625] Далее номера «опытов» и страницы указаны в тексте.

³ Ссылки на текст произведений Шекспира даны по изданию: The Complete works of Shakespeare. Ed. by H. Craig. Chicago [a.o.], [cop. 1961]. В тексте указаны акт, сцена, строки.

⁴ The Essayes of Michael lord of Montaigne [Transl. by John Florio]. Ed. with an introd. and a glossary by Henry Morley. London, [1886]. Book I. E. 40. P. 117.

⁵ Ibid. E. 42. P. 129.

⁶ Bacon F. Of the advancement of learning. By Francis Bacon Viscount St. Albans. London [a.o.], [s.a.]. P. 203.

⁷ Bacon's Essays: with annotations by Richard Whately. 4 th ed. rev. and enl. London, 1858.

«ЛЕВИАФАН» ТОМАСА ГОББСА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

«Левиафан» – одно из самых интересных и противоречивых сочинений в истории английской философской и политической мысли, и споры о нём не прекратились даже в XX веке. Правда, в одном из очерков высказано сомнение: вряд ли все, кто об этом произведении упоминают, хорошо его изучили, для большинства людей трактат Гоббса столь же мало знаком, как и библейское чудовище, выбранное для заглавия. Можно добавить, что Томас Гоббс использовал фантастический образ очень удачно, если вспомнить описание Левиафана в Книге Иова, но трудно отказаться от впечатления, что в названии скрыта ирония.

В Библии, как поясняет автор Книги Иова, два чудовища – Бегемот и Левиафан служат в речи Бога символами и доказательствами всемогущества Верховного существа, способного их создать. Особенно любопытно начало 41-й главы, где Бог, скрытый в Вихре, задаёт риторические вопросы Иову: «Можешь ли ты вытащить Левиафана крюком? Или верёвкой за язык? Можешь ли зацепить крюком за нос? Или пронзить его челюсть шипом? Будет ли он обращаться к тебе с просьбами? Говорить с тобой мягкими словами? Заключит ли он с тобой договор? Будет ли он твоим слугой навечно?» Эта риторика призвана убедить Иова в его ничтожестве и заставить его преклоняться перед властью Бога. Затем следует описание Левиафана: чешуя настолько плотная, что её нельзя сдвинуть, ноздри дымятся, из пасти вылетают искры и огонь, сердце твёрдое как жернов, ни стрела, ни копьё, ни праща не могут повредить чудовищу. Когда он мчится, глубины вскипают, он скользит в море как по маслу. И описание завершается многозначительным выводом: «Он обзревает все вещи наверху, он – король над всеми детьми гордости» (Кн. 41, 34). Гоббс использовал образ для своих целей – в его сочинении это символ светской власти, Бог вещает «из Вихря» с конкретной целью – подавить сомнение и внушить беспрекословную покорность Высшей власти, а Гоббс заменяет власть Бога, властью Государства.

Любопытно, что задолго до Томаса Гоббса образ Левиафана использовал Шекспир в комическом контексте как пример фантастики. В ранней комедии «Два веронца» Протей попутно упоминает, что при звуках музыки Орфея огромные Левиафаны покидали глубины и танцевали на песке (III, 2, 80). Комедия «Сон в летнюю ночь» содержит немало фантастических эпизодов, например, царь эльфов Оберон приказывает эльфу Пэку вернуться с волшебным цветком быстрее, чем Левиафан проплывёт одно лье, а Пэк обещает, что облетит Землю за сорок минут (II, I, 174). Шекспир использует и политическое значение образа в речи короля Генриха V, который пытается страшными угрозами вынудить жителей Харфлера сдать город на милость победителя, пока не поздно: «Мы столь же тщетно будем приказывать солдатам, поглощенным грабежами, как посылать приказы Левиафану выйти на сушу» (I, 3, 26).

Политический смысл образа получил распространение сразу после появления в 1651 г. трактата Гоббса «Левиафан; или сущность, форма и власть государства, церковного и гражданского»¹. По признанию биографов, после появления этого сочинения Гоббс приобрел необычайную известность и вызвал ненависть всех религиозных сект, а после реставрации в английском парламенте звучало требование сжечь не только трактат, но и его автора. Спасло покровительство вельмож, близких ко двору, а также личное расположение Карла II к своему учителю математики во время эмиграции. Спасали Гоббса и его умение предвидеть развитие событий и собственная предусмотрительность и осторожность.

Томас Гоббс уже в раннем детстве проявил необычайные способности, в шесть лет он мог читать по-латыни и по-гречески, в 14 лет в качестве практики в изучении языков переводил «Медео» Еврипида с греческого на латинский. Он стал воспитателем в семье графа Девонширского, граф Вильям Кэвендиш был его другом. Наблюдая борьбу парламента с Карлом I и его фаворитами, Гоббс предвидел события и уехал во Францию, где в 1647 г. некоторое время учил математике принца Уэльского, будущего короля Карла II. Однако французские католики и роялисты восстановили короля против Гоббса, обвиняя того в атеизме и в сочувствии Кромвелю. Тогда Гоббс в 1652 г. вернулся в Англию, написал, что он принимает власть парламента без короля и Палаты лордов, более того, Кромвель благосклонно отнесся к идеям «Левиафана». Рес-

таврация Стюартов, как свидетельствует трактат Гоббса «Бегемот или Долгий Парламент», оказалась неизбежной после смерти Кромвеля, поскольку никто из преемников протектора не обладал государственными способностями, а разногласия в парламенте привели к падению республики. Карл II не преследовал Гоббса, но запретил печатать трактат «Бегемот». Когда раздались требования епископов о сожжении «еретика», Гоббс отошёл от политики, жил в провинции и до последних лет сохранил ясный ум и способность к творчеству. В 84 года он написал по латыни свою автобиографию, а в 86 лет перевёл Гомера. Гоббс любил пешие прогулки, играл в теннис, вечерами для себя исполнял арии Генри Лоуса, поясняя, что он поёт не только из любви к музыке, но и для тренировки лёгких. Умер Гоббс на 91 году жизни. Уже после его смерти был издан «Бегемот или история причин гражданских войн в Англии». «Левиафан» не только был запрещен к переизданию, но и публично сожжен в Оксфорде ещё при жизни автора. Гоббс, чтобы спасти свой труд, в латинском варианте исключил некоторые места, направленные против церковников, а в позднейших трактатах оправдывался от обвинений в атеизме.

Критические исследования творчества Томаса Гоббса дают основание судить о его необычайной популярности. Если при жизни автора явно преобладали резко отрицательные оценки, то в последующие века критики признавали влияние Гоббса на взгляды Спинозы, Бентама, Лейбница, Руссо и Дидро, на философов и экономистов XIX-XX веков. Основные исследования до конца XIX в. подробно изложены и подвергнуты анализу в книге: Вальденберг В. «Закон и право в философии Гоббеса», а работы XX века приведены в обширной библиографии Германна Кленнера². О воздействии идей Гоббса даёт представление сборник «Идеи и влияние Томаса Гоббса»³. В последние десятилетия появились весьма ценные издания сочинений Гоббса, снабженные вступительными статьями В.В.Соколова и Е.М.Вейцмана, где изложено современное понимание творчества английского философа.

В данном сообщении нет возможности изложить различные толкования трактата «Левиафан», достаточно вспомнить, что определения мировоззрения Гоббса весьма противоречивы: атеист и деист, механический материалист и идеалист, номиналист и эрастиец, монархист и сторонник любой сильной власти. Наиболее верной, на мой взгляд, является позиция сравнительно немногих

авторов, которые признают, что в сочинениях Гоббса так много противоречивых суждений, что его невозможно отнести к какому-либо одному направлению в истории философских и политических учений⁴.

Томас Гоббс был оригинальным мыслителем, который опередил своё время во многих областях как теоретик государства и права, как историк и политик, но также и как филолог, который с помощью филологического метода предложил вполне оригинальные комментарии к тексту Библии. Он проявил понимание весьма сложных мест Ветхого и Нового заветов, чем вызвал длительную полемику с теологами. Сравнительно меньше оценили потомки Гоббса-филолога, а между тем анализ значения слов, определение сущности многих понятий свидетельствует о выдающихся лингвистических способностях автора.

Сочинение Гоббса трудно отнести к какому-то определенному жанру. В каждом разделе есть жанровое своеобразие. Рассуждения о человеке можно сопоставить с очерками XVII и XVIII веков, в которых идёт речь о физиологических и психологических чертах человеческой природы. Раздел «О государстве» – политический трактат, в котором Гоббс сохраняет метод и стиль исторических и юридических научных трактатов. Раздел «О христианском государстве» во многом является текстологическим исследованием Библии, и приёмы лингвистики служат обоснованию собственного восприятия Священного писания. Наконец, последний раздел «Королевство мрака» по своему стилю приближается к сатирической публицистике, включающей полемику с оппонентами.

Стилистическое разнообразие придаёт сочинению Гоббса ценность художественного памятника, но исследователи более всего интересовались идеями автора, оставляя в стороне метод изложения и аргументации, во многом предвосхищающий позднейшие приёмы научной полемики.

Известно, что в первой части Гоббс обобщил свои более ранние сочинения, посвященные природе человека, естественным законам, нравам, религии и многим другим вопросам жизни человеческого общества. Этот раздел и назван «О человеке». В нём особенно тщательно даются определения бесконечно разнообразных способностей, чувств, природных и приобретенных качеств материальной и духовной жизни. Читая этот раздел в оригинале, можно ощутить тонкий анализ эмоций, именно эта часть давала

основание сравнивать Гоббса как психолога с Шекспиром, хотя его исторические и политические идеи также допускают подобные сравнения.

Рассматривая многочисленные страсти, свойственные человеческой природе, Гоббс старается искать естественные причины, порождающие те или иные желания и нравы. При этом он сопоставляет суждения древних греков и римлян и текст Библии. Критическое отношение к некоторым суждениям сказывается во многих местах сочинения Гоббса. Например, он тщательно анализирует представления об одержимости дьяволом в тех случаях, когда греки и римляне видят болезни, например, сумасшествие. Суждения в библейских текстах вызывают у него осторожные сомнения – он удивляется, почему даже пророкам приписаны «одержимость» – ведь ни Моисей, ни Авраам не говорили о «демонах», но только о глазе божием, а дух божий означал дух человека, проповедующего слово божие. Объяснение он усматривает в недостатке желания изучать естественные причины: «the want of curiosity to search natural causes» (Ch. 8, p. 38). И здесь же добавлено суждение о нравах: «Я не могу представить другой причины, кроме той, которая свойственна всем людям, а именно: недостаток любознательности для исследования естественных причин, склонность считать счастьем грубые чувственные удовольствия и обладание теми вещами, которые непосредственно доставляют их» (т. 2, с. 110).

Более сложные страсти освещены в гл. X: честолюбие, ценность, достоинство, честь, уважение, т.е. стремления, порожденные отношениями в обществе, отношениями людей между собой. Если в первых главах Гоббс прибегает к методам физиологии и лингвистики, чтобы пояснить разнообразие человеческих стремлений, которые всегда были свойственны людям, то в главе XI он обращается к весьма опасной теме – о естественных причинах, порождающих различные религии. Древние создавали множество богов, наделяя их человеческими страстями, обожествляя явления природы. Однако во всех религиях есть общая особенность – страх перед неизвестным, перед воображаемыми несчастьями, невежество в объяснении явлений, причины которых недоступны разуму людей. И Гоббс приводит суждения древних авторов которые утверждали, что богов создаёт человеческий страх. Кроме того, людям свойственно искать ПЕРВОПРИЧИНЫ ВЕЩЕЙ (XI, pp. 52-55).

Таким образом, уже в первой части своего сочинения Гоббс приводит реальные причины существования множества религиозных культов у разных народов. Бог – это первопричина, о которой люди не имеют знаний. Отсюда вытекает вывод о том, что естественной причиной религии является незнание, сопровождаемое СТРАХОМ перед неизвестным, – подобные суждения давали врагам Гоббса достаточно оснований для его обвинения в атеизме.

Гоббс рассматривает проблему авторства и достоверности отдельных книг Священного писания и в этом отношении он является предшественником позднейших исследователей. В частности, на основании изучения текста Гоббс доказывает, что Пятикнижие написано несколькими авторами уже после смерти Моисея. Моисею принадлежат лишь отдельные места из Второзакония. Точно так же Книги Судей, Руфь, Книги Самуила написаны спустя долгое время после событий, о которых там идёт речь. В книгах Царств и Паралипоменон описаны события до вавилонского пленения, а книги Ездры и Неемии написаны после возвращения из плена. Любопытно наблюдение Гоббса о Книге Иова: он признаёт, что Иов – не вымышленное лицо, однако в целом его судьба послужила автору этой книги для создания трактата на тему: почему порочные люди благоденствуют, а праведные испытывают бедствия. Таким образом, Гоббс самым решительным образом отступил от церковного толкования этой книги как проповеди терпения и покорности всемогуществу бога. Он воспринимает это сочинение как трактат о моральной философии.

Экклезиаист и Песнь песней принадлежат Соломону, а Притчи скорее всего являются собранием изречений нескольких мудрецов, собранных каким-то позднейшим автором. Что касается Нового завета, то его авторы, вероятнее всего были современниками Христа, однако их евангелия объявила каноническими церковь в позднейшие времена. По мнению Гоббса цель у создателей Ветхого и Нового заветов была одна – побудить людей повиноваться земным властителям, которые считались представителями бога – Моисею, пророкам, апостолам, первосвященникам и царям. Гоббс ставит опасный для церкви вопрос: чьей властью Священное писание было объявлено законом. Утверждение, что ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ изначально установлены богом как вечные, Гоббс не оспаривает, однако вводит существенное добавление: повиноваться этим законам известным, например, как заповеди, может

заставить только авторитет государства, но не церкви. Если признать, что любой человек может считать их обязательными, то возникает множество толкований. Гоббс ставит вопрос о светской власти в государстве как о власти, которая является верховной и в толковании естественных законов и в обеспечении соблюдения всех законов подданными светской власти. Церковь, таким образом, лишается прав на Верховную власть, равную власти светских правителей. Из множества примеров, основанных на тщательном изучении текста Библии, Гоббс делает вывод о подчинении духовной власти правителям государства.

Гоббс начинает раздел «О христианском государстве» с пояснения: он собирается излагать принципы христианской политики, исходя из сверхестественного откровения воли божией, но сразу же добавляет весьма дерзкие суждения: «Тем не менее мы не должны отречься от наших чувств и опыта, а также от нашего естественного разума (который является несомненным словом божьим). Ибо все эти способности бог нам дал, дабы мы пользовались ими до второго пришествия нашего святого спасителя. Поэтому они не должны быть завернуты в салфетку слепой веры, а должны быть употреблены для приобретения справедливости, мира и истинной религии» (т. 2, с. 379).

Дальнейшее рассуждение Гоббса подрывает основы церковной политики, поскольку содержит сомнение в утверждении, что именно церковь обладает правом толковать «слово божие». Бог нигде в Библии не является непосредственно, он говорит через пророков, апостолов и церковь. Нельзя поверить тем, кто утверждает, что бог говорил с ними во сне – сновидения имеют естественные причины и возникают из прежних мыслей, – нельзя верить и тем, кто говорит о видениях и вдохновении, – никто не обязан этим утверждениям верить. Очерк о библейских пророках с точными ссылками на текст Священных книг выражает скептицизм автора: Гоббс приводит примеры, когда пророки давали ложные советы и сами были обмануты. В некоторых случаях людей убеждали чудеса – таким путём Моисей заставил иудеев поверить в своё общение с богом. Между тем цель Моисея была вполне ясной – заставить народ Израиля себе повиноваться. Христос, как ясно из текста евангелий также считался царём, т.е. он обладал светской властью – именно за это он и был распят. Ни один из признаков не является достаточным, чтобы обязать людей верить словам пророка, а по-

сколькx чудеса уже не совершаются, то мы не обязаны верить учениям, а только тексту священного писания.

Исследование текста Библии, предлагаемое Гоббсом, основано на принципах тщательного научного толкования, а его выводы вызвали ненависть церковников всех религиозных сект и породили обвинения автора в атеизме и требования сжечь не только «Левифан», но и его автора.

Христос выступал как СПАСИТЕЛЬ, не призывая к бунту против гражданской власти или против римлян. Однако его последователи стали называть его «царём иудеев», и тогда Пилат отдал его на распятие, хотя по тексту евангелий ясно, что сам Христос говорил о своём господстве над человеческой природой, т.е. о будущей власти после своего второго пришествия. Таким образом, Гоббс стремился дать реалистическое истолкование жертвы Христа как основателя нового учения. Обряды крещения, идея Святой троицы истолкованы таким образом, что у церкви отнимается право на власть, остаётся только право учить людей истинной религии. Сам Христос предоставил верховную власть правителям государства или гражданского общества. Множество примеров доказывают нам, что Гоббс применяет филологический метод истолкования текста Библии. Например, в главе XXXVI «О слове божием и о пророках» он доказывает, что в тексте часто выражение «the word of God» (англ. изд. с. 224-225) означает «слово о боге», сказанное авторами текста – авторами евангелий или библейскими пророками. Чаще всего, если исходить из греческого перевода, в котором сохранены древнееврейские термины, это выражение означает «теология», или «богословие», учение христианской религии. Следовательно, «слово божие» – не более чем изложение учения о боге, а с помощью ссылок на бога священники и богословы передают приказы, увещевания, угрозы, обещания. Множество примеров из текста евангелий подтверждают выводы Гоббса: ссылки на «слово божие» – не более, чем моральные и юридические приказания. Возникает вопрос, каким образом бог сообщал пророкам и евангелистам свои приказы, – и здесь Гоббс проявляет немалую дерзость, когда с помощью тщательного филологического анализа текста показывает, что нигде нет ни одного случая появления бога в каком-либо конкретном облике. Единственный спорный момент – беседа бога с Моисеем на горе Синай и в святилище храма. Якобы есть признание, что если с другими пророками бог

говорит с помощью видений и снов, то со своим рабом Моисеем говорит как с другом (Числа, XII, 6-8), т.е. «устаами к устам», «лицом к лицу». Но сразу же Гоббс поясняет, что всё-таки общение происходило посредством ангелов, а во всех других случаях воля бога выражена в видениях. Сомнение Гоббс высказывает и по отношению к пророчествам – их объяснение реалистическое – мысли пророков соответствовали требованиям момента и содержали советы правителям и народу, порицания или предсказания, порожденные знанием жизни и вполне земными целями. По иерархии верховным пророком был Моисей, и Гоббс предполагает, что Моисей сам отбирал преданных ему лиц, которые помогали ему управлять народом, выражали его требования, ссылаясь на бога. Это были надзиратели, судьи и начальники. Таким образом, Гоббс на основании текста Священного писания доказывает, что ссылки на бога служили для укрепления светской власти.

Скептицизм Гоббса проявляется и в его рассуждениях о чудесах – с древнейших времён люди считали чудесами явления природы, которые не могли объяснить, однако по мере того, как развивались науки о природе, явления уже не воспринимались как чудеса. Воздействие людей, которых называли святыми, основано на их способностях, имеющих реальные, но ещё не познанные причины. Гоббс во многих отношениях проявляет себя как учёный, предполагающий, что по мере познания мира «чудеса» исчезнут, т.е. получат научное объяснение.

Рассуждения о вечной жизни, рае и аде столь же реалистичны – он использует рассуждения Иова о смерти и бессмертии, о том, что ожидаемое воскресение и царство божие будет на земле. Гоббс признаёт опасность споров о бессмертии души и о царстве божием и предлагает своё суждение: определять смысл религиозных учений должна верховная светская власть во избежание распрей и войн, порожденных различными толкованиями религиозных учений.

Скептически анализирует Гоббс такие понятия как геенна огненная, тьма кромешная, муки ада – эти метафоры передают человеческие страдания, их физическая природа очевидна, слова о вечных муках можно воспринимать как метафору, а слова Апокалипсиса о том, что смерть и ад отдали мертвых для «второй смерти» воспринимаются как предсказание всеобщего разрушения земного мира.

Ни место ада, ни место рая не обозначено в Писании, поэтому вполне возможно воспринимать эти понятия как метафоры для

определения реального возмездия грешникам и вознаграждения праведникам. Негодование церковников всех верований и всех положений вызывали суждения Гоббса о «церкви», о её целях и правах, как они изложены в Священном писании.

Важный вывод Гоббса, сделанный на основании изучения текста Библии, состоит в том, что пастыри народа жили на добровольные пожертвования, которые были настолько значительны, что высшие лица могли жить в роскоши. Позже с установлением государства возник и закон о десятине, однако пастыри были слугами гражданского суверена и обладали правами на основании гражданских законов. Гоббс подробно разбирает политическое сочинение кардинала Беллармина «О верховном священнике», в котором было обосновано право церкви на независимость от гражданской власти и, напротив, верховенство высших прелатов церкви над государями. Гоббс был талантливым полемистом, он опровергает все положения своего оппонента на основе тщательного анализа тех мест в Библии, где рассматривается вопрос о прерогативах гражданской власти. Гоббс приводит все аргументы Беллармина и доказывает ошибочность его восприятия Священных текстов – филологический метод и в данной полемике позволяет Гоббсу опровергнуть выводы кардинала.

Последняя часть трактата Гоббса называется «О царстве тьмы» – в ней рассмотрен вопрос о «царстве сатаны» или «Вельзевула» и сделан вывод, что текст Священного писания воспринимается и толкуется церковниками ошибочно. Главнейшая ошибка в толковании Священного писания состоит в утверждении, что ЦАРСТВО БОЖИЕ есть ныне существующая церковь и все христиане, тогда как по тексту библейских книг ясно, что царство божие было установлено Моисеем, который внушил, что бог установил его для евреев как своего избранного народа. Они утратили это царство, но бог обещал им восстановить его, когда они вернуться к нему и раскаются. Поскольку второе пришествие Христа ещё не совершилось, то и царства божиего в мире ещё нет. Из ошибочного толкования Библии происходит утверждение, что папа римский – наместник бога, а католическая церковь – верховная власть, от которой зависит власть светская.

Из этой ошибки вытекает такое положение, что в каждом государстве есть люди, претендующие на свободу от гражданского права, как верховные религиозные церковные лица. И далее Гоббс

комментирует смысл всех религиозных обрядов, совершаемых церковью, в частности многие являются не более чем заклинаниями и колдовством. Если египетских волхвов признают обманщиками, то почему такими же волхвами нельзя признать современных церковников? Иронически освещает Гоббс такие обряды как крещение, венчание, соборование, ритуал изгнания духов и многие другие обряды. Гоббс не видит в текстах евангелий оснований для церковных обрядов. Он предлагает иное толкование таким словам как «вечная жизнь» – противоречия в «темных местах» евангелий очевидны, и церковь предлагает толкования, выгодные для неё. Гоббс снова применяет филологический метод в истолковании наиболее спорных мест евангельских текстов, в частности, рассуждений о «царстве божием». Общение апостолов с Христом истолковано как «видения», в достоверность которых можно только верить, но нельзя доказать истинность слов евангелистов и апостолов. Наиболее еретическими должны были предстать суждения Гоббса о бессмертии души. Тексты, на которых основано положение о бессмертии души, отделенной от тела, допускают, по мнению Гоббса, иное толкование, чем предлагаемое церковью. В словах «дух возвратится к богу» есть признание, что один бог может судить, что происходит после смерти. Есть другое изречение – «всё возвратится в прах». Из «Экклезиаста» Гоббс приводит суждение Соломона: «Участь сынов человеческих и участь животных – одна участь; как те умирают, так умирают и эта, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета» (III, 19). Комментарии Гоббса весьма существенно колеблют общепринятое толкование о бессмертии души: «По буквальному смыслу этих слов нет естественного бессмертия души, но это нисколько не противоречит той вечной жизни, которой избранные должны наслаждаться в силу милости бога». Из слов «блаженнее всех те, кто ещё не жил» Гоббс делает вывод, что если душа была бессмертной, то это было бы хуже, чем вовсе не иметь души. Слова Христа, что Авраам, Исаак и Иаков живы также нельзя истолковывать как признание бессмертия души, но всего лишь как утверждение, что возможно их воскресение. Нигде не сказано, что человек должен вечно жить в муках – это не более, чем метафора. Кроме того и воскресение из мёртвых не означает, что грешники воскреснут для вечных мучений. Вывод Гоббса: если мы предполагаем, что вечная жизнь может быть только по милости бога, то

нет другой жизни, кроме жизни тела, и нет бессмертия до воскресения. В текстах нет намека на доказательство существования чистилища для душ умерших. В толкованиях так много парадоксального, что доказать существование чистилища невозможно.

Гоббс отвергает веру в демонов как один из пережитков язычества, это не более, чем призраки, фантомы, вымыслы, образы, созданные воображением. Поклонение и почитание икон – способ получить от бога какие-то милости, подобно тому как поклонение светским царям имеет целью достижение земных милостей.

Гоббс последовательно отвергает претензии церкви (любой) на независимость от верховной гражданской власти в государстве (любом), и в этом отношении он проявляет смелость в эпоху, когда религиозные верования считались основанием для борьбы с государственной властью – недавние события, освещенные Гоббсом в трактате «Бегемот», давали примеры вмешательства церкви в государственную политику.

Власть Моисея была основана не только на его ссылках на общение с богом, но и на произведенных им чудесах, – в течение всей жизни Моисей был верховным правителем иудеев во всех делах. Гоббс утверждает, что одни только ссылки на бога не могли обеспечить Моисею верховную власть над евреями, существовали другие основания его гражданской, чисто светской власти. В Исходе (XX, 18-19) говорится, что когда народ увидел громы, огонь, дымящуюся гору, услышал трубный звук, он в страхе признал власть Моисея и обещал ему во всем повиноваться. Моисей создал светскую политическую систему власти. Гоббс подробно описывает способы, какими Моисей держал народ в повиновении, как он расправлялся со всеми, кто дерзнул противостоять его власти. Семьдесят старейшин были назначены Моисеем – упоминается, что господь «сошел на облаке» и внушил им повиновение. В последующие периоды власть была единой – или в руках жрецов – первосвященников или в руках царей израилевых. В Ветхом завете верховная власть была единой и все её враги уничтожались.

В главе «О церковной власти» Гоббс ссылается на текст евангелий для доказательства, что власть Христа была «не от мира сего», т.е. это была власть проповедовать и поучать, а когда его провозгласили «царём» он был распят.

Особенно существенные положения содержатся в главе XI – о царстве божием в Ветхом завете. Авраам заключил с богом дого-

вор («завет»), по которому для получения земли обетованной и Авраам и все его потомки во всех поколениях обязаны повиноваться велениям бога. Однако об этих велениях знал только Авраам, который обладал властью заставить всех повиноваться его приказам. Поэтому никто не подвергал сомнению веру Авраама, но мысли подданных не были известны правителям. Власть Моисея также была основана на воле бога, но и в этом случае бог говорил не с сынами Израиля, а только с Моисеем. И его власть, как и власть всех светских повелителей основана на согласии народа, ибо Моисей имел власть как основатель государства евреев. Дальнейшая история евреев свидетельствует о том, что верховная светская власть принадлежала или первосвященникам или царям, таким образом, если пророки выступали против царей, их подвергали преследованиям. Вывод Гоббса состоит в утверждении, что верховная власть была светской, что вопросы религии были подчинены гражданским правителям.

В анализе евангельских текстов Гоббс высказал немало суждений, которые с точки зрения ортодоксальной церкви могли казаться еретическими. Судьба Христа рассматривается как судьба человека, который принес себя в жертву, чтобы искупить грехи человечества и обратить людей к истинной вере. До тех пор, пока он был проповедником, и называл себя царём «не от мира сего», а в будущем мире, когда во главе иудеев сядут двенадцать апостолов, до тех пор ему никто не угрожал.

Идолопоклонство, канонизация святых, процессии с иконами, горящими свечами и факелами – все эти действия также являются пережитками языческой эпохи, в частности, многие имеют основания в обычаях римлян и греков. Таким образом, Гоббс задолго до позднейших исследователей устанавливает связи христианства с античными верованиями и обычаями, а также и с более древними верованиями языческих времен⁵.

Рассуждения Гоббса о сущности философии также направлены против теологов – он не считает философию наукой, основанной на опыте, как другие науки – геометрия, астрономия, естественные знания. Обзор философских школ древних греков, а также древних евреев, завершается признанием, что общество не видело в них пользы, поскольку нравственные законы – естественные, но в государстве эти законы устанавливаются и контролируются гражданским законом. В вопросах морали нет ничего, обязательного

для всех, разнообразие взглядов и вкусов так велико, что их свобода приведёт к распаду государства. Споры о добре и зле – не более чем мудрствование и трюки софистов. Нет такой нелепости, которой нельзя встретить в древних философских учениях. Что касается синагог, то в них слушателям предлагали смесь философии греков и теологии, основанной на вымыслах и произвольном толковании Библии.

Перечисление нелепостей завершается рассуждением Гоббса о причинах распространения такой духовной тьмы – кому выгодно подобное невежество (гл. XL, VII). Выгоду извлекает католическая церковь, прежде всего папа римский, который объявил себя главой всего христианского мира. Между тем право верховного учителя было пожаловано папе императорами. В Англии победила гражданская власть, но в других странах церковь всё ещё обладает правом отлучать даже королей и тем самым присваивает себе власть, а также право освобождать церковников от гражданских законов, поскольку они подчинены римскому папе. Такие таинства как освящение брака, исповедь, право канонизации святых, отпущение грехов и другие прерогативы церкви, учение о чистилище, схоластика богословия, – все эти способы применяются церковью для укрепления своей власти, поэтому именно церковь является виновницей духовной тьмы – невежество – основа её власти над народом. Соучастниками в этом преступлении являются те государи, которые отдали церкви подобные права. В самом начале гражданские власти могли оставить ложные учения, но когда народ поработен тьмой, трудно найти способы избавления. Даже бог не смог предотвратить бунтарские учения.

В заключении Гоббс снова возвращается к мирским делам, которые сводятся «к постоянной борьбе за почести, богатства и власть». «Человеческая природа и гражданские обязанности, поэтому не так уж несовместимы, как это некоторые полагают». Но есть, по мнению Гоббса один непреложный закон: «всякий человек обязан в силу естественного закона защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он получает защиту в мирное время».

Возможно, под влиянием недавних политических событий, Гоббс в своём заключении не только даёт резюме главнейших положений своего трактата, но и поясняет законы, которым должен человек следовать в период гражданских войн и беспорядков. Необходимо прояснить момент, когда человек может подчиниться

завоевателю или пойти на примирение. Тот, кто заключён в тюрьму и закован в цепи, не покорён, хотя он побеждён... Тот же, кому за обещание оказывать повиновение, подарили жизнь и свободу, покорен, и тогда становится подданным, но не ранее».

Что касается прав на государственную власть, то не следует оправдывать незаконный захват, совершенный в давние времена, потому что «вряд ли есть какое-нибудь государство в мире, начало которого можно было бы по совести оправдать». Гоббс разошёлся с античными авторами в определении тирании – это не более, чем верховная власть, а тиранией её называют недовольные.

Гоббс в заключении дополнил своё толкование Ветхого завета рассуждением о наказаниях, которым подвергались уголовные преступники, он считает древние законы необходимыми для сохранения повиновения светской власти. Гоббс добавляет, что написал свой трактат, следуя разуму и истине, его сочинение свободно от пристрастия и следует человеческой природе и естественным законам. Любопытно и суждение о революциях: прежние истины кажутся зловещими для разрушителей, а те, кто строит новый порядок, видят только их оборотную сторону – но его сочинение не колеблет существующий порядок⁶.

Учение Томаса Гоббса о сущности и формах гражданского государства изложено во Второй части трактата «Левиафан», озаглавленной «О государстве». Во всех критических работах повторяется тезис «война всех против всех» как обоснование необходимости твёрдой власти, без которой возьмут верх эгоистические страсти, свойственные природе человека. Многочисленные оппоненты Гоббса подвергают вывод Гоббса о природе человека сомнениям, предполагая, что его тезис «война всех против всех» имеет абсолютный смысл, содержит отрицание добрых свойств человека, – полемика авторов XVIII века по вопросу о природе человека достаточно известна, а его учение о государстве современники Гоббса воспринимали как оправдание монархии и тирании.

Между тем идеи Гоббса о природе человека и о государстве необходимо рассматривать в связи с конкретной ситуацией, порождающей подобную «войну всех против всех». Гоббс неоднократно говорит о том, что подобное состояние общества возникает в те периоды истории, когда нет государственной власти, когда нарушен порядок в обществе, например, в эпохи гражданских войн – тогда человек вынужден сам защищать свою жизнь, своё иму-

щество и добиваться жизненных благ своими силами, поскольку инстинкт самосохранения – естественное свойство его природы, а защиты от государственной власти он оказывается лишенным. Таким образом, вывод о всеобщей войне интересов не представлен как порождение изначально эгоистической природы человека, а является закономерным результатом особого состояния общества в данный исторический момент.

Любопытно, что выводы Гоббса о подобном состоянии вполне согласуются с некоторыми суждениями в драмах Шекспира, которого никто не обвиняет в незнании человеческих страстей. В драме «Троил и Крессида» введен знаменитый монолог хитроумного политика Одиссея (Улисса) о состоянии мира, когда нарушен порядок и иерархия (акт II, сц. 3). С выводами Гоббса вполне совпадают следующие идеи Улисса: в мироздании существует иерархия и порядок, солнце управляет планетами подобно королю, который определяет добро и зло и наказывает проявления зла. Если порядок нарушен, возникает хаос, мятежи стихий, морские штормы, землетрясения, изменения и разрушения, – единство уничтожено, и в обществе разрушено всё – мир, торговля, привилегии возраста, короны, рождения. Наступит власть насилия, сын убьёт отца, сила будет правом, точнее не будет понятий права и неправды, справедливости и правосудия, – каждый потребует власти, воля будет удовлетворять страсти – Шекспир вводит слово «Appetite» объединяющее эгоистические страсти и желания. Вывод Улисса: «Аппетит, этот вселенский волк, поддержанный волей и властью, насилием сделает мир своей добычей и в конце концов пожрёт сам себя». Как можно видеть, Шекспир в этих словах Улисса рисует типичную картину «войны всех против всех», символизируя господство насилия, исчезновение понятий добра и зла, которые в обществе существуют благодаря правосудию.

Сравним идеи монолога и рассуждения Томаса Гоббса, обоснованные множеством аргументов из древней и новой истории, из периодов общественных потрясений, когда разрушено государство. При отсутствии гражданской власти и законов нет защиты граждан со стороны верховной власти, поэтому начинается «война всех против всех» не в обычном смысле военных столкновений, а в борьбе интересов, которые не сдерживаются законами и принуждением. Это состояние неуверенности в будущем, опасения за жизнь и собственность, упадок хозяйства, земледелия, ремесла,

торговли, мореплавания, науки, искусства: «Жизнь человека – одинокая, бедная, отвратительная, грубая, краткая» (гл. XIII, pp. 63-65). Но даже в обычное время, продолжает Гоббс, люди запирают двери своего жилища, прячут ценности, правители строят крепости, накапливают вооружения, готовят солдат, – следовательно, в период мира готовятся к войне.

Когда возникает состояние «войны всех против всех», нет понятий добра и зла, правосудия и несправедливости. Если человек нарушает естественные законы, он совершает грех, но не преступление, ибо преступление возникает только при нарушении гражданских законов, установленных светской властью. И человек не виновен, он следует ИНСТИНКТУ САМОСОХРАНЕНИЯ, он имеет право защищать свою жизнь собственными силами, если власть его не защищает.

Гоббс определяет ГОСУДАРСТВО как такое объединение людей, которое основано на ДОГОВОРЕ: ради сохранения мира и своей безопасности люди отказались от части своих естественных ПРАВ и ИНТЕРЕСОВ, но никогда не отказываются от ПРАВА ЗАЩИЩАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ – это право неотчуждаемое, никакие законы и никакие правители при всех формах государства не могут лишить людей СВОБОДЫ ЗАЩИЩАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ (гл. XIV-XV). Длинный перечень пунктов ДОГОВОРА между подданными и властью включает условия сохранения согласия в государстве. По природе все равны, однако в обществе с древнейших времен равенства нет – и есть различие в собственности. При этом владения, которые нельзя разделить, должны быть в ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Гоббс разделяет личные взгляды людей и поведение – если религиозные или политические взгляды расходятся с общепринятыми, но не нарушают установленный порядок в государстве, они не должны подвергаться преследованиям (Гоббс отстаивал терпимость ко всем отклонениям от установленных религиозных направлений, не делая исключения для атеизма, хотя сам он часто оправдывается от обвинений в атеизме). Подобно Бэкону Гоббс видит опасность религиозных распрей, угрожающих государству, и деятельность церкви, направленную на борьбу с государственной властью, призывает подавлять в самом начале.

Современники и многие критики теории Гоббса воспринимали его учение как защиту монархии. Между тем, Гоббс во многих

местах подчеркивает, что верховная власть в государстве может принадлежать одному (монархия), многим (Собрание, Парламент) или демосу – выборное правление, осуществляемое всем народом. Все формы государства должны и могут обеспечить СИЛЬНУЮ ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ, хотя труднее всего этого достичь при так называемом народном правлении. Гоббс особенно подчеркивает опасность разделения власти, разногласия двух ветвей власти могут привести к ослаблению и гибели государства. Этот вывод основан не только на изучении современных событий, но и на примерах из истории.

Гоббс признаёт недостатки наследственной монархии, но ещё больше недостатков он видит в положении, когда государство разделено на враждебные группировки в результате столкновения интересов разных ветвей власти. Единая твёрдая верховная власть – основа прочности и процветания государства (гл. XIX – о формах государства). Для обоснования прав верховной светской власти Гоббс обращается к тексту Ветхого завета, приводя примеры насильственного укрепления власти царей израильского народа. Он убежден, что даже неограниченная власть монарха или диктатора – меньшее зло, чем анархия и «война всех против всех». Гоббс завершает раздел о государстве очерками о законодательстве, о качествах, необходимых советникам верховной власти, упоминает и о контроле над проповедями и религиозными сектами – бог нигде не обеспечивает победу «истинной» религии, в государстве право определять господствующую религию принадлежит верховной светской власти. Если священники не подчиняются гражданской власти, их смещают, – и обоснование такого вывода Гоббс делает на материале Ветхого завета.

Вопрос о политических взглядах Гоббса вызывал меньше споров, чем проблема его религиозных воззрений. В отношении понятия «бог» можно сделать вполне определённый вывод: для Гоббса «бог» – первопричина всего сущего, однако поскольку МИРОЗДАНИЕ ВЕЧНО, и вопрос о «первопричине» – это порождение человеческого разума, попытки придать «богу» какие-то конкретные формы неудачны, ибо всякая «форма» обладает конечным существованием и местом существования. Между тем бога определяют словами «вечный, всемогущий, бесконечный, непостижимый» – это попытки человека понять «вечность» и «бесконечность» мира. В Ветхом завете есть лишь одно определение бога «Аз есмь»,

то есть «я есть». Гоббс во многих местах осторожно намекает, что культ единого бога в Библии – всего лишь одно представление о нём, а в других религиях существуют иные представления о боге и богах. Возникает весьма опасная идея, что боги порождены человеческой фантазией, а верность богу состоит в следовании естественным законам отношений между людьми. Обвинения в атеизме имели основания.

Политические воззрения Томаса Гоббса полнее всего выражены в его позднем сочинении «Бегемот», запрещенном королём Карлом II и опубликованном только в 1680 г. уже после смерти Гоббса. Многие идеи содержались и в более ранних произведениях, в частности в трактате «Левиафан», но в исследовании революции и гражданской войны Гоббс выступает как очевидец событий и как историк, следующий методу Фукидида, которого он перевёл и высоко ценил, утверждая, что Фукидид принёс больше пользы человечеству, чем все церковники. Главная черта античного историка – изучение фактов и объяснение причин и хода Пелопонесской войны на основе реалистического метода, когда историк полностью отказался от мифологии, божественного вмешательства и других вымыслов, а объяснял все события, исходя из интересов различных слоёв народа и государственных интересов разных городов и стран. Фукидид – светский историк, и этим он особенно близок позиции Томаса Гоббса в истолковании событий английской революции. Нет оснований упрекать автора в недооценке материальных интересов сословий и партий, хотя об этом он говорит редко. Гораздо больше внимания Гоббс уделяет проблеме состояния власти в Англии в период правления Карла I, когда резко обострились отношения короля и парламента и отношения короля со всеми сословиями в стране. Гоббс следует выводам Фрэнсиса Бэкона, который говорил, что главная опасность для существования государства возникает в периоды, когда все сословия и низшие и высшие недовольны центральной властью, и когда к этому добавлены «возмущения желудка», т.е. трудное экономическое положение большинства народа.

В сочинении «Бегемот» роялисты с полным основанием увидели восхваление политики Оливера Кромвеля и убедительное объяснение причин гражданской войны и поражения Карла I. Более того, в некоторых местах текст давал повод говорить о двойственном отношении автора к суду над королём и к его казни.

Подробное обсуждение права на протест, если короля считают тираном, сопровождается ссылками на античных историков и на французских политиков, в частности вопрос о праве народа на сопротивление напоминает по стилю аналогичные проблемы в трактатах Ла Бозси и Дюплесси Морне (pp. 226-227), иногда упоминаются имена английских парламентских ораторов, противников монархии.

Причины гражданской войны, отмеченные в трактате, многочисленные, причём эти причины выясняются в диалоге – приём диалога между двумя друзьями «А» и «Б» позволяет Гоббсу маскировать собственную позицию, поскольку в некоторых суждениях содержится критика насильственных действий. Основные причины конфликта между королём и парламентами заключены в попытке Карла I проводить политику, вызывающую недовольство во всех слоях населения, в частности по религиозным и экономическим причинам. Гоббс признаёт эффективность борьбы оппозиции против злоупотреблений, фаворитов, налогов, но сразу же один из собеседников поясняет, что подобные обвинения со стороны ораторов не означали их искренней заботы о государстве – каждый следовал своим интересам и взглядам.

Особенно много внимания Гоббс уделяет проблеме контроля над антигосударственными проповедями, когда народу внушают ненависть к правителям – и в церквах и в католических университетах подобные проповеди не преследовались. На вопрос, почему, это произошло Гоббс даёт ясный ответ – у короля не было денег, чтобы платить армии, парламент обладал контролем над финансами. И сделан вывод, что накануне гражданских раздоров король был лишен реальной власти, никакие уступки не могли ему помочь. Более того, когда Оливер Кромвель стал во главе армии, у королевских сторонников не было шансов на победу, его таланты полководца были очевидны.

Меры, которыми можно было предотвратить гражданскую войну, представлены в различных оценках – подавление оппозиции могло повлечь казнь тысячи, а в гражданской войне погибли сто тысяч англичан. Казнь короля после победы революции была неизбежна, поскольку его ненависть к победителям привела бы к вторжению французов и к вмешательству католических правительств других стран. Подобный вывод высказан не прямо, а в качестве одного из мнений.

Что касается упреков в жестокости, то следует возражение: в древнем Риме ни один из тиранов не был столь жестоким как народные собрания (р. 193). Гоббс открыто восхваляет политику Генриха VII, который без шума старался наполнить казну, и политику Генриха VIII, который путём реформации подчинил церковь государственной власти и преследовал всех, кто выступал против его политики (р. 235). Характерно, что Гоббс продолжает в новом трактате критику ошибочного толкования Ветхого завета, в частности и вопроса о власти церкви. Перевод Библии дал возможность каждому толковать Священное писание в своих интересах. Что касается евангельских требований повиноваться правителям, то эти требования не удерживают от мятежей, ведь каждый озабочен выгодой в данный момент в земной жизни, не взвешивая добра и зла в будущей жизни, которой они не видят (р. 231). В этих словах можно усмотреть аналогию с очень опасным суждением шекспировского Макбета, который признаёт, что он рискнул бы будущей жизнью, если бы ему не угрожал земной суд (акт I, сц. 7). Косвенно, Гоббс признаёт, что религиозные угрозы посмертного возмездия не удерживают людей от мятежей и войн. Между тем ссылки на Священное писание используют проповедники для возбуждения невежественных толп народа, ничего в этом не понимающего. Поэтому Гоббс и в «Левиафане» и в «Бегемоте» решительно выступает за жесткий контроль над проповедями и в церквях и в университетах – свободы нет ни в одной стране, свобода ведёт к революции.

Гоббс вводит историю возникновения парламента в Англии – в средние века этот орган был создан королями, чтобы укрепить свою власть в борьбе с баронами, однако со временем парламент стал второй властью в государстве. Гоббс решительно одобряет политику Оливера Кромвеля, который сумел не только полностью подчинить парламент, но и в краткий срок завершить покорение страны, а также Шотландии и Ирландии, чего не удавалось сделать многим королям. Более того, Гоббс не без сочувствия передаёт суждение Кромвеля, который объявил, что парламент у него в кармане. Критическое отношение Гоббса к принципам демократии выражено здесь столь же резко, как и в «Левиафане», и это позволило многочисленным противникам из «демократического» лагеря обвинять Гоббса в приверженности к диктатуре, независимо от законности или незаконности единоличной власти. Между тем,

Гоббс, допуская возможность насильственного захвата власти (в период революций), в дальнейшем считает необходимым диктаторам укреплять власть с помощью законов, денег и армии.

Причину поражения революции Гоббс усматривает в неспособности преемника Оливера Кромвеля – его сына Ричарда – к управлению страной, а также в отсутствии государственных деятелей, которые могли бы сохранить завоевания революции и гражданской войны. Слабость власти, неспособность парламента привели, по мнению Гоббса к реставрации монархии и воцарению ныне царствующего монарха, тем более, что его поддерживала Франция и другие государства. Подобные суждения, а не только восхваление Кромвеля, повлекли запрет на публикацию этого сочинения. Карл II мог понять опасность, тем более что у Гоббса были многочисленные враги среди роялистов и духовенства.

Для общей оценки воздействия «Левиафана» на позднейших философов и историков достаточно напомнить, что многие положения Гоббса были восприняты энциклопедистами во Франции, что его учение о верховной власти государства над церковью разделяли политики позднейших времен вплоть до XX века, что критический анализ текста Библии нашёл подтверждение во многих позднейших исследованиях, а принципы политики для укрепления государства получили практическое воплощение и в деятельности английских правителей и в других странах в XIX и XX веках.

Март 2002 г.

Примечания

¹ Английский текст трактата Гоббса привожу по изданию, которое было мне более доступным: *Leviathan, by Thomas Hobbes, with an introd, by A.D.Lindsay. L. – N.Y. [192 – Страницы указаны в тексте. Русский перевод отдельных цитат дан по изданию: Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1964.*

² Вальденберг В. Закон и право в философии Гоббеса. СПб., 1900; Klenner H. Des Thomas Hobbes «bellum omnium contra omnes». Berlin, 1989.

³ *La Pensée et l'influence de Thomas Hobbes. Paris, 1936.* Связи взглядов Гоббса с философскими теориями XVII века и их влияние на учение Спинозы рассматривает В.В.Соколов в статье «Человек, общество, го-

сударственность и культура у западноевропейских теоретиков естественного права XVII в.» // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 260-291. Этические воззрения Б. Мандевилля, одного из последователей Гоббса в XVIII в. изучены в статье: Мееровский Б.В. Английские моралисты XVIII в. о «природе человека» (А. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Б. Мандевиль) // История философии и вопросы культуры... С. 292-318. О взглядах Гоббса см.: Мееровский Б.В. Гоббс. М., 1975.

⁴ Упомянув о противоречиях в сочинениях Гоббса, нельзя забывать, что многие его оговорки и оправдания объясняются характером эпохи религиозных и политических потрясений, когда требовалась известная осмотрительность. XVII век ознаменован множеством выдающихся открытий в областях, которые были опасны – в анатомии и медицине, в механике, математике и астрономии, но за эти открытия ученые подвергались преследованиям: Джордано Бруно сожжен в 1600 г., Галилей вынужден был отречься и был подвергнут суду инквизиции и унижительному наказанию, в 1637 г. он ослеп. Сервет, рискнувший ещё в XVI веке подвергнуть сомнению учение о троице, был сожжен в Женеве по приказу Кальвина. Особенно опасным было обвинение в атеизме, и Гоббс во многих местах вводит оговорки, которые помогают ему отвергнуть обвинение в атеизме.

⁵ Новейшие исследования подтверждают выводы Гоббса, см., например: Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1989.

⁶ Суждения Гоббса об английской революции изложены в сочинении «Бегемот». В дальнейшем ссылки даются на издание:

Behemoth: the history of the causes of the civil wars of England... (The English works of Thomas Hobbes... Vols. 1-11. London, 1839-1845, vol. 6).

ЛОНДОН XVI в. И ТЕАТР «ГЛОБУС»

В XVI веке Лондон был крупнейшим в Англии торговым, научным и культурным центром. Город не был создан по единому плану, а развивался стихийно в течение нескольких веков. Место, где он возник, впервые упоминает Тацит в начале II века н.э., называя его «Лондиниум», предполагают, что он романизировал кельтское название. Римляне построили Лондонский мост для переправы в район Саутверка, окружили центр поселения стеной, построили форт на том месте, где через тысячу лет Вильгельм Завоеватель приказал воздвигнуть «Белую башню», которая получила название «Тауэр». В последующие века вокруг Тауэра строились башни, стены, часовни, к началу XVI века Тауэр превратился в тюрьму, где были помещения для узников, камеры пыток, но также и жилые помещения¹.

Многие архитектурные и исторические памятники существовали уже в XVI веке, но после пожара 1666 г. они были заменены новыми. Современные здания Вестминстерского аббатства и Собора Святого Павла восстановлены по проектам знаменитого архитектора XVII в. Кристофера Рена. Вестминстерский дворец, первоначально был построен в правление Эдуарда Исповедника, после Норманского завоевания 1066 г. он был увеличен в размерах, к нему присоединили Вестминстерский Холл длиной в 240 и шириной в 67 футов. В конце XVI в. Ричард II приказал заменить простую деревянную крышу покрытием из лучших сортов дерева с художественной резьбой, а в Холле поставить скульптуры королей. Вестминстерский дворец стал жилищем королей, государственных чиновников, местом для учреждений и судебных органов. Только в начале XVI в. Генрих VIII переселился в Уайтхолл, дворец в одной миле от Вестминстера. В правление Елизаветы Тюдор дворец принадлежал парламенту.

Собор Святого Павла возник на месте деревянной церкви, построенной в 604 г. по приказу Этельберта короля Кента, эта церковь сгорела, в X в. саксы восстановили её. В правление Вильяма Руфа, сына Вильгельма Завоевателя, на этом месте был построен собор

внушительных размеров для судебных процессов над еретиками и колдунами, осуждённых сжигали на кострах рядом с собором в Смитфилде. Во второй половине XVI в. Собор Святого Павла был центром торговли и общественной жизни, здесь был весь Лондон. Многочисленные мелкие и крупные магазины предлагали английские и заморские товары, здесь велась и книжная торговля, производились проповеди, зачитывались правительственные «прокламации», т.е. обращения к народу Англии и гражданам Лондона, вершились суды над еретиками и изменниками из простого народа. Джон Стоу, автор «Обозрения Лондона»² подробно описывает разделение Лондона на округа (Стоу вводит термин «wards» для административных районов), называет улицы, мосты, дома и дворцы знатных лиц, перечисляет десятки имён известных в конце XVI в. лиц. Другое сочинение Стоу «Анналы» даёт представление о повседневной жизни Лондона. Стоу был сыном и внуком портного, он записывал всё, что он мог видеть и слышать в кругу лондонских ремесленников, он искренне верил всему, что сообщалось в правительственных обращениях, радовался тому, что раскрыты заговоры, сообщает о многочисленных казнях как о будничных событиях, перечисляет многие имена казнённых и умерших в Тауэре. Этот трудолюбивый историк жил и умер в нищете, получив от короля Якова Стюарта разрешение просить милостыню.

В наиболее известном во времена Шекспира труде Вильяма Харрисона «Описание Англии», которое Рафаэл Холинshed включил в свои «Хроники Англии, Ирландии и Шотландии», отражены все стороны жизни и нравы англичан XVI века. Харрисон как протестантский священник сокрушался о падении нравов и упадке церкви: она превратилась в осла, на котором возит поклажу любой торговец, а молодые люди пренебрегают изучением священного писания и духовным званием – дети дворян учатся в университетах, путешествуют и привозят из Италии равнодушие к вере: глупец, кто ради веры теряет имущество, а если жертвует жизнью, то его считают сумасшедшим. Он описывает процветание Лондона, развитие ремёсел и торговли, богатство ремесленников и торговцев³. Постройка Биржи ещё в 1519 г. отразила развитие торговли, Темпл был юридической корпорацией, а Савой, подаренный королевой Уолтеру Роли, был одним из замечательных дворцов. Упоминает Харрисон и замок Хэмптон, в прошлом владение кардинала Вулси, а также Тауэр, Ньюгейт, здание таможни, дворец Сомерсета, построенный,

когда тот был протектором при малолетнем короле Эдуарде VI, здание Гилдхолл, где размещались торговые гильдии. Карта, составленная в 1593 г., содержит упоминания главных улиц и зданий, а также названия гильдий. Главные улицы шли через Лондонский мост, в каждом районе Лондона были свои примечательные места, упоминаемые современниками. В районе Чипсайда была таверна «Русалка», где собирались поэты и драматурги, в Истчипе в таверне «Кабанья голова» проводили время шекспировский Фальстаф и его приятели. Темза была главной водной магистралью, источником многих сортов рыбы – там ловились семга, кета, лосось, обитали лебеди и другие птицы, современники упоминают и о том, что ежедневно по Темзе плавали до двух тысяч лодок.

Путешественники восхваляли пышность двора королевы Елизаветы, один из них Поль Хентцнер, излагая историю Лондона, описывает свои впечатления о внешности и характере Елизаветы, упоминая и о её познаниях – она обращалась к послам на их языке, знала французский, итальянский, греческий и латинский, а также шотландский, испанский и голландский⁴. Но Хентцнер упоминает и о многочисленных казнях, о том, что в Лондоне вешают до трехсот воров и часто вешают людей за сущие пустяки. Другой путешественник Финес Моррисон, знакомый со всеми странами Европы, с восхищением писал о заботливом обслуживании в английских тавернах и гостиницах, нигде нет и такой вкусной и дешевой еды⁵. О политических событиях XVI в. сообщают «Хроники» Р. Холиншеда⁶.

Наиболее объективное описание таких событий конца XVI века как заговор Энтони Бабингтона, суд над Марией Стюарт и её казнь, а также заговор, суд и казнь Роберта Эссекса содержится в сочинении самого знаменитого историка Вильяма Кэмдена. Этот необычайно смелый историк всё же боялся опубликовать свою «Историю королевы Елизаветы»⁷ на английском языке, поскольку о многих казненных по обвинению в измене он писал сочувственно, зная их лично. Всех участников заговора Бабингтона он характеризует объективно и описывает поведение каждого перед казнью. Он убедительно говорит о том, что казнь Марии Стюарт была произведена в нарушение всех законов, но приводит и аргументы её врагов, которые доказывали, что безопасность государства – высший закон, и всё, что необходимо для спасения государства, должно считаться справедливым. Любопытно, что Кэмден не счи-

тает даже мятеж Эссекса опасным для Англии, опасаясь суда, он всего лишь пытался устранить личных врагов. Однако горожане его не поддержали, – мятежи возникают, когда народ страдает от бедности, а лондонцы были богаты.

Центром литературной жизни были друзья Кэмдена – учёный антикварий Роберт Коттон, владелец знаменитой библиотеки, философ Фрэнсис Бэкон, поэт Бен Джонсон, юрист Эдвард Кок, парламентарий Джон Селден, дипломат Генри Уоттон, писатель Мэтью Сатклифф, автор трактата о военном искусстве. Другой центр научной жизни – друзья графа Нортемберленда, среди них историк Уолтер Роли, Фулк Гревиль, автор антимонархических трагедий. Третий круг литературной жизни – друзья Мэри Хартли Сидней. Сестра Филипа Сиднея стала третьей женой графа Пемброка, близкого друга фаворита королевы Роберта Лейстера. Графиня подсказала своему брату замысел романа «Аркадия», редактировала текст и закончила роман после смерти Сиднея. Её сыновья Вильям и Филип были покровителями театра «Глобус» и Шекспира – им посвящено Первое фолио 1623 г.

Конец XVI в. ознаменован появлением многих выдающихся трудов – кроме уже упомянутых исторических сочинений Холиншеда, Кэмдена, Стоу, известны «Законы церковного устройства» Ричарда Хукера, «Главнейшие плавания, путешествия и открытия английской нации» Ричарда Хаклюйта, «Разоблачение колдовства» Реджинальда Скота. В истории борьбы пуритан с театрами особенно популярен трактат Филипа Стаббса «Анатомия злоупотреблений». В конце века наблюдается расцвет театрального искусства в Лондоне, действуют театры «Роза», «Куртина», «Лебедь», «Фортуна». Наконец, самый известный – «Глобус».

Основателем профессионального постоянно действующего театра был Джеймс Бербедж, отец знаменитого трагического актера Ричарда Бербеджа (1567-1619). В 1576 г. Джеймс Бербедж арендовал участок в Блэкфрайерс и построил свой «Театр». Однако незадолго до смерти в феврале 1597 г. он вынужден был закрыть театр, потому что владелец участка отказался продлить аренду. Сыновья Джеймса Ричард и Катберт вместе с актерами разобрали здание и несмотря на протесты владельца земли перенесли строительные материалы на южный берег Темзы, они действовали быстро, вооруженные мечами, топорами и кинжалами. Уже в сентябре 1599 г. в новом театре «Глобус» давались спектакли. Именно труппе лор-

да-камергера и другой труппе лорда-адмирала власти Лондона разрешили действовать, несмотря на протесты пуритан⁸.

«Глобус» был народным театром, билеты были настолько дешёвы, что даже бедняки могли пожертвовать ужином, чтобы посмотреть спектакль. Устройство театра, как предполагают, было таким, как в других народных театрах, например в здании «Лебедь», где было три тысячи мест. Соломенная крыша защищала галереи и часть центра, но стоячие места внизу находились под открытым небом. «Глобус» процветал благодаря Шекспиру, сохранились свидетельства современников, что театр был переполнен, когда шли драмы Шекспира. Кроме того, в нём, как признают современники, играли выдающиеся актеры, для которых Шекспир писал самые сложные сцены и монологи. После пожара в 1613 г. он уже через год был восстановлен. Труппа существовала до 1642 г. и только в 1644 г. «Глобус» был до основания разрушен пуританами.

Примечания

¹ Фотографии Тауэра и портреты многих жертв приведены в очень интересном сборнике: *The Wonderful story of London*. Gen. ed. Harold Wheeler. London, [s.a].

² Stow John. *A Survey of London*. Ed. by Henry Morley. London, 1890. P. 87; *The Annals of England*. London. [16-] P. 468-469 etc.

³ Harrison W. *Description of England in Shakespeare's youth*. Ed. by F.J. Furnivall. London, 1877. P. XXXII, exii, 25, 111 etc.

⁴ Hentzner P. *Itinerarium Germaniae, Galliae, Angliae*.// Harrison W. Op. cit. App. II. P. LXXVI.

⁵ Moryson Fynes. *An Itinerary...* 1617. P. 3. P. 151 (Cited in Harrison W. Op. cit.). Отрывки из соч. Морисона приведены в сб.: Wilson, John Dover. *Life in Shakespeare's England. A book of Elizabethan prose comp. by J.Dover, Wilson*. [London, 1959].

⁶ Holinshed R. *The chronicles of England, Scotland and Ireland*. In 6 vols. London, [1807-1808]. Vol. IV. Pp. 898-899 etc.

⁷ Camden W. *The history of the most renowned and victorious princess Elizabeth, late queen of England* 3d ed. London, 1675. P. 370-372.

⁸ См.: Halliwell-Phillips J.O. *Outlines of the life of Shakespeare*. The 6th ed. Vols. 1-2. London, 1886. Vol. 1. Pp. 273-293; Chambers E.K. *The Elizabethan stage*. Vols. 1-4. London, 1923; Аникст А.А. *Театр эпохи Шекспира*. М., 1965; Zbierski H. *Shakespeare and the war of the theatres*. Poznan, 1957.

СОЧИНЕНИЕ ДЖАЙЛСА ФЛЕТЧЕРА «О РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ» (1591 г.) И ЕГО СУДЬБА В АНГЛИИ И РОССИИ

Джайлз Флетчер (Giles Fletcher, 1549?-1611), автор сочинения «О русском государстве», один из членов талантливой семьи (конца XVI - начала XVII вв.). Он начинал литературное творчество как поэт, получил образование в Итоне и в Королевском колледже в Кембридже, а в 1588 г. был назначен послом в Россию. Его два сына Джайлз Флетчер младший и Финеас были поэтами, подражателями Спенсера, его племянник Джон Флетчер, сын священника, а позднее епископа, стал одним из известных драматургов, соавтором Фрэнсиса Бомонта и автором собственных весьма популярных пьес. Однако Джайлз Флетчер старший приобрел известность не как поэт, а как историк, автор мемуаров о своём пребывании в России в правление Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова.

В 1586 г. английская Московская компания получила право беспошлинной торговли с Россией, а посольство Флетчера должно было обеспечить и закрепить монополию этой крупной торговой компании. По возвращении в Англию Флетчер опубликовал своё сочинение: «О русском государстве», название первого издания 1591 г.: *Of the Russe common wealth, or maner of governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Moskovia) with the manners and fashions of the people of that countrey. London, printed by T.D[awson] for Thomas Charde, 1591¹.*

Публикация вызвала резкие протесты купцов Московской торговой компании, которые опасались, что сочинение повредит их торговле с Россией. Всё издание было конфисковано и уничтожено, хотя отдельные экземпляры сохранились. Решение принял Вильям Сесиль лорд Берлей, но, возможно, что королева Елизавета усмотрела в резких суждениях о тирании и жестокостях опасные намеки. В 1600 г. Флетчеру могла повредить его близость к кружку Роберта Эссекса, хотя в заговоре он не участвовал.

У Джайлса Флетчера был предшественник – сэр Джером Горсей, который оставил воспоминания о пребывании в России как

представитель Московской компании, но он вызвал недовольство и Компании и русских чиновников и был выслан, а в его мемуарах обнаружено много ошибок. Сочинение Джайлса Флетчера было использовано Ричардом Хаклюйтом в знаменитом труде «Главнейшие плавания, путешествия, торговые пути и открытия, сделанные английской нацией на море и на суше в отдалённых и далёких регионах земли в разное время в течение этих 1600 лет, разделенные на три тома в зависимости от регионов». Это уникальное сочинение было издано в 1599 г., в первом томе использованы записки Ченслера, Дженкинсона о путешествиях в Россию, но также и отрывки из запрещенного и конфискованного труда Джайлса Флетчера².

Несколько позже использовал эти материалы С.Перчас, издавший свои мемуары в 1625 г.³. Наконец, только в 1643 г. в Англии был опубликован вариант сочинения Флетчера. Однако полный текст труда Флетчера с приложением записок Горсея появился в Лондоне только в 1856 г. благодаря усилиям членов Общества Хаклюйта⁴. Издатель Эдвард А.Бонд сообщал, что впервые даёт полный текст этих сочинений, напечатанный с рукописей. В приложениях приведены документы – среди них жалобы русских чиновников против Горсея, переписка, связанная с торговыми отношениями России и Англии, обращение Московской торговой компании к Вильяму Сесилу с просьбой запретить сочинение Флетчера и другие документы, проясняющие судьбу мемуаров Горсея и Флетчера.

Послание главарей торговой компании вполне можно считать не только экономическим, но и политическим документом – немало места уделено политическим суждениям Флетчера, в частности, его оценкам правления в России: это, по мнению Флетчера, тираническое государство, где нет законов, хотя после смерти Грозного Борис Годунов меньше проливает крови. Вполне возможно, что именно политические обвинения и послужили главной причиной запрета сочинения «О русском государстве».

Судьба сочинения Флетчера в России также была драматичной. Первый русский перевод был сделан с издания 1591 г. Перевёл сочинение Флетчера Дмитрий Иванович Гиппиус, сын московского купца, лютеранин, но его жена и дети – православные. Рукопись перевода имеет многочисленные поправки, их сделал член «Общества истории и древностей российских» Н.В. Калачев, и в

сентябре 1848 г. перевод был опубликован в первой книге этого общества⁵. История перевода и издания освещена в исследовании С.А. Белокурова «Дело Флетчера»⁶. Предполагают, что министр просвещения С.С. Уваров из личной вражды к председателю Общества графу С.Г. Строганову донёс о публикации царю и Николай I вынес Строганову выговор. Секретаря общества Осипа Максимовича Бодянского предполагали отправить в Казань, но он вышел в отставку. Позднее и он и С.Г. Строганов снова были избраны руководителями Общества. О.М. Бодянский сделал попытку напечатать сочинение Флетчера в 1864 г. и большинство членов цензурного комитета признали это возможным. Однако царь Александр II принял сторону меньшинства. Издание вышло только в 1867 г. в Женеве в Вольной русской типографии⁷. В этом издании помещено предисловие князя М.А. Оболенского (подписано К.М. Оболенский), где даётся высокая оценка труда Флетчера «...оставляя в стороне ошибочные мысли и некоторые слишком строгие суждения, нельзя не отдать полную справедливость его светлому, умному и дальновидному взгляду, который обличает в нём не только просвещенного и почти беспристрастного наблюдателя, но и отличного политика» (с. III).

Все места, исключенные в изданиях Хаклюйта и Перчаса, здесь переданы в точном переводе. Например, в конце гл. 5 Флетчер выражает мнение, что смерть Ивана Грозного явилась благом, для «бедного народа, угнетенного невыносимым рабством», в гл. 7 есть упоминание, что образ правления в России похож на турецкий, это правление «чисто тираническое», в гл. 9 Флетчер сообщал, что опричнина была средством для царя в его расправе над высшим дворянством – Грозный уничтожил 300 человек дворянского звания, превратил всех в своих «холопов», посеял рознь и вызвал к себе ненависть, что грозит потрясениями в государстве (англ. изд. р. 25-26), хотя нет никого, кто мог бы возглавить мятеж. (В изд. 1905 г., с.32).

Особенно подробно описывает автор всевозможные подати, поборы и насильственные изъятия для пополнения казны. Народ ограблен всеми, у честных тружеников отнимают всё, накопленное ими, поэтому простой народ предаётся лени и пьянству. Причину недостатков народа он видит в отсутствии законов и в полном произволе правителей. С явной иронией он описывает набожность царя Феодора, отмечая его неспособность управлять страной.

Описывая завоевания Ивана Грозного, Флетчер отмечает искусство удержания завоеванных земель – на новые земли он насильственно переселил русских, ежегодно менял наместников, запретил населению иметь оружие и деньги. Описаны и набеги татар («татарами» автор считал не только крымских татар, но и все народы по берегам Волги). Весьма критически оценивает автор церковное управление, многие обряды он считал проявлением невежества и заблуждений (гл. 21-25).

Первое серьёзное исследование труда Флетчера опубликовал С.М.Середонин в 1891 г. к 300-летию первого издания⁸. Середонин отметил объективность историка, несмотря на множество фактических ошибок. Он увидел политическую проницательность Флетчера, который предсказал и внутренние междоусобицы и внешнее нашествие. Он верно представил характер Фёдора и слабость его власти (с. 97-98).

Немалой заслугой Флетчера Середонин считал подробное описание быта и нравов разных народов, особенно, русских – внешность, одежда, семейные обычаи, еда, занятия, в частности, очень подробно описаны товары, какие производят в разных областях страны. Возможно, потому, что сочинение, изданное в Женеве, было в 1891 г. мало известно, Середонин приводит многочисленные извлечения и пересказы, давая читателям возможность получить верное представление о содержании труда Флетчера. Значительное место занимает обстоятельный рассказ о богатствах Сибири и Севера России – изобилие рыбы, пушного зверя, минеральных богатств, перечислены места, где есть руда, соль, селитра, слюда, металл. Для торговли предлагают меха, хлеб, икру, соль, ворвань, деготь, воск, сало, железо – всего 54 вида товаров на экспорт. Упоминает Флетчер и виды животных, которых нет в Англии: лось, олень, дикие лошади, медведь, росомаха, бобр, куница, черная и бурая лиса, горностаи, белка, перечислены во множестве меха и другие товары. В этой части сочинение Флетчера представляется ценным для торговых компаний других стран.

В качестве второго издания сочинение Флетчера опубликовал А.С.Суворин в 1905 г., не упоминая о Женевском издании 1867 г. В очерке А.А.Титова, написанном на основании бумаг О.М.Бодянского, приведено любопытное письмо О.М.Бодянского графу Строганову: «Никогда не изменял и не изменю я своей науке и нравственности благородного человека... Не первый раз встречаться

мне с нуждой; всё вынесу, всё стерплю, на всё готов, кроме потери доброго имени и осуждения себя на застой в науке». Приведено и письмо П.А. Кулиша Бодянскому: «Кто знает? Может быть претерпеваемые Вами теперь гонения приобретут для науки многих бескорыстных тружеников, а Ваше имя покроют новою славою, которую Вы давно заслужили» (с. IX-XI).

В советское время внимание к сочинению Флетчера привлек академик М.П.Алексеев в работе «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» (I-е изд. 1932 г.). Часть материалов опубликована в труде М.П.Алексеева «Русско-английские литературные связи»⁹ и в его статье «Шекспир и русское государство XVI-XVII вв.»¹⁰.

Таким образом, судьба сочинения Флетчера связана с политической обстановкой в Англии и в России, с англо-русскими торговыми связями, и несомненно, что в России сочинение Флетчера вызывало интерес у наиболее прогрессивных историков.

Примечание

¹ Fletcher, Giles. Of the Russe common wealth, or maner (!) of governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Moskovia) with the manners and fashions of the people of that countrey. London, 1591. 4, 116 ff.

² Hakluyt R. The Principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English Nation... In 3 vols. London, 1598-1600. Vol. 1, p. 478-485.

³ Purchas S. A treatise of Russia and the adjoining regions – In: Purchas his Pilgrimes... London, 1625.

⁴ Russia at the close of the sixteenth century... London, 1856.

⁵ Флетчер Джильс (!) О государстве российском (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете). С., 1848.

⁶ Белокуров С.А. Дело Флетчера. 1848-1864. М., 1910.

⁷ Флетчер Д. О государстве русском или Образ правления русского царя... Женева, 1867. Переиздано в изд. А.С.Суворина, 1905 г. Страницы указаны в тексте.

⁸ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. Стр. в тексте.

⁹ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. С. 21, 31 и др.

¹⁰ Алексеев М.П. Шекспир и русское государство XVI-XVII вв. – Прилож. в кн.: Шекспир и русская культура. М.-Л., 1965. С. 784-805.

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ШЕКСПИРА

Гений всегда оригинален не только в основной его деятельности, но и в других областях жизни. Своеобразие творчества Шекспира отметили уже его современники, в частности Бен Джонсон. В недавно опубликованной книге я обосновала гипотезу, высказанную издателем Бена Джонсона В.Гиффордом, но основательно забытую. Гиффорд предполагал, что в драме «Стихоплёт» суждения о Вергилии относятся к Шекспиру, они согласуются с другими оценками Бена Джонсона. Приведу лишь два отрывка. Тибулл:
Всё, что он написал, содержит столь истинные и глубокие суждения,
/ Извлеченные из всех важнейших сторон нашей жизни, / Что
если бы кто-либо запомнил его строки, / Тот мог бы в любом серьёзном деле /
Призвать на помощь дух его... Гораций: Его поэзия
столь мощно и сильно вобрала в себя жизнь, / Что пока она существует,
она будет впитывать силу от жизни / И жить после нас,
вызывая ещё большее восхищение. (Акт 5, сц. I, перевод мой)¹.

Сходные оценки высказал Бен Джонсон в поэме, посвященной памяти Шекспира, опубликованной в фолио 1623 г., а друзья Шекспира в предисловии советовали всем читать Шекспира снова и снова, и тогда он будет их наставником в жизни. Тема новаторства Шекспира настолько обширная и сложная, что можно предложить лишь некоторые общие выводы. Краткая библиография в недавно переведенной «Шекспировской энциклопедии»² включает труды, опубликованные в последние десятилетия, но по вопросу о традициях в творчестве Шекспира следует упомянуть и некоторые давние работы³. Для всех исследователей неоценимую помощь оказывают тексты источников, опубликованные Джеффри Буллоу⁴.

Известно однако, что далеко не все источники и сочинения, возможно, знакомые Шекспиру, сохранились. Например, утрачена латинская трагедия о Юлии Цезаре Ричарда Идса из Оксфорда, а также драмы о правлении Генриха VIII, в которых главным виновником бедствий Англии был объявлен кардинал Вулси. Шекспир часто полемизировал не только со своими предшественника-

ми в драматургии, но также с историками Холиншедом и Плутархом, которым он доверял⁵.

В настоящее время установлено, что трилогия о правлении Генриха VI написана целиком Шекспиром, хотя в XIX веке многие критики предполагали авторство Кристофера Марло. Поэтому именно Шекспир уже в самом начале творчества явился новатором – создателем жанра исторической драмы, основанной на изучении источников, новатором в жанрах комедии и трагедии, создателем множества человеческих характеров.

Произведения Шекспира отличаются уникальной особенностью, давно отмеченной исследователями – люди самых разных политических и религиозных взглядов, а также философских и эстетических направлений находят в его произведениях обоснование собственных концепций. Как заметил выдающийся немецкий исследователь Ансельм Шлёссер, один и тот же текст интерпретируется в противоположном духе, а между тем многие открытия и гениальные предвидения, сделанные Шекспиром, далеко не всегда восприняты⁶.

Метод Шекспира при создании исторических драм был новаторским во многих отношениях: уже в ранней трилогии о правлении Генриха VI проявилось мастерство драматурга в освещении исторического прошлого: он изучил многие разделы «Хроник» Рафаэла Холиншеда и включил конкретные моменты из нескольких периодов, например, при создании сцен восстания Кэда, при освещении причин междоусобной распри и судьбы протектора Хэмфри Глостера. При этом он глубже, чем историки, освещает причины событий, устанавливая закономерности исторического развития: – понятие Времени возникает во всех исторических драмах, и происходит эволюция представлений драматурга о Времени. Понятие «Необходимости» столь же сложное, как и представления о Времени, у Шекспира соотносится с общей картиной состояния государства, с отношениями между правителями и условиями, между выдающимися личностями и эпохой.

По общему мнению исследователей, Шекспир не имеет соперников в создании характеров – его называли «вмещающий мириады умов»: например, среди мятежной толпы нет безликой массы, есть личности, даже слуги в драмах Шекспира наделены своеобразными чертами характера, наблюдательностью и подчас юмором, а их оценки событий всегда важны для понимания авторской

тенденции. Ещё в начале XIX века оригинальность шекспировских характеров отметил С.Т. Кольридж, и значение этих наблюдений в истории шекспировской критики подвергла анализу Е.И. Клименко; привожу одно из главных положений в переводе Е.И. Клименко: «Характеры персонажей, подобно тому, как бывает в жизни, читатель угадывает сам – никто ему полных характеристик не предлагает. И стоит отметить, что характеры шекспировских образов, как это постоянно бывает и с характерами живых людей, часто понимается неверно и почти всегда различно разными читателями»⁷.

Заслуживают внимания суждения Кольриджа о нравственном воздействии произведений Шекспира на зрителей. Шекспир следовал великому закону природы, когда изображал сложные и противоречивые характеры, однако даже злодеи изображены так, что оказывают нравственное воздействие: у Шекспира нет невинных прелюбодеяний, кровосмешений и пороков показанных в привлекательном свете, Шекспир не наряжает грязь в одежды добродетели. При этом он знаком с юридической практикой⁸.

Шекспир проявлял знание психологических закономерностей и в освещении болезненных состояний, в частности, давно отмечен его почти профессиональный интерес к теме безумия⁹. Вопрос о знакомстве Шекспира с наукой его времени не раз возникал в специальных трудах, особенно интересно давнее исследование Р. Фармера «Очерк об учёности Шекспира» (1767)¹⁰. Автор собрал множество сочинений XVI века и доказал, что Шекспир хорошо знал античность благодаря английским переводам. Известно немало исследований текста Шекспира, написанных специалистами в самых разных областях, в том числе врачами, юристами, географами, ботаниками, теологами и философами, но также историками ремесла и торговли, мореплавания и астрономии¹¹.

Как доказали многие исследователи, Шекспир был оригинален прежде всего в драматическом жанре – его всеобъемлющие познания не являлись средством демонстрировать ученость, как это было во многих драмах Бена Джонсона, особенно в его римских трагедиях. В драмах Шекспира сведения, почерпнутые из прочитанных сочинений, искусно вплетены в драматическое действие, эти сведения проявляют персонажи, которым в силу их положения и образования естественно было высказать те или иные идеи, политические, религиозные, научные. Поэтому действие всегда развивается динамично, а познания персонажей никогда не отвле-

кают внимание зрителей, многие аллюзии даже не улавливаются в ходе спектакля. Сопоставления с предшественниками и современниками позволили критикам сделать вывод, что Шекспир–драматург остаётся непревзойденным не только в его время, но и в последующие века.

В шекспироведении часто встречается утверждение, что объективность метода Шекспира, особенно в его исторических драмах, не позволяет судить о его замыслах и позиции в тех или иных вопросах. Это положение нужно подвергнуть сомнению. Шекспир не навязывает той или иной исторической концепции, но он показывает, как развивались события, раскрывает их причины и мотивы их участников. Оригинальность его метода заключается и в его способности представить противоположные позиции исторических персонажей как явления, порожденные эпохой, т.е. социальной и политической борьбой, а развитие событий даёт возможность судить, какие взгляды и оценки персонажей оказываются верными и побеждают, – при этом герои, терпящие поражения в борьбе, в этическом отношении часто оказываются выше своих победителей. Кроме того, понять позицию драматурга помогает сопоставление с источниками – важно не только увидеть, что Шекспир взял из источников, но и что опустил, или добавил. Так, например, описывая гибель Ричарда III в решающем сражении, Шекспир опускает натуралистические детали о надругательстве победителей над телом врага. В сценах, когда Клеопатра колеблется перед самоубийством, Шекспир близко следует Плутарху, но опускает существенную деталь – Клеопатра от горя и нервного потрясения страдала от болезненных язв и от сознания, что она появится перед римской чернью как пленница, обезображенная болезнью. Шекспир во многих сценах как будто возражает историкам, которые преувеличивали чувственность и хитрость египетской царицы, он поэтизирует её любовь к Антонию как страсть и преклонение перед его личностью. Шекспир сохраняет характеристику Кориолана, найденную у Плутарха, но вводит весьма существенные пояснения, показывая, что основа конфликта – не в случайных качествах характера героя, а в непримиримости социальных противоречий в государстве.

Шекспир вводит в текст монологи, которые не имеют основы в источниках и помогают лучше понять авторские замыслы. Они получают противоречивые комментарии отчасти потому, что по-

зиция Шекспира скрыта в метафорических образах и почти неуловима.

Одна из оригинальных особенностей драматургии Шекспира – язык его персонажей, уникальное богатство стилей и словесных образов. Шекспиру подражали во многом – перерабатывали целые сцены, пытались создать характеры, подобные шекспировским. Однако никому не удавалось использовать его образный язык, более того, уже его современникам метафоричность языка персонажей Шекспира казалась трудной для восприятия. Известно, что так называемые «плохие кварто» пиратские издания искаженных вариантов популярных пьес Шекспира, почти свободны от сложных словесных образов, которые переданы упрощенно – тексты «пиратских» изданий отражают вкусы и возможности других театральных трупп, поэтому вскоре после появления пиратских текстов актеры труппы, где шли драмы Шекспира, публиковали так называемые «хорошие кварто», где подлинный текст представлен был в том виде, в каком драма в тот период шла на сцене. В дальнейшем, вероятно, сам Шекспир вносил изменения, поэтому текст первого фолио 1623 г. отличался от текстов прижизненных изданий.

Необходимо добавить, что метафоричность языка Шекспира была сохранена в «хороших кварто», и только в XVIII веке издатели стали «исправлять» и упрощать шекспировский текст путём «эмэндаций» – этим особенно «прославились» Льюис Тиббальд, Джордж Стивенс, Вильям Уорбертон, Александр Поуп, а в начале XIX века знаменитый фальсификатор Джон Пейн Кольер. Протесты ученых были затеряны в специальных журналах, а издания с «эмэндациями» честолобивых комментаторов приобрели популярность. Поскольку в России шекспироведов-текстологов не было, нет, и вряд ли они будут в обозримом будущем, то многие «поправки», в том числе невежественные, вошли в русские переводы XIX и XX веков.

Шекспира с полным основанием считают одним из создателей английского литературного языка – он впитал не только стиль и лексику многих слоёв английского народа, но также язык источников и сочинений самого разного характера. Огромную роль в обогащении языка Шекспира играли «Хроники» Р. Холиншеда, «Жизнеописания» Плутарха в переводе Томаса Нортона, а также «Опыты» Мишеля Монтеня в переводе Джона Флорио. Шекспир

использовал многие новшества из переводов Норта и Флорио, однако, новые слова сохранились в английском языке благодаря Шекспиру. Многие слова Шекспир изобрел сам, как об этом свидетельствует труд Эдвина Эббота «Шекспировская грамматика»¹² и другие лингвистические труды.

Примечания

¹ Комарова В.П. Творчество Шекспира. СПб., 2001. С. 23-25.

² Шекспировская энциклопедия. Под ред. Стэнли Уэллса при участии Джеймса Шоу. М., 2002.

³ Lanier S. Shakespeare and his forerunners. N.Y., 1902; Buland Mable. The presentation of time in the Elizabethan drama. N.Y., 1912; Spens Janet. An essay on Shakespeare's relation to tradition. Oxford, 1916; Boas F.S. Shakespeare and his predecessors. London, 1925; Bethel S.L. Shakespeare and the popular dramatic tradition. Westminster, 1944; Weimann R. Shakespeare und die Tradition des Volkstheaters. Berlin, 1967; Pettet E.C. Shakespeare and the Romance tradition. London, 1949; Wright L.B. Shakespeare's theatre and the dramatic tradition. Washington, 1958.

⁴ Bullough G. Narrative and dramatic sources of Shakespeare. 8 vols. London, 1957-1975.

⁵ Отступления от источников, наблюдения о влиянии Монтеня и Библии отмечены в моих книгах: Комарова В.П. Личность и государство в драмах Шекспира. Л., 1977; Шекспир и Монтень. Л., 1983; Шекспир и Библия. СПб., 1998. Поэтика Шекспира изучена в книге Комаровой В.П. Метафоры и аллегории в произведениях Шекспира. Л., 1989.

⁶ Schlusser A. Shakespeare: Analysen und Interpretationen.. Berlin-Weimar, 1977 (глава: Shakespeare als Infragesteller und Vorausdenker, S. 459-494).

⁷ Клименко Е.И. Традиция и новаторство в английской литературе. Л., Изд. Ленингр. ун-та, 1961. С. 97.

⁸ Оксъ М.А. Правовые идеи в художественных произведениях, в частности, у Шекспира. Одесса, 1886; Голль А. Преступные типы в произведениях Шекспира. Одесса, 1909. Суждения юристов о драме «Венецианский купец» собраны в изд. Х..Х.Фернеса: Shakespeare W. The Merchant of Venice. Ed. by Н.Н.Furness. Philadelphia, 1892, App.: Law in the trial scene. Pp. 403-420.

⁹ Bucknill J.Ch. The mad folk of Shakespeare. 2 ed. rev. London, Cambridge, 1867. P. 331.

¹⁰ Farmer R. An essay on the learning of Shakespeare. A new ed. Basil, 1800.

¹¹ Количество специальных работ, написанных людьми разных специальностей, очень велико, назову лишь немногие из тех, что были мне доступны в наших библиотеках. Moorman F.W. The interpretation of nature in English poetry from Beowulf to Shakespeare. Strassburg, 1905; Root, R. Classical mythology in Shakespeare. N.Y., 1903; Curry W.C. Shakespeare's philosophical patterns. Baton Rouge, 1937; Vyvyan J. The Shakespearean ethic. L., 1959; Eckhardt, E. Shakespeares Anschauungen über Religion und Sittlichkeit, Staat und Volk. Weimar, 1940; Baten A.M. The philosophy of Shakespeare. Kingsport, 1937; Knight G.W. Shakespeare and religion. London, 1967; Anderson Ruth Leila. Elizabethan psychology and Shakespeare's plays. Jowa City, 1927; Farnam, H.W. Shakespeare's economics. L. 1931.

¹² Abbot E.A. A Shakespearean grammar. London, 1 st ed. 1867 (много изданий).

ПОЛИТИКА И ЛИТЕРАТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА БАБИНГТОНА МАКОЛЕЯ

Томас Бабингтон Маколей (1800-1859) – автор «Истории Англии» и многочисленных биографических очерков был выдающимся историком, политическим деятелем, юристом и оратором. Менее известна еще одна сторона его жизни и творчества – поэтические сочинения и литературно-критические очерки. Почти во всех его трудах, в том числе и в парламентских речах, встречаются реминисценции и цитаты из художественных произведений самых разных авторов – от античности до середины XIX века. Кроме английских поэтов он цитирует авторов на латинском, греческом, французском и итальянском языках, а критические суждения свидетельствуют о глубоком понимании и превосходном знании текста.

Интерес к истории, политике и литературе проявился в детстве в письмах к отцу и матери, при этом, как признают биографы, юный Маколей во многих вопросах был вполне самостоятелен. Его отец Захарий Маколей многие годы был секретарем торговых фирм на Ямайке и в Африке, вел борьбу против рабства и торговли неграми, следуя своим религиозным убеждениям. Томас получил домашнее воспитание, а позднее обучался в частной школе. В шестилетнем возрасте он начал создавать краткий свод всемирной истории, в тринадцать лет читал в оригинале Ксенофонта, Гомера и греческую Библию, а в письмах к отцу обсуждал положение шотландских крестьян и новейшие парламентские дебаты¹.

В 1818 г. он стал студентом Колледжа Св. Троицы в Кембридже, где он получал награды за свои поэмы и сожалел, что вынужден тратить время на математику в ущерб античной литературе: прощайте, Гомер, Софокл и Цицерон, – писал он матери². Когда торговая фирма его отца потерпела крах, юный Томас был вынужден зарабатывать на жизнь – он изучал право, стал юристом, а попутно постоянным корреспондентом влиятельного журнала «Эдинбургское обозрение». В 1824 г. он предложил журналу статью о

Джоне Мильтоне, которая обеспечила ему многолетнее сотрудничество с журналом и благожелательный прием в обществе: он упоминал о том, что после публикации статьи о Мильтоне он стал получать приглашения со всех концов Лондона³.

Эта ранняя статья обнаруживает его принципы анализа литературных произведений, она характерна для позднейших очерков Маколея, его суждения сохраняют значение для оценки Мильтона.

Можно заметить, что в его письмах к родным, особенно к любимой сестре Ханне, во множестве встречаются литературные упоминания, суждения о переводе Гомера, сделанном Поупом, цитаты из текста Шекспира, из сочинений греческих поэтов. Некоторые цитаты воспринимаются как автобиографические признания – оценка характера Горацио в словах Гамлета соотносится с характером Маколея, а комплимент собственной внешности, высказанный «самой красивой дамой», породил остроумное воспоминание о словах Ричарда III после победы над леди Анной: «С тех пор как влез я в милость сам к себе, / На кой-какие я пойду издержки» (Акт I, сц. 2, пер. А. Радловой)⁴. Знание текста Шекспира проявилось во многих очерках, а в одном из писем Маколей уличил С.Т. Кольриджа в ошибочных суждениях о стиле Шекспира и привел места из шекспировских драм, которые пришли ему на память в течение пяти минут!⁵

Очерков, посвященных поэтам и писателям, у Маколея немного, и во всех случаях его оценки подсказаны пониманием творчества и нравов общества в тот или иной исторический момент. В очерках о видных деятелях английской истории, характеры героев всегда соотносятся с политической обстановкой, достоинства и недостатки объяснены, исходя из условий жизни и деятельности, а нравственные оценки сочетаются с анализом роли героя в исторический момент, – эта особенность метода сближает Маколея с его любимым Шекспиром.

Приведем лишь немногие примеры из исторических очерков. Издатели относят к этому жанру и первую статью о Мильтоне. Маколей начинает очерк о Мильтоне с определения поэзии и воображения. В «Басне о пчелах» Мандевилья присутствует логика, но мог ли Мандевиль создать Яго? И Маколей цитирует «величайшего поэта» – суждение Шекспира о поэзии:

Когда творит воображенья формы
Неведомых вещей, перо поэта,

Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обители и имя.

(«Сон в летнюю ночь», акт V, сц. I, 14-17.⁶

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)

Сравнение поэтики Мильтона и Данте можно считать оригинальным анализом – Маколей признает, что образы в «Божественной комедии» необычайно выразительны и реальные, они конкретны и воспринимаются как живые люди. В поэме Мильтона глубокий смысл всех образов скрыт, он доступен не всем, их смысл только подсказан, но идеи Мильтона, наиболее дерзкие и оригинальные, должны возникать у читателей⁷. Например, рассуждения о вечности материи и космоса могут вызвать сомнения по поводу сотворения мира: если мир вечен, то невозможно признать первичность духа или материи.

Мировоззрение Мильтона Маколей считает уникальным явлением, в частности, Маколей высоко оценивает трактаты Мильтона и сожалеет, что они мало популярны. Можно заметить, что аргументы Мильтона в трактатах «Ареопагитика» и «Защита английского народа» оказали влияние на аргументацию Маколея.

Значительная часть очерка посвящена эпохе, которая породила Мильтона. Он не был пуританином, но он признавал, что революция была неизбежной, а роль Оливера Кромвеля – полезной для государства. Возвышенный строй мыслей и могучий интеллект – отличительные черты поведения Мильтона в решающий момент английской истории. Поражение революции и собственные невзгоды – слепоту, преследования, угрозу казни Милтон выдержал, не поступаясь достоинством и взглядами. Возвращение роялистов означало резкое падение нравов, по сравнению с новым периодом, правление Кромвеля было лучше, Милтон ни в чем не отступил от своих взглядов. Между тем, оценки его личности и творчества меняются в разное время, – и Маколей завершает свой очерк словами преклонения перед великим поэтом и патриотом.

Рассуждая о сочинении Генри Халлама «История английской конституции», Маколей рисует портрет архиепископа Кранмера и, возражая против попыток превратить Кранмера в святого, цитирует Данте: «Они не стоят слов – взгляни – и мимо». Страффорда, министра Карла I, Маколей также не считал невинной жертвой, – и он приводит цитату из поэмы Мильтона о падении Сатаны. Карл I получает самую отрицательную оценку, а Оливера Кромве-

ля Маколей ставит выше Наполеона, он признает, что правление Кромвеля – один из славных периодов в истории Англии, а его превосходно организованная армия не знала поражений⁸.

Очерк «Берлей и его время» – настоящий шедевр по содержанию и стилю. Начинается очерк ироническим отзывом о сочинении Эдварда Нареса, профессора истории в Оксфорде. Литературное сравнение заслуживает того, чтобы привести начало очерка: «Груд доктора Нареса наполнил нас удивлением, подобным чувству капитана Лемюэля Гулливера, когда он впервые высадился в Бробдиннаге и увидел зерновые злаки высотой подобные дубам в Новом лесу, наперстки величиной с ведро и ворон размерами с индюков»⁹. Труд, который требуется для чтения томов этого сочинения, Маколей сравнивает с трудом детей на фабриках или негров на сахарных плантациях. И Маколей предлагает собственный очерк о всесильном министре в правление королевы Елизаветы.

Иронически упоминает Маколей о стремлении Нареса оправдать любые отступления от морали в поведении Берлея, и приводит весьма остроумное упоминание из текста Шекспира: «Мы соглашаемся с мнением портного, который сказал сэру Джону, что требует более надежного поручителя, чем Бардольф»¹⁰. Комический смысл ясен для всех, кто помнит, что Бардольф не имел никаких средств к жизни и много лет сэр Джон кормил его и поил хересом. Маколей осуждает не приспособленчество Берлея к изменениям в религиозной политике, но его преследования католиков в правление Елизаветы, хотя при Марии Тюдор он был католиком. Вместе с тем он рисует портрет своего героя на фоне исторической обстановки в XVI веке и признает, что главным в политике было установление единства в государстве. Кроме того, даже королева Мария, которая жестоко преследовала протестантов, понимала, что для нее было бы безумием затеять передел собственности, ибо отношения собственности были для народа важнее религиозных убеждений. Попутно в этом очерке Маколей дает обзор успехов англичан не только в политике, но и в развитии культуры – это был период расцвета поэзии, драматургии и театра.

Литературные реминисценции встречаются во многих очерках Маколея. Критически оценивая литературные опыты Хораса Уолпола, Маколей упоминает писателей XVIII века и особенно высоко ставит роман Смоллетта «Хэмфри Клинкер». В очерке о деятельности знаменитого оратора премьер-министра Вильяма Питта

графа Чэтема Маколей цитирует Вордсворта и Поупа, в статье о Джеймсе Мэкинтоше цитирует Гомера по-гречески, высказывает оригинальные сопоставления английской и французской революций, цитирует Мильтона, немало места уделяет рассуждениям о нравах в эпоху реставрации. Интересен и его очерк о деятельности Вильяма Темпла, дипломата и публициста – здесь Маколей рассуждает о творчестве Драйдена, цитирует Гомера, Лукреция и Шекспира¹¹, оправдывает сэра Темпла от упреков в религиозном скептицизме, упоминает и о его помощи молодому Свифту. Глубокие мысли о литературе встречаются в очерке о творчестве Байрона, написанном как отклик на публикацию сочинения Томаса Мура «Письма и дневники лорда Байрона» (1830 г.)¹². Вину за преследование Байрона Маколей возлагает на английское общество, на бесчеловечное ханжество. При этом поясняет, что жестокость моралистов проявилась по отношению к недавнему кумиру, который был образцом для всех, – Маколей цитирует слова шекспировской Офелии о Гамлете. Маколей напоминает и о другой жертве – о Шелли, которого яростно преследовали и вынудили покинуть родину.

Маколей сравнивает Байрона с другими авторами и находит своеобразие поэзии Байрона в такой особенности, какую отметил и А.С. Пушкин: во всех героях Байрона представлен только один характер – характер самого поэта. В этом Маколей видит отличие от великих поэтов, свободных от такого недостатка – это Гомер, Данте, Шекспир и Мильтон (Р. 147). Маколей, сопоставляя Байрона с Шекспиром, отмечает слабости Байрона – драматурга и защищает Шекспира от критиков, упрекающих Шекспира в нарушении правил классицизма. Байрон варьирует один и тот же тип, нарушая при этом психологическое правдоподобие и историческое своеобразие, что особенно сказывается в его драмах. Сравнения с Шекспиром свидетельствуют о глубоком понимании драматургии Шекспира как высшего достижения в драматическом искусстве (Рр. 156 - 157).

В очерке о Сэмюэле Джонсоне, написанном вскоре после появления биографии Джонсона, опубликованной Джеймсом Босвеллом, Маколей обнаруживает множество неточностей в пятитомном издании. Что касается собственных суждений Джонсона об английских писателях, в частности, о Шекспире, то Маколей оспаривает их, прибегая к ироническим цитатам из комедий Шекс-

пира, когда речь идет о многословии Босвелла. Многие суждения Джонсона Маколей считает худшим примером ошибочной критики, при этом он вводит цитаты из текста шекспировских комедий, которые усиливают иронию.

Любопытны суждения Маколей об одном из самых популярных сочинений XVII века – «Путь паломника» Джона Бэньяна. Поводом для очерка послужила переиздание этого памятника, предпринятое Робертом Саути в 1830 г. Критик признает заслуги Саути, однако главное достоинство этого очерка – собственные рассуждения Маколей. Прежде чем говорить о Бэньяне, Маколей напоминает об аллегории как поэтическом приеме в творчестве Аддисона и Спенсера, при этом особенно интересны его оценки сложных метафизических аллегорий у Шелли. Маколей признает, что субъективные вымыслы Шелли иногда кажутся абсурдными, что даже так называемый атеизм превращается в мифологические аллегории, но вместе с тем критик увидел эволюцию Шелли, предполагая, что ранняя смерть поэта лишила его возможности создать более значительные произведения.

Маколей называет причины популярности сочинения «Путь паломника»: аллегорические картины и диалоги Бэньяна насыщены искренним чувством, вдохновением, а в тот период всеобщего возбуждения, фанатизма, преследований Бэньян предложил путь к нравственным поискам. Читатели разных взглядов с увлечением восприняли его сочинение, написанное превосходным стилем, насыщенное остроумием и актуальными вопросами времени. Попутно Маколей защищает Бэньяна от упреков Роберта Саути.

Маколей откликнулся на публикацию еще одной книги – «Биография Джозефа Аддисона» (1843 г.). Ее автор Люси Айкин предложила двухтомное исследование, которое, по мнению Маколей, свидетельствует о плохом знании эпохи – политики, истории, личности государственных деятелей, а без этого нельзя понять Аддисона. Попутно Маколей добавляет комическое напоминание о «Путешествии Гулливера»: медлительность повествования в книге Айкин вызывает необходимость использовать хлопушки, которые в стране Лапутян пробуждают рассеянных ученых. После подобного вступления Маколей дает собственный очерк жизни и творчества Джозефа Аддисона, следуя своим принципам изучать своих героев на основе тщательного исследования биографии и исторической эпохи.

Обширный очерк (Рр. 699-744) весьма пестрый по содержанию: повествование о характере и сочинениях Аддисона прерывается авторскими отступлениями о политической обстановке, рассуждениями о классической учености Аддисона и о его путешествии по Италии, и, наконец, о его деятельности издателя и публициста. Психологические суждения о характере своего героя Маколей вводит несколько раз в ходе повествования, объясняя эволюцию Аддисона изменениями политической обстановки и новым общественным положением Аддисона. Как собеседник, наделенный остроумием и безупречным вкусом, Аддисон всегда восхищал тех, кто с ним встречался и читал его очерки. Даже его недоброжелатели Поуп и Свифт признавали очарование его беседы и его стиля. Однако он был стеснителен в большой компании, это качество мешало ему стать парламентским оратором. По мере того, как его слава среди образованных англичан возрастала, увеличивалось тщеславие, желание окружить себя узким кругом друзей и поклонников.

В этом очерке Маколей дает оценку отношениям Аддисона и Стиля: постоянная помощь, оказанная другу, в частности денежные займы, закончилась охлаждением, когда Стиль отказывался платить немалые долги – в оправдание Аддисона Маколей приводит в пример поведение одного из положительных персонажей романа Филдинга «Амелия». Искусство создания характеров и биографических очерков Аддисона Маколей сравнивает с искусством Шекспира и Сервантеса, сатирический талант и юмор Аддисона-очеркиста Маколей сопоставляет с достижениями Вольтера и Свифта, добавляя, что очерки Аддисона с трудом допускают логический анализ, настолько своеобразен и очарователен его юмор, лишенный личностных выпадов и мизантропии. Интересны наблюдения Маколей об изменениях в политической ситуации в Англии, о позиции Свифта, о причинах его враждебного отношения к Аддисону. Можно признать, что очерк об Аддисоне и его современниках занимает достойное место в истории критической мысли.

Очерки Маколей, посвященные другим литераторам – например, таким как Джеймс Мэкинтош, Роберт Монтгомери, мадам д'Арбле, Ли Хант, содержат критические наблюдения. Особенно резкие оценки встречаются в рецензии на издание Ли Хантом комедий эпохи реставрации (Рр. 570-596). На мой взгляд, они спра-

ведливы и до нашего времени и отражают единство этических методов Маколей в оценках культуры.

В 1840 г. Ли Хант издал драматические сочинения Уичерли, Конгрива, Ванбру и Фаркера со своими биографическими и критическими комментариями. В январе 1841 г. Маколей опубликовал пространную рецензию на этот сборник и противопоставил оценкам Ли Ханта собственное восприятие драматургии реставрации. Начало статьи напоминает аргументы Джона Мильтона в трактате «Ареопагитика»: подобно Мильтону Маколей защищает свободу печати и утверждает, что например, изучение античной комедии и сатиры не испортило морального состояния общества. Было бы странно запретить юношам читать Аристофана, Ювенала, Феокрита и Катулла. Точно такое же право на публикацию имеют и английские сочинения, даже если их нельзя рекомендовать в качестве рождественского подарка юным леди.

Но за этим вступлением Маколей переходит к комментариям Ли Ханта. Рецензент вводит многозначительное напоминание о шекспировской драме «Мера за меру», где была поставлена проблема борьбы с распущенными нравами в обществе. Мы не требуем, чтобы Ли Хант проявил по отношению к публикуемым сочинениям беспощадную строгость лорда Анджело, продолжает Маколей, но вправе ожидать, что наглые оскорбители морали, представленные в данном издании, получают хотя бы мягкий упрек Эскала (Рр. 571), потому что эта часть нашей литературы позорит и наш язык и наш национальный характер: «Мы оказываемся в мире, где леди поступают как распущенные, наглые и бесчувственные мужчины, и где мужчины настолько дурные, что могут быть помещены в Пандемониум или на Норфолкском острове (т.е. в аду или в лагере осужденных). Мы окружены бронзовыми лбами, каменными сердцами, языками, закаленными в адском огне» (Р. 572).

Маколей сравнивает комедии реставрации с наиболее «аморальными» драмами елизаветинских авторов, утверждая что в предшествующую эпоху порок не был изображен как достоинство, а добродетель не подвергался осмеянию. Даже наиболее привлекательный Фальстаф в конце драмы отвергнут, даже злодеи Флетчера и Мэссинджера осуждены. Кроме того, во многих сочинениях злодеи живут в вымышленном фантастическом мире. Напротив, персонажи комедий реставрации, которых защищают и Ли Хант и Чарльз Лэм, живут в реальном окружающем мире, драматурги ре-

ставрации ввели в свои комедии собственные нравы, свою ненависть не только к поверженным пуританам, но и ко всем нравственным ограничениям, установленным вековыми обычаями. Маколей вводит очерк о воздействии исторической обстановки и политики на общественные нравы, в частности, напоминает о состоянии Франции в разные периоды, о нравах пуритан в Англии XVII в. Он рассматривает характер литературы реставрации как закономерный результат победы реакции. Однако антипуританская реакция это всего лишь одна сторона явления, есть и другие причины всеобщего упадка нравов в среде аристократов-изгнанников, которые вернулись в Англию вместе с возвращением Стюартов. Сведения из биографий драматургов отчасти проясняют характер их творчества: у них не было никаких принципов - политических, религиозных и моральных, — как это бывает у людей, испытавших превратности судьбы и общественные потрясения, — они сохранили лишь страсть к необузданным наслаждениям. В конце статьи Маколей упоминает о недолговечности подобной литературы, о борьбе епископа Джереми Колльера против непристойных пьес и о возвращении театров к другим произведениям, которые выражали общепринятые моральные традиции.

Характерно, что во многих статьях и очерках Маколей объясняет характеры государственных деятелей, поэтов и писателей особенностями эпохи. Например, он объясняет характер и сочинения Макьявелли политическим состоянием Италии, оправдывая своего героя от обвинений в «макьявеллизме». Маколей пересказывает суждения о характере и творчестве флорентийского политика, которые он считает порождением невежества и клеветы. Анализ исторической обстановки в Италии дает возможность Маколею объективно судить о герое очерка. Макьявелли как опытный политик боролся за единство страны, за ее независимость от власти римской церкви и европейских монархов, и несмотря за твердые республиканские убеждения он признавал необходимость единой, по необходимости жесткой, власти диктатора — по мнению Макьявелли, в той обстановке это был единственный путь. И Макьявелли выдержал тюрьму и пытки, а посмертно и клевету. В этом очерке приведены примеры из произведений Шекспира. Кумир англичан Генрих V, как показал Шекспир, постоянно нарушал этические нормы в отношении врагов и друзей, применяя насилие в политике, и однако его признают выдающимся государ-

ственным деятелем. Другой пример: Отелло совершает преступления, но пользуется сочувствием, а Яго у многих вызывает уважение, поскольку в войне с врагом он достигает успеха (Р. 37).

Сопоставление Цезаря Борджиа и Генриха VIII позволяет Маколею сделать вывод, что нарушение законов человечности и морали не отменило высокой оценки этих правителей как умных государственных деятелей. Особенно интересны наблюдения Маколея о характерах Шекспира и о его стиле. Гамлет, принц Генрих, Фальстаф, Бардольф и Шеллоу, шуты и глупцы в драмах Шекспира – все эти наблюдения Маколей сопровождает сравнениями с произведениями английских и французских драматургов и с комедией Макьявелли «Мандрагора» (Р. 40-43).

Множество экскурсов в историю античной и европейских литератур встречается и в очерках, посвященных английским и французским политикам, и литературные реминисценции выполняют значительную роль в аргументации Маколея. Приведем наиболее интересные примеры, в частности, из очерков о таких лицах как Уоррен Хэстингс, лорд Клайв, Фридрих Великий, Барер.

Известно, что Клайв и Хэстингс по возвращении из Индии были обвинены в парламенте в злоупотреблениях, сделанных в Индии. Маколей не оправдывает этих героев, но объясняет их поступки, исходя из обстановки, напоминая о задачах, перед ними поставленных. Хэстингс в должности генерал-губернатора Бенгалии, вынужден был вмешиваться в распри местных правителей, которые угнетали народ и опустошали в войнах целые провинции. Хэстингс извлекал выгоды из этих распрей, за время его правления доходы Ост-Индской компании возросли, как и его собственное богатство. Анализируя памфлеты и обвинения против Хэстингса, Маколей тем не менее приходит к выводу, что в момент, когда Англия могла утратить Индию, именно политика Хэстингса спасла положение. В этот исторический очерк Маколей вводит сведения о литературных талантах и вкусах Хэстингса, о его знании персидской и арабской литератур, о стиле его мемуаров, особенно о стиле его писем к жене, которые напомнили Маколею стиль сэра Грандисона из романа Ричардсона.

Литературные реминисценции в очерке о деятельности Клайва помогают понять обстановку в Индии. Например, Маколей приводит эпизод, когда сто сорок шесть пленных англичан были заперты в маленькой темнице, где стояли вплотную в духоте и через

сутки из ста сорока шести человек в живых остались двадцать три. Даже история Уголино в поэме Данте, его рассказ и картина, когда Уголино в аду грызет череп своего земного мучителя, даже эта история не может сравниться с мучениями умирающих пленников. Возмездие со стороны Клайва было оправданным. Но по возвращении в Англию Клайв был обвинен в жестокости и злоупотреблениях, хотя его богатство было получено честным путем – местные набобы оплачивали его поддержку. Больной, разоренный и опозоренный он закончил жизнь, потрясенный неблагодарностью соотечественников, для которых его военные таланты и политика сохранили владения в Индии.

Особенно интересны некоторые литературные сопоставления в очерке о характере и деятельности Фридриха Великого. В сравнительно недавно изданном сборнике очерков Маколея на русском языке по поводу упоминания шекспировского сэра Джона Фальстафа есть примечание, где комментатор признается, что не мог понять смысла этого упоминания¹³. Между тем смысл очень важен для понимания позиции Маколея. Приведем это сопоставление.

В детстве Фридрих страдал от деспотизма своего отца, в юности жил в Рейнсберге, окруженный просвещенными друзьями. Он был дружен с Вольтером, писал стихи, сочинил трактат «Антимакиавелли». Едва он стал королем, друзья надеялись увидеть государя, подобного Телемаху, герою романа Фенелона, ожидали возвращения эпохи Лоренцо Медичи, покровителя наук и искусств. «Никто не подозревал, что на трон взошел тиран, наделенный необыкновенными военными и политическими талантами и еще более необыкновенной энергией, человек без страха, без веры и без милосердия» (Р. 797). «Многих обитателей Рейнсберга постигло не меньшее разочарование, чем Фальстафа после коронации его доброго приятеля. Все давно ждали этого дня, когда должно было начаться их собственное процветание и величие». Но их ожидала пустыня – в ответ на фамильярное обращение Фридрих резко одернул одного из друзей «Хватит этих глупостей» (Р. 798)¹⁴.

Эта фраза напоминает о финале хроники «Король Генрих IV», когда в ответ на дружеское обращение Фальстафа Генрих V объявил: «Милорд судья, с глупцом поговорите», – и Верховный судья приказал отправить Фальстафа в тюрьму. Аналогия закономерна, Генрих V предал своего друга Олдкастла, беспощадно расправился с бывшими обитателями таверны «Кабанья голова» и вел жес-

токую и несправедливую войну во Франции. Военные действия Фридриха получают самую отрицательную этическую оценку, но Маколей, как и все историки, признает, что военные и дипломатические таланты короля позволили увеличить территорию Пруссии, хотя его политика была лишена моральных устоев. Сочетание этических и исторических критериев типично для многих очерков.

Пожалуй, только в очерке «Барер» страстное негодование Маколея преобладает во всем изложении, а личность этого якобинца вызывает у него отвращение. Маколей не находит никаких оправданий якобинскому террору, упоминая, что презрение к низости и подлости Барера питали многие его политические единомышленники. «Барер предавал всех и был кровожаднее других. В день, когда королеву тащили на эшафот, Барер угощал в таверне Робеспьера и в промежутках между рагу из дроздов и куропаткой с трюфелями произносил речи «Корабль революции может достичь гавани только на волнах крови», – Маколей добавляет собственное обобщение: «Вокруг фанатиков всегда собирается толпа рабов, трусов и развратников»¹⁵. Напоминая о религиозных войнах прошлого, о гражданских войнах, Маколей делает вывод: «Партия, преступившая по каким бы то ни было мотивам великие законы нравственности, неизбежно впитает в себя все подонки общества», к ней примкнули банды преступников, грабителей, насильников, которым безразличны вопросы веры – в период французской революции в этой массе по своей подлости и низости впереди всех был Барер¹⁶.

Маколей утверждает, что ничего подобного не было во времена великих правителей, таких как королева Елизавета и Оливер Кромвель в Англии, как Фридрих Великий в Пруссии – они не отправляли на смерть детей и женщин. В якобинском терроре нет ничего великого, это жестокость злодеев, не умеющих управлять страной. Подчинять народ резней и добывать деньги грабежом – не значило управлять, несчастная Франция попала во власть не государственных людей, а демагогов. Кровожадность Барера была ненасытной, он призывал убивать всех пленных, но офицеры в разных частях страны отправили пленных в Конвент. Заканчивая очерк, Маколей делает вывод: «... те, кто называл себя защитниками прав человека, всего за каких-то двенадцать месяцев сумели совершить больше преступлений, чем все короли Франции, Ме-

ровинги, Каролинги и Капетинги на протяжении двенадцати веков»¹⁷. Реакция на террор неизбежна, а ее последствия неизвестны и конец не виден даже нам, – это написано в 1844 г. и опубликовано в «Эдинбургском обозрении» как рецензия на мемуары Бертра-на Барера.

Неизбежно возникает вопрос об оценке английской революции и роли Кромвеля – и Маколей признает, что существует огромное различие между двумя революциями. Попутно Маколей высоко оценивает романы Вальтера Скотта, посвященные истории Англии. Он сомневается в появлении «идеального историка», «скорее может родиться новый Шекспир или новый Гомер». Маколей считает Карла I не только плохим правителем, но и человеком, лишенным нравственных принципов в политике. Он страдал от неизлечимого двуличия. Между тем, многие принудительные меры в политике Кромвеля явились результатом продуманной и пронизательной политики – если бы Кромвель прожил дольше, он укрепил бы положение Англии в Европе на многие годы, его политика вызывала восхищение даже у врагов революции. Реставрация Стюартов привела к резкому падению нравов – Маколей в «Истории Англии» рисует характер Карла II в отрицательном свете – невежество в государственных вопросах, отвращение к труду, а советники Карла II не знали страну, не умели управлять, а предавались развлечениям и порокам. Попутно в своем историческом труде Маколей дает критический очерк о литературе эпохи реставрации¹⁸.

В статьях Маколея о художественной литературе множество суждений об античной и европейских литературах сохраняют ценность до нашего времени, например. Маколей говорит о влиянии, которое в любую эпоху оказывают выдающиеся личности на развитие науки, религии, литературы и искусства. Гениальное творение воздействует на самые широкие круги – Сервантес восхищает всех, независимо от сословий и культуры, образы Данте – Беатриче, Сорделло, Фарината, Уголино оказывают воздействие на всех, шекспировские Шейлок и Яго, Отелло и Лир живут с нами. Никогда Италия не породит равного Данте, никогда Англия не даст нам другого Гамлета¹⁹.

Рассуждая о творчестве Джона Драйдена, Маколей признает его поэтический талант и авторитет среди современников. Однако он отказывается признать в нем талант драматурга. Его персонажи,

например Монтезума, разрушают всяческое историческое правдоподобие. При этом Маколей оговаривается, что не порицает Драйдена за неспособность создать характеры мавров или американских индейцев, но лишь за отсутствие психологического правдоподобия – они не похожи на мужчин и женщин²⁰. Критик сравнивает стиль Драйдена с поэзией Гомера, Данте, Мильтона и Шекспира и приводит отдельные места, в том числе по-гречески, а также сцену ссоры Брута и Кассия из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», доказывая превосходство древних поэтов²¹.

Маколей проявил себя как выдающийся оратор. Он сам издал свои парламентские речи, упомянув, что ранее они были опубликованы без его ведома в упрощенном виде и с ошибочными положениями. Часть этих речей появились в английском полном издании и в русских переводах. Стиль Маколея отличается выразительностью и динамизмом, темы выступлений всегда актуальны, суждения оратора подчас независимые и смелые, совершенно напрасно породили упреки в некритическом освещении политики вигов – изучение подлинного текста речей опровергает подобные упреки. Например, речи о положении Ирландии (в 1844 и 1845 гг.) содержат очерк об истории отношений Ирландии и Англии, особенно детально он анализирует глубокие причины религиозных конфликтов. В частности, он призвал парламентариев больше думать о судьбе ирландских бедняков, а не о защите собственности высших служителей англиканской церкви, которые не пользуются уважением. При этом Маколей приводит суждения Джонатана Свифта о жадности и праздности ирландских церковников²².

Бэкон, по мнению Маколея, был прав, когда двести лет тому назад предлагал политику, которая должна устранить религиозные разногласия. Кроме того, любопытны и суждения Маколея по вопросу о необходимости отменить ограничения в университетах при назначении профессоров, если это специалисты в светских науках. Ирония Маколея очень выразительная – конечно, признает оратор, атеизм и ереси большое зло, однако в данном случае гораздо важнее профессиональные качества преподавателей. Если в Кембридже и Оксфорде существует ограничение по религиозным основаниям, то следует учесть, что эти университеты готовят и служителей английской церкви. Напротив, в Шотландии о религиозном воспитании студентов не очень беспокоятся, и там необходимо отменить ограничения.

Весьма плодотворны до наших дней рассуждения Маколея о вмешательстве государственной власти в экономику и торговлю. Маколей признает, что нужна свобода торговли, однако необходимо ограничить количество рабочих часов на предприятиях ради сохранения здоровья народа. Необходимо вмешиваться и ради сохранения нравственного здоровья нации, запрещая аморальный бизнес.

Речи Маколея в защиту политического равноправия евреев получили в XIX веке немалую популярность в России. Они были несколько раз изданы отдельно в XIX веке. Маколей упоминал, что его просили выступить по этому вопросу, и его две речи отличаются яркими ораторскими достижениями. Своеобразие риторических приемов Маколея проявилось в том, что он в этих своих речах необыкновенно подробно излагает позицию противников равноправия евреев – все аргументы многочисленных ораторов изложены без каких-либо опровержений, поэтому получается впечатление, что Маколей не отвергает критику национальных особенностей евреев. Однако его вывод совершенно иной, чем у его оппонентов: Маколей во-первых объясняет черты национального характера историческими причинами, судьбой еврейского народа, а во-вторых множество раз говорит о достижениях евреев в такой области как накопление богатства, – и делает логичный вывод: – если евреи влияют на политику европейских государств скрытыми методами – экономическим могуществом, то будет логично предоставить им политические права. Тогда выдающиеся люди смогут быть полезными тому народу, который доверит им равноправие. Попутно можно вспомнить, что через несколько лет английским премьер-министром стал Бенжамен Дизраэли, первый лорд Биконсфилд, друг королевы Виктории.

Исторический подход сказывается во всех речах Маколея. В речи об английской литературе, произнесенной при открытии философского института в Эдинбурге, поставлен вопрос о критериях в оценках литературных произведений – эти оценки меняются в разные эпохи. И Маколей вводит упоминание о «Путешествиях Гулливера»: «Пигмеи оного общества считаются гигантами в другом»²³. В средние века было невозможно появление Шекспира, а философские сочинения средних веков не стоят одного труда Бэкона «Новый органон», – но и Бэкон и Шекспир могли родиться и творить в эпоху великих научных открытий во всех областях жизни и в эпоху географических открытий.

Исторические сопоставления сделаны и в речи «О народном образовании», где Маколей приводит суждения Вашингтона и Джефферсона о необходимости образования простого народа. В одной из статей, посвященных анализу английской политики в Индии, Маколей высказывает очень важное положение о роли образования в Индии – с распространением образования должны родиться новые государственные деятели, которые смогут объединить страну, усмирить междоусобные распри, а тогда Индия неизбежно добьется независимости, и Англия выиграет от торговли с независимой Индией. Многие вполне оригинальные суждения Маколея о политике в Ирландии отличаются от позиции английского правительства. При этом он не осуждает Оливера Кромвеля, поскольку насильственные меры сопровождались умной и гибкой политикой, а пуританская армия отличалась железной дисциплиной, это была армия не знающая поражений, одушевляемая высокими гражданскими принципами и религиозным рвением.

Краткого упоминания заслуживают поэтические произведения Маколея, посвященные событиям в древнем Риме, а также и некоторым позднейшим историческим событиям²⁴. Все эти поэмы снабжены историческими предисловиями и являются всего лишь стихотворными изложениями исторических событий. Поэма «Песнь гугенота» – это воспоминание о победах Генриха Наваррского, а фрагмент «Армада» содержит описание победы английского флота над испанской армадой в 1588 г. Поэмы написаны в разное время и не обладают поэтическими достоинствами – Маколей прежде всего историк даже в собственных литературных опытах.

Общий вывод, который можно сделать при изучении трудов Маколея, заключается в признании единства его исторических и литературных интересов в очерках, посвященных художественным произведениям, Маколей последовательно придерживается сравнительно-исторического метода, и его анализ литературных памятников подсказан глубоким знанием культуры, определяющей характеры писателей и их произведений.

В исторических очерках, рецензиях и парламентских речах Маколей вводит цитаты и эпизоды из произведений многих античных и европейских авторов не для того, чтобы поразить читателей и слушателей своей эрудицией, но ради вполне конкретных целей: литературные реминисценции придают эмоциональному

стилю и логическим аргументам выразительность и динамизм. Кроме того, подобные сравнения помогают Маколею создать представление о связях конкретных фактов и проблем, о которых идет речь, с более общими закономерностями разных времен. Многие литературные сопоставления дают возможность Маколею выразить собственные этические и исторические воззрения на актуальные вопросы своего времени.

Примечания

¹ Trevelyan, G.O. The life and letters of lord Macaulay. By his nephew the r.hon. sir George Otto Trevelyan New York, 1888. Pp. 27-30.

² Ibid. P. 64.

³ Ibid. Pp. 85-86.

⁴ Ibid. P. 229.

⁵ Ibid. P. 541.

⁶ Macaulay, T.B. Historical essays. London - Glasgow, Collins clear-type press, [s.a.] P. 7.

⁷ Ibid. Pp. 18-19.

⁸ Ibid. Pp. 44-45, 130-132.

⁹ Ibid. Pp. 227-228.

¹⁰ Ibid. p. 230.

¹¹ Ibid. Pp. 512, 529, 535, 538 etc.

¹² Macaulay T.B. Lord Macaulay's Essays and Lays of ancient Rome. New impr. London, [a.o.], 1905. Pp. 141-160. Далее стр. по этому изд. указаны в тексте.

¹³ Маколей Т.Б. Англия и Европа. Избр. эссе. Пер. с англ. Д.В. Соловьева. Под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: 2001. С. 409, прим. 14: «Что именно имел ввиду Маколей, говоря о «разочаровании Фальстафа», осталось невыясненным». В полном русском издании сочинений Маколей в 16 тт. литературные реминисценции не получили комментариев: Полн. собр. соч. Изд. Николая Тиблена. С.-Петербург, 1860-1866. Очерк о Фридрихе Великом в т. 14.

¹⁴ Маколей Т.Б. Англия и Европа. С. 255-257.

¹⁵ Там же. С. 321.

¹⁶ Там же. С.322.

¹⁷ Там же. С. 347.

¹⁸ Macaulay T.B. The History of England from the accession of James the Second. Leipzig. Cop. 1849, Vol. 1. Pp. 178-180.

¹⁹ Macaulay T.B. The works of lord Macaulay complete. Ed. by his sister lady Trevelyan. In 8 vols. London, 1865-1866. Vol. 5. Critical and historical essays. Pp. 88-96.

²⁰ Ibid. Pp. 109-110.

²¹ Ibid. Pp. 112-115.

²² Macaulay T.B. Speeches of the r.h. T.B. Macaulay, M.P. Corrected by himself. In 2 vols. Leipzig, Cop. ed. 1853. Vol. 2. P. 144.

²³ Маколей Т.Б. Полное собр. соч. Изд. Николая Тиблена. Т.15. СПб., 1866. С.155-160 и др.

²⁴ Macaulay T.B. Lord Macaulay's Essays and Lays of ancient Rome, (op. Cit., Pp.835-902); Prose and poetry. Selected by I.M. Young. London, 1967.

ПОНЯТИЕ «ПРИРОДЫ» В ДРАМАХ ШЕКСПИРА

Тема «природы» у Шекспира изучена во многих трудах, и я хочу остановиться на отдельных аспектах, которые, на мой взгляд, нуждаются в более тщательном рассмотрении. Я разделяю общие выводы одного из лучших исследователей этой проблемы Джона Дэнби, который в монографии о трагедии «Король Лир» показал главные значения сложного понятия «природа»¹. Многие герои в трагедии обращаются к природе как могущественной силе, определяющей судьбы людей на земле. Словарь Александра Шмидта даёт сотни разных значений: природа это прежде всего внешний по отношению к человеку мир, всё, что существует в мироздании, но в это понятие входит и жизнь человеческого общества, отношения между людьми, страсти, характеры, нравственное и физическое состояние, сущность вещей и явлений.

Самое простое распространенное значение слова «природа» в тексте Шекспира включает конкретный внешний по отношению к человеку мир – пейзаж, климат, растения, животные, космические явления и катаклизмы на земле – ураганы, грозы, землетрясения, потоп – при этом Шекспир заимствует из разных источников сведения о предзнаменованиях. Давно отмечено, что Шекспир проявляет точные познания в естественных науках и медицине, знание растений, животных, ремесел, охоты, музыки, живописи, театральной жизни. Кроме того Шекспир наделяет природу «человеческими» эмоциями добавляя эпитеты к таким явлениям как ночь, зима, море, океан: *ruthless sea, hungry ocean, envious gulf, «the grey-eyed morn smiles on the frowning night»*².

Многие аллегорические описания передают важные идеи о жизни и устройстве мира, например, корабль – государство, сад – порядок в обществе, пчелиный улей как пример превосходной организации жизни, иерархия светил и порядок в космосе как символ необходимого порядка в государстве, морской шторм как аллегория общественных потрясений – примеров очень много.

Многие идеи о природе Шекспир почерпнул из «Опытов» Мишеля Монтеня, в том числе и суждения античных авторов, кото-

рые Монтень цитирует или пересказывает. Например, Монтень иронически говорит о стремлении людей обвинять в своих несчастьях богов, звёзды и планеты, и Шекспир сохранил иронию Монтеня в рассуждениях Эдмунда: в излишествах своего поведения люди обвиняют высшие силы, «как будто мы становимся злодеями по неизбежности, глупцами – по небесному велению, плутами, ворами и мошенниками – от воздействия небесных сфер, пьяницами, лгунами и прелюбодеями – под влиянием небесных светил, и вообще, как будто всем, что в нас есть гнусного, мы обязаны божественному произволению. Замечательная увертка развратника – свалить ответственность за свои блудливые наклонности на звёзды! (1, 2, Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник). В данном случае это суждение произносит злодей, оклеветавший брата, предавший на смерть отца, и при этом оправдывающий своё поведение ссылками на «природу».

В трагедии «Король Лир» другие персонажи тоже обращаются к «природе»: Лир обвиняет природу, которая порождает жестоких детей, и призывает её отомстить за нарушение её законов, герцог Глостер обвиняет богов, которые убивают людей ради забавы, Олбени упрекает Гонерилью в нарушении самых священных законов природы, а когда Гонерилья называет его речь глупостью, отвечает глубокой сентенцией: «Wisdom and goodness to the vile seem vile / Filths savour but themselves» (IV, 2, 38-39) – даю возможный перевод: «Мудрость и доброта дурным кажутся дурными, – гниль обоняет лишь собственный запах». Слово «filths» применительно к людям передаёт высшее отвращение, в контексте оно может означать отбросы и даже «нечистоты», а этот афоризм, возможно, подсказан Шекспиру найденной у Монтеня цитатой из сочинения Эразма Роттердамского «Пословицы»: «Stercus cuique suum bene olet» – сразу же Монтень даёт перевод: «Every man's ordure well / To his own sense doth smell» т.е. «Для каждого его собственные нечистоты хорошо пахнут» и добавляет, что для здорового обоняния это невозможно³. Словом «ordure» Флорио перевёл латинское «навоз, экскременты», а Шекспир дал смягченное «filths».

Главное значение понятие «природа» в трагедии «Король Лир» во многих местах текста сливается с понятием «боги» в единую силу мироздания, поэтому и Лир, и Глостер обращаются к природе как высшей силе. Герцог Глостер в рассуждении, вызывающем

у Эдмунда насмешки, говорит о том, что земные пороки, преступления – это проклятие природы, хотя «мудрость природы находит какие-то им объяснения»: «...though the wisdom of nature can reason it thus and thus, / yet nature finds itself scourged by the sequent effects». В этом рассуждении понятие «природа» включает и внешний мир с его законами и «мудрость» человека, его разум, его поиски причин зла. Характерно, что в символической сцене суда Лир задаёт вопрос, который Шекспир оставил без ответа – какая причина в природе порождает жестокие сердца – ответа на этот вопрос Шекспир не знал и не находил в источниках, например, в созданной почти одновременно трагедии «Макбет» скрытые от человека причины зла в характерах людей столь же загадочны, а воплощением мирового зла являются ведьмы и их госпожа Геката. Суждение леди Макбет о характере мужа: его «природа» слишком полна «молока человеческой доброты» подтверждается в ходе развития действия – мучения Макбета, его галлюцинации, его страх порождены именно сохранившейся в его «природе» человечностью – именно поэтому Геката обвиняет своих служанок в том, что они не смогли окончательно поработить Макбета, вытравить все угрызения совести – предсказания ведьм должны освободить Макбета от всякого страха, но Макбет даже в финальных сценах страдает от мучений, хотя не может их понять – он пытается пощадить Макдуфа, предполагая собственную неуязвимость, но узнав, что пророчество оказалось ложным, он принимает вызов и погибает в поединке.

Понятие «великая природа» у Шекспира свободно от всякой зависимости от небес и богов, это светское понятие – природа – вечная, творящая всё, что существует в мироздании, – все миры, звёзды, планеты, все существа – порождение природы. В поздней драме «Зимняя сказка» король-философ Поликсен беседует с Пердитой о её цветах. Она признаётся, что не выращивает в саду гвоздики и левкой потому, что за их пестроту их называют «незаконными детьми природы». На это Поликсен возражает как учёный – «Природа улучшается только теми средствами, которые создаёт сама природа: искусство, которое ты говоришь, добавляет что-либо природе, сотворено природой»: «the art itself is nature» (W.T. IV, 4, 97).

Искусство исправляет природу, изменяет её, но само искусство – тоже природа. В этом суждении важно признание, что не только внешность, характеры, таланты человека, но и его творчество – часть природы, создано природой. В нескольких суждениях в са-

мых разных контекстах Шекспир вводит мысль, распространенную в «Опытах» Монтеня, в философских трудах Фрэнсиса Бэкона, мысль, заимствованную из сочинения Лукреция «О природе вещей». Это идея вечности и единства мироздания, все случайно-сти, фортуна, представления людей о мире – порождены природой, таким образом, снимается противопоставление двух начал материального и идеального и утверждается единство сущности всех вещей. «Мы сотканы из той же ткани, что и сны, и наша маленькая жизнь окружена сном», – говорит мудрец Просперо в «Буре», а эта сложная аллегорическая драма последнего периода творчества отражает взгляды Шекспира на роль науки, фантазии, искусства в жизни и определяет цель жизни как деятельность мудреца для улучшения мира и людей.

В тексте Шекспира есть понятие, истоки которого восходят к поэме Лукреция – выражение «nature's germens» переводят по-разному и оно вызывает различные комментарии. В одном исследовании признано влияние сочинения Джордано Бруно⁴. Однако более вероятно, что Шекспир почерпнул образ из суждений Лукреция, приведенных в «Опытах» Монтеня, использованных также и в философских трудах Бэкона. Лукреций много раз повторяет главную идею поэмы – материя вечна и беспредельна, её основные начала находятся в бесконечном движении и порождают всё, что существует по своим законам. Дух имеет материальную природу в «семенах», ибо из ничего не может ничто возникнуть, есть «зачатки» тел, их «первоначала».

Однако «природа начал» неизвестна, «первоначала» слишком мелкие, их невозможно увидеть человеческому зрению, но они сходны друг с другом и неисчислимы, из них и созданы все живые и неживые вещи в мироздании. Они вечны, их нельзя уничтожить. И Лукреций стремился освободить человека от страха смерти, Монтень цитирует его суждение «после смерти не будет тебя, который бы живой оплакивал тебя мертвого». Решительно отрицает Лукреций и веру в бессмертие души, доказывая, что «дух» живет только в живом теле и умирает вместе с ним. Он предполагает, что «дух» порождён движением мельчайших тел, недоступных восприятию. Множество примеров приводит Лукреций для доказательства вывода – «душа смертна», она подвержена болезням, когда «дух» разлагается. Поэтому смерть – ничто, полное уничтожение, она не должна питать страхи о посмертной судьбе.

Если проследить, какие идеи сохранил Монтень в сотнях цитат из Лукреция, то можно признать материалистическую основу скептицизма французского философа.

У Шекспира яснее всего понятие «семена природы» выражено в трагедиях «Король Лир» и «Макбет». При этом признание их вечности не дополняется выводом о бессмертии души, нет и еретического вывода о её смертности.

Лир обращается к природе:

«Crack nature's moulds, all germens spill at once / That make ingrateful man!» (III, 2, 8). Макбет готов принять Хаос: «Though all the treasure / Of nature's germens tumble all together, / Even till destruction sickens...» (IV, 1, 59-60).

В этих заклинаниях выражена мысль о том, что в природе существуют «зародыши», «семена», или как у Лукреция, «первоначала», которые порождают всё, что есть, а их смешение означает конец мира, хаос, разрушение.

Шекспир сохраняет мысль Лукреция о единстве всего, что существует в природе – эту мысль развивает Ф. Бэкон в сочинении «О принципах и началах»: признавая, что в атоме есть начала всех вещей, всех свойств и движений, он приводит также идею древних философов о том, что материя во вселенной существует изначально, а не создана богом. Бэкон отрицательно отзываясь о стремлении рассматривать отвлеченные понятия как реально существующие вещи – из ничего не рождается ничего, из «принципов» не рождаются вещи.

Можно представить, что Шекспир вводит суждение о единстве и о единой «природе» метеоритов (I Генри IV, I, I, II) как отклик на идею единой природы мироздания, он также признаёт, что прошлое в жизни всех людей раскрывает «природу» умерших времён, тем самым Шекспир разделяет мнение о познаваемости явлений, причём не только в «истории» человеческого общества, но и во всех проявлениях жизни, термин «времена» в данном примере охватывает жизнь в целом (2 Генри IV, III, I, 81). «One touch of nature makes the whole world kin» (Троил Крессиды, III, 3, 175).

Одна из философских идей, заимствованная из Монтеня, а косвенно у Лукреция, – мысль о невозможности проникнуть в тайну мироздания – есть многое на свете, что и не снилось нашей философии, – говорит Гамлет, обращаясь к Горацио – в тексте фолио 1623 стоит именно «нашей», а не «вашей» как в издании кварто и

в современных изданиях. Гамлет не отделяет «свою» философию от общего понятия – философия познаёт мир, но не всё доступно познанию. Например, на вопрос короля Лира в аллегорической сцене «суда» о причине в природе, порождающей жестокие сердца, ответа Шекспир не даёт.

В трагедии «Макбет» тайны зла в мире воплощены в образах ведьм, а их предводительница Геката связана с космосом, она надеется что эта связь поможет ей окончательно поработить Макбета, об этой связи с миром говорит и Макбет, называя её «великая связь», основа его мучений – понятие «great bond» означает в подобном контексте всеобщие законы природы.

Есть сходство в рассуждениях Шекспира о тайнах природы с цитатами в «Опытах» Монтеня, где поставлена цель проникнуть в «природу вещей», но есть и позднейшие добавления: «Природа не предлагает нам познания её целей», – эту цитату из Цицерона приводит Монтень и добавляет рассуждения о богах, которые играют людьми как теннисными мечами, – это сравнение использовал Шекспир в речах старого герцога Глостера, ослепленного, узнавшего о предательстве Эдмунда. На Шекспира могли повлиять и приведенные в «Опытах» суждения халдеев и Зороастра, о древних временах – записи сделаны 400 тысяч лет назад, и 6 тысяч лет – о Всемирном потопе.

Сложное философское значение слова «природа» встречается только в произведениях зрелого периода творчества. Гораздо более распространенное конкретное понятие встречается во всех драмах, в комедиях, трагедиях и поздних пьесах – это понятие «сущность» – вещей, явлений, характеров. В контексте становится ясно, какой смысл придан этому понятию. Например, король Лир признаёт свою ошибку в отношениях к дочерям – «ничтожно малая вина Корделии подобно взрывному устройству взорвала всю мою природу». «Like an engine, wrenched my frame of nature / from the fixed place» (I, 4, 290).

В этом суждении есть глубокая мысль о характере Лира – он признаёт, что разочарование в Корделии послужило «взрывом», изменившим его «природу». Важно и суждение леди Макбет о характере мужа «его природа полна молока человеческой доброты» – это суждение позволяет глубже понять и «природу» мучений Макбета – это муки совести, хотя он воспринимает своё состояние как страх перед врагами и совершает всё новые убийства,

пытаясь освободиться от этого страха. Шекспир знал приведенное у Монтеня мнение Гесиода о том, что повсюду возникает сразу в момент совершения преступления, однако он внёс существенную поправку – не у всякого преступника возникает подобное состояние, у Ричарда III, у Эдмунда, особенно у Яго, угрызений совести нет, вернее Ричард их преодолевает, а Эдмунд испытывает их «вопреки своей природе». Яго ни разу не испытывает угрызений совести, ни в моменты торжества, ни в момент разоблачения.

Слово «природа» во многих случаях определяет сущность личности персонажей, но также и сущность событий, в том числе исторических. Конкретный смысл понятия в подобных случаях необходимо воспринимать как суждения не только самих персонажей, но подчас как мнение Шекспира о героях или событиях. Примеров много, и они есть в драмах самого разного содержания.

В нескольких примерах можно истолковать слово «природа» как признание законов, предписывающих человечность. Призрак призывает принца Гамлета к мести, если он не утратил своей «природы», т.е. если он сохранил чувство любви к отцу (Гамлет, I, 5, 81), но Гамлет предостерегает себя от жестокости по отношению к матери «Сердце не должно утратить свою природу»: «O heart, lose not thy nature; let not ever / The soul if Nero enter this firm bosom: / Let me be cruel, not unnatural» (III, 2, 411-413).

Король Лир не хотел бы «забыть свою природу», т.е. утратить человеческое начало – это он говорит в момент, когда вспоминает, каким он был «добрым отцом»: «I will forget my nature. So kind a father!» (К. Л. I, 5, 35).

Жестокость его двух дочерей воспринимается как нарушение законов природы, как «проклятие природы», а доброта Корделии получает очень важное определение: младшая дочь «искупает» проклятие, которое принесли природе старшие: «...one daughter who redeems nature from the general curse / Which twain have brought her to» IV, 6, 210).

В приведенных примерах «природа» предстаёт как высшая сила, имеющая доброе начало, которое люди могут исказить своими преступлениями.

Есть интересное суждение в речи королевы Гертруды: «Всё живое должно умереть, следуя путём природы в вечность», но это суждение имеет скрытый смысл, связанный с представлениями о вечной природе, которые в устах королевы Гертруды звучат странно:

«Thou know'st tis common; all that lives must die,
Passing through nature to eternity»

(I, 2, 72-73)

Перевод М.Лозинского наиболее точен:

«То участь всех: всё жившее умрёт
И сквозь природу в вечность перейдёт».

Однако «путём природы» более понятно, чем «сквозь природу». Что значит «вечность» – не вполне ясно, но это не бессмертие души.

Тема «природы» особенно тесно связана с проблемой судьбы Кориолана в поздней политической трагедии, где Шекспир близко следует Плутарху, но вводит весьма существенные изменения сознательно. Плутарх видит причину гибели Кориолана в его гордости, в неспособности смирить характер, приспособиться к обстоятельствам. Он добавляет, что такие люди, которые во всём следуют своим путём, не считаясь с изменениями в обстановке, не должны стремиться к управлению государством, их исключительность, «одинокость» обрекает их на гибель. В переводе Норта есть слово «aloneness» которое не означает привычного «одиночество», это другое понятие – своеобразное восприятие одиночки в обществе. У Шекспира Кориолан восклицает «О я один» «alone», и он во все моменты один следует своим путём, кроме тех трагических, когда любовь к матери вынуждает его изменить своей природе: «ты хотела бы, чтобы я предал свою природу», – обращается он к матери: «... would you have me / False to my nature» (Кориолан, III, 2, 15).

Он считает свои доблести абсолютными, ценными независимо от общества. Между тем, у Монтеня Шекспир мог прочесть весьма важную мысль об относительности всех представлений – Монтень вспоминает, что в течение его жизни англичане четыре раза меняли не только политику, но и религию, и это – естественный закон жизни. Монтень цитирует Лукреция:

«What erst was most esteem'd
At last not worth is deem'd,
Another then succeeds
and from contempt ursprings».

У Шекспира Ауфидий говорит о Кориолане: его природа не меняется, а оценки его действий зависят от времени: «Thus our virtues lie in the interpretation of the times / And power unto itself

most commendable, / Hath not a tomb so evident as a chair / To extol what it hath done» (IV, 7, 49-53).

Переводы ошибочны.

Приведу буквальный перевод: «Так наши доблести существуют в оценках времён / И власть сама по себе похвальная находит могилу с той же трибуны, с которой восхвалялись её дела».

Любопытно, что отвращение Кориолана к лести, притворству, унижению перед народом оказывается сильнее, чем инстинкт самосохранения, он не желает купить расположение плебеев даже ценой ласкового слова. Друзья умоляют его молчать, Волумния убеждает, что на войне притворство не бесчестит – признавая, что они ведут войну с народом. Однако позднее, когда Кориолан угрожает захватить Рим во главе вражеского войска, именно Волумния, не патриотической речью, а угрозой гибели своей и детей Кориолана вынуждает его заключить мир, хотя это грозит ему гибелью, – он не знает, что Ауфидий давно замыслил его убить после победы, а уступка Кориолана служит лишь предлогом заговорщикам. Поэтому рассуждение Ауфидия о причинах измены Кориолана можно воспринять, как возражение Шекспира Плутарху – не гордость героя, а его неспособность изменить своей «природе», т.е. нравственным качествам, которые он считает незыблемыми, приводят его к измене Риму, Кориолан ни разу не сомневается в своём праве мстить «пораженной язвой», «неблагодарной» отчизне. Трагедия «природы», т.е. личности героя состоит в конфликте с «природой» социальных отношений, когда власть переходит в руки трибунов, которые управляют народом. Кориолан видит опасность утраты власти для патрициев, а Шекспир предвидит потрясения в Англии. Для героя победа плебеев означает гибель государства – он открыто предлагает изменить политику, чтобы спасти Рим, не понимая, что это уже невозможно – так возникает идея необходимости менять «природу», т.е. свои взгляды.

Эта идея возникла много раньше в трагедии «Юлий Цезарь», когда Брут доказывает себе, что Цезаря приходится убить, поскольку он желает короны, а единоличная власть может изменить его «природу», как показывает опыт. Таким образом, для Шекспира изменчивость «природы», т.е. сущности личности представлена в разных ситуациях – меняется «природа» Отелло, Лира, Гамлета, Макбета, – изменчивость человеческой «природы» предстаёт, как и в «Опытах» Монтеня или в «Жизнеописаниях» Плутарха зако-

номерным свойством, причём именно это свойство соответствует общим законам «природы», которая определяет судьбу героя.

Примечания

¹ Danby J.F. Shakespeare's doctrine of nature. A study of «King Lear». L., 1949; Spenser Th. Shakespeare and the nature of man. Repr. N.Y., 1945; Krowlton, E.C. Nature and Shakespeare // PMLA, 1936, vol. 2, № 3.

² Hartmann, Erich. Naturschilderung und Natursymbolik bei Shakespeare. L., 1908; Speaight. Nature in Shakespearean tragedy. L., 1955; Clement W. The development of Shakespeare's imagery. 2d. ed. L., 1977.

³ Montaigne, M. The Essays of Michael lord of Montaigne. (Transl. by John Florio) Ed. with an introd. and a glossary by Henry Morley. L., 1886. Book III, 8, 474. from «Adagia», III, IV, 2.

⁴ Martin L. Shakespeare, Lucretius and the commonplaces // The Review of English studies. Vol. 21, № 83. Pp. 174-185.

ТЕМА «УТОПИИ» В СОЧИНЕНИЯХ ПЛАТОНА И В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Наследие Платона изучено во всех аспектах настолько глубоко и всесторонне, что трудно ожидать новых открытий, поэтому в предлагаемом сообщении даётся всего лишь обзор влияния идей Платона о государстве в сочинениях европейских утопистов XVI-XVII веков. Изучение Платона, его переводы и комментарии раньше, чем в других странах, было организовано в Италии в XV веке, когда Козимо Медичи основал во Флоренции «Платоновскую академию». В правление Лоренцо Медичи деятельность «Академии» достигла расцвета. Создан культ Платона, члены этой «Академии» считали себя учениками греческого философа и устраивали празднества в его честь, а римский папа Лев X из рода Медичи был выдающимся учёным, гуманистом, покровительствовал талантливым людям, защищал свободомыслие и даже выражал скептическое отношение к религиозным верованиям. При нём светское начало побеждало, его правление называют золотым веком итальянского гуманизма, когда изучение античной философии и науки было признано обязательным для образованных людей.

Влияние учения Платона наблюдается в течение последующих веков во всех европейских странах, но, как признавал выдающийся знаток античности А.Ф.Лосев в предисловии к изданию сочинений Платона¹, существуют «вечные» проблемы изучения творчества Платона, которые не решены за прошедшие три тысячелетия и в этом есть основания в тексте, поскольку взгляды философа противоречивы и менялись на протяжении его жизни.

Платон ставит поистине «вечную» проблему – в чем заключается «благо», т.е. наилучшее состояние человека и человечности, при котором и человек и общество могут быть названы «счастливыми». Понятие «удовольствия» рассматривается в нескольких диалогах, как и понятие «справедливость». Собеседники высказывают различные точки зрения, а приемлемого для всех определения «справедливости» нет. Вопрос о возникновении государства также очень сложен. В частности, Платон связывает возникнове-

ние государства с потребностями человеческого общества, он вводит положение о разделении труда как о неизбежной основе хорошо организованного общества, и понятие «трудись в своём призвании» задолго до христианства введено у Платона. Важно признание главенствующей роли «мирового разума», который объявлен основой мироздания и причиной всех вещей – и материальных и нематериальных. Ум или разум управляет вселенной – это положение сопровождается в доводах Сократа признанием, что целое управляется неким «изумительным разумением», именно этот мировой разум вносит порядок в устройство мира².

Эта вечная причина всех вещей названа «божественной», но в большинстве рассуждений нет вывода о том, что вселенная создана богами. Для эпохи Платона это естественно, однако в позднейшие века положение о вечности вселенной признавались «еретическим», известно, что в 1546 г. по требованию инквизиции был сожжен на костре учёный Этьен Доле, и предлогом послужил его перевод Платона, в котором он сохранил положение о вечности вселенной.

В диалоге «Государство» собеседники Сократа далеко не всегда соглашались с его основными идеями, в частности, обсуждают и понятие «справедливости», объявленное в речах Сократа основой идеального государства – это понятие в его разных толкованиях возникает в тексте всего сочинения. В существующих государствах – справедливость – польза сильнейшего, справедливостью признаётся только то, что полезно для сохранения власти, всякая власть создаёт законы, которые способствуют её сохранению – демократия – в свою пользу, тирания – полезные для себя. Однако собеседники при любой власти видят возможность создания справедливых законов, т.е. полезных для всего общества³. Главный противник Сократа – Фрасимах доказывает, что в существующих государствах при любом устройстве господствуют люди несправедливые, а справедливые проигрывают и подчиняются любым правителям⁴. Важнейшая тема в этом диалоге – возникновение законов – эта тема является столь же «вечной» как возникновение государства. Платон вводит понятие общественного договора, которое сохранилось в позднейшие века – в соответствии с этим понятием законы возникли как средство против несправедливости и насилия, когда люди согласились добровольно им подчиняться, признавая их по необходимости «справедливыми»⁵. Во

многих частях диалогов «Государство» и «Законы» Платон повторяет положение о важности законов для идеального государства – именно хорошие законы регламентируют жизнь всего общества и все стороны жизни государства. Вместе с тем собеседник Сократа Главкон оспаривает его положение о значении законов: аргументы тех, кто защищает несправедливость, исходят из реальных отношений: «Они скажут: так расположенный справедливый человек подвергнется бичеванию, пытке на дыбе, на него наложат оковы, выжгут ему глаза, а в конце концов после всяческих мучений, его посадят на кол, и он узнает, что желательно не быть, а лишь казаться справедливым»⁶ и далее Главкон приводит примеры из истории, когда те, кто умел казаться справедливыми, захватывали власть и все блага жизни. В жизни уважают богатых и удачливых и презирают немощных бедняков. Собеседники Сократа в пространных речах рисуют реальное положение вещей в государствах, где мудреца считают наивным простаком, и эту особенность диалога необходимо принять во внимание, когда возникает тема идеального государства. Сократ (и Платон) рассуждают об идеале, а его собеседники анализируют существующее положение и сомневаются в возможности идеала. Эта черта диалогов сохранена в знаменитой «Утопии» Томаса Мора, где выражено скептическое отношение к возможности существования идеального государства. Пространное рассуждение Адиманта включает опасное суждение о богах – или они не существуют или им нет дела до людей, – поэтому нет надежды на их вмешательство в борьбе с несправедливостью.

В ответ на скептические доводы Сократ вводит тему разделения труда: именно неизбежность подобного разделения труда могла привести к созданию идеального порядка – попутно заметим, что положение о разделении труда в государстве сохранено во множестве позднейших утопических сочинений и художественных произведений. Можно вспомнить что это положение развивают в своих монологах самые хитроумные политики Шекспира – архиепископ Кентерберийский, Улисс и Менений Агриппа, – Шекспир показывает, как эти рассуждения политики используют для умирения недовольных и мятежников.

В сочинениях Платона господствует убеждение, что разделение труда и различие в положении отдельных групп общества – неизбежные основы государства, а в идеальном государстве уст-

ранена опасность нарушения такой основы: там существует сословие стражей, организованных по особым законам. Известно, что равенство установлено именно в этой элитной группе, которая охраняет государство от внутренних потрясений и от внешних врагов. Однако в позднейших утопических сочинениях организация жизни стражей была использована для «идеального» устройства государства в целом. Правда, у Платона рабы не являются такой частью общества, которая подвергается унижению и угнетению – это всего лишь работники, выполняющие самую примитивную, «грязную» работу, поскольку Платон не предполагает развития машин, устраняющих этот вид труда. Поэтому существование рабов соответствует главному принципу незыблемого разделения труда.

Организация воспитания и деятельности стражей в идеальном государстве составляет ту часть рассуждений Платона, которая более всего поразила его современников и последователей, и более всего вызвала возражения Аристотеля. В связи с темой «утопии» именно проекты Платона, связанные с сословием стражей, заслуживают внимания. В экономическом плане главная особенность – отсутствие частной собственности, точнее отсутствие почти всякой личной собственности явилось основным требованием, и Сократ, а также и другие участники диалогов, приводят множество аргументов в защиту подобной организации быта стражей.

В идеальном государстве и золото и серебро существуют только для торговли с другими государствами, а в жизни идеального государства преобладает натуральный обмен и общественные средства для удовлетворения всех потребностей. Когда Сократ перечислил самые простые натуральные продукты, его собеседник Главкон иронически комментирует эти проекты: «Если бы, Сократ, – возразил Главкон, – устраиваемое тобой государство состояло из свиней, какого, как не этого, задал бы ты им корму?»⁷. Невольно вспоминается вывод Бернарда Мандевиля в его «Басне о пчёлах» (1714): кто хотел бы возродить золотой век, должен быть готов питаться желудями. Однако Платон в рассуждениях Сократа доказывает, что подобное устройство должно устранить противоречие между богатством и бедностью, не будет роскоши, установится равенство, и не будет преступлений и недовольства.

В третьей книге «Государства» рассматривается вопрос о контроле над искусством, который необходим при воспитании стра-

жей в идеальном государстве. Прежде всего стражи учатся военному искусству, мужеству, преданности государству, – для этих целей должно служить искусство. Оно служит также этическому воспитанию – прославляя добродетели, изобличая пороки. Сократ вводит порицания тем поэтам, которые приписывали богам всяческие пороки, не избежал критики даже Гомер. Платон подчиняет целям воспитания не только поэзию и театр, но также и музыку – лады имеют этическое воздействие, необходимо изъять музыку, возбуждающую низменные страсти – стражам не подходят опьянение, изнеженность, праздность, есть такая музыка, которая расслабляет, лады ионийский и лидийский нужно запретить, необходима такая музыка, которая воспитывает стойкость в войнах и трудностях и мужество, – оставлены военные марши, гимны, походная музыка – можно вспомнить преобладание именно этих музыкальных жанров в периоды войн и революций. Программа полного государственного контроля за искусством напоминает позднейшие требования пуритан, запретивших театры и народные представления. Требование Сократа – необходимо запрещать всё безнравственное, разнузданное, низменное и безобразное – всё, что порождает зло в воображении и дурные вкусы в искусстве⁸. Таким образом, Платон объединяет этическое и эстетическое воспитание, требует контроля над искусством в целях воспитания достойных граждан – высшая цель воспитания состоит именно в гражданских доблестях.

Организация быта стражей в идеальном государстве Платона напоминает организацию армий в позднейшие времена. У стражей нет никакой собственности, они живут вместе, их жилища и быт напоминают жизнь солдат в казармах: общие спальни, общие столовые: «А чуть только заведётся у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и земледельцами; из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависть, питая злые умыслы и их опасаясь, будут они всё время жить в большем страхе перед внутренними врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сами они и всё государство устремится к своей скорейшей гибели»⁹. С этими аргументами согласился его оппонент Главкон.

В четвёртой книге Платон рисует модель идеального государства, называя эту модель «утопией». К предшествующим рассуж-

дениям Платон добавляет требование устранить богатство и бедность, но обеспечить каждому возможность получать блага за свой труд. Тогда все граждане, а не только стражи, будут защищать своё государство, в котором они счастливы и в котором нет взаимных распрей. Задача стражей – следить за воспитанием законопослушных граждан – не допускать нарушения законов и возникновения пороков. Должности воспитателей вводятся для того, чтобы дети с раннего детства впитали главные принципы жизни в таком государстве, а для этого их объединяют в отряды, где они привыкают к повиновению и жизни сообща. Дети принадлежат государству, а не их родителям – это положение вызывало немало возражений, как противоречащее природе человека.

Во многих позднейших трудах упоминается четыре свойства идеального государства, отмеченные у Платона – это мудрость, мужество, рассудительность (порядок) и справедливость¹⁰. Понятие «рассудительность» Сократ комментирует как порядок, согласованность всех частей – естественное созвучие и гармония – эти образы восприняты в сочинениях утопийцев как необходимые, о согласовании или созвучии правителей и обстоятельств авторы XVI–XVII вв. упоминают как о свойстве любого, а не только идеального государства. Для сохранения подобного «согласия» необходимо, чтобы каждый трудился в своём призвании, не разрушая установленный порядок. Сохранение иерархии необходимо в идеальном государстве, её нарушение угрожает существованию государства, – это положение Платона много раз повторено в политических сочинениях позднейших веков.

Пятая книга посвящена рассмотрению пяти видов государственного устройства и эта классификация сохранена в позднейшие века. В начале этой книге Платон рассуждает о наиболее спорном положении – это общность жен и детей у стражей – положение, вызывало возражение его собеседников и было подвергнуто критике у Аристотеля. Платон заимствует аргументы из практики селекции животных и растений – в государстве необходима «селекция» людей – воспитание должно пресечь такие пороки как ревность, месть, соперничество – если всё общее, то нет причин для вражды.

Пять видов государственного устройства сохраняются во многие исторические периоды. Демократия часто переходит в анархию, именно из анархии возникает тирания, но тирания как прав-

ление одного правителя не всегда зло, часто при способном правителе достигается прочность и единство – это положение Платона вызывало возражения Аристотеля, который считал тиранию наихудшим и непрочным правлением. Однако у Платона ощутима диалектика – на практике порочным типом правления является олигархия, т.е. господство богатых граждан, пренебрегающих интересами всех других сословий – именно после олигархии возникает в результате потрясений – охлократия – господство низших слоёв населения, когда «неразбавленная» свобода угрожает гибелью государству, когда все гражданские доблести утрачены, господствует эгоизм и разнузданность нравов. Подобная классификация была позднее использована во многих трудах. Вывод Платона «тирания возникает, конечно, не из какого иного слоя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство»¹¹. Более того, Платон утверждает по опыту, что тиранами чаще всего становятся ставленники из народа, когда демагоги обманывают народ рассуждениями о свободе, а вводят тираническое правление. Влияние рассуждений, изложенных в 8-й книге диалога «Государство» о разных формах правления ощутимо не только в политических сочинениях утопистов, но во многих художественных произведениях, в частности в драмах Шекспира, Бена Джонсона, в «Опытах» Фрэнсиса Бэкона, в публицистике XVII в. Повлиял и очерк Платона о психологии тиранов – они вынуждены уничтожать всех, кто может быть опасен, даже если эти люди всего лишь обладают талантами и проницательностью – этот момент отмечен в таких произведениях как «Юлий Цезарь» и «Макбет» Шекспира, «Сеян» Бена Джонсона, трагедии Джорджа Чапмена. Тиран, как доказывает Платон, часто приобретает пороки после того, как завладеет неограниченной властью – и это происходит, даже если по натуре такой человек не был жестоким¹².

В позднем сочинении «Законы» многие идеи предшествующих сочинений выражены резче. Например, в этом сочинении взгляды Платона высказывает Афинянин – и он утверждает на основании истории, что умеренная монархия лучше других форм правления¹³. Полная свобода хуже, при такой свободе не подчиняются не только власти, но и родителям, не вспоминают даже о богах. Афинянин приводит в пример организацию пчелиного улья и жизни пчёл, – и этот пример использовали многие авторы в позднейшие вре-

мена. В законах необходимо предусмотреть не только экономические отношения, но также нравственное воспитание. В экономике Платон защищает собственность, поскольку речь идёт не о будущем, а о существующих государствах. Например, нужно запретить передел земли после того, как были определены наделы, наделы можно наследовать, но нельзя продавать, иначе нарушится справедливость, воцарится противоречие бедности и богатства.

Более подробно, чем в «Государстве», Платон анализирует правила избрания должностных лиц, судей, воспитателей, правила жизни стражей – их хозяйственные и политические обязанности должны обеспечить твёрдый порядок. Законы предусматривают наказание за любой проступок, при этом ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным – за этим также должны следить стражи, как и за всеми нарушениями установленного порядка и законов. В этом сочинении все стороны жизни подвергаются регламентации, в том числе брачные отношения, развлечения, искусство, повседневные обычаи – и по признанию исследователей, подобная регламентация вызывала возражения, начиная с Аристотеля.

В эпоху Возрождения были известны не только утопические теории Платона, но также и возражения Аристотеля против многих рассуждений Платона о наилучшем устройстве государства. При этом, как указывал в своём исследовании глубокий знаток античности А.И.Доватур, Аристотель исходил из исторических фактов и упрекал Платона в недостаточном знании истории и природы человека¹⁴. Знаменитое положение Платона о том, что правители должны стать философами, или философы стать правителями, Аристотель считал неосуществимым. Аристотель подвергал критике и рассуждения Платона о переходе одной формы правления в другую¹⁵.

Аристотель возражал против требования полного единства во взглядах граждан – подобное единство невозможно по многим основаниям, а такое древнее создание как семья неустранимо, как и связь родителей и детей. По природе человек всегда больше заботится о своей собственности, чем о том, что принадлежит всем, общая собственность может быть не благом, а недостатком государства¹⁶. Особенно опасным для существования государства считает Аристотель организацию жизни и быта стражей в идеальном государстве Платона. По природе люди не могут быть равными,

если уравнивать талантливых людей со всеми и заставить их подчиняться требованиям равенства, то возникнет недовольство¹⁷. Ошибочным считает Аристотель и положение Платона о воспитании женщин наравне с мужчинами и особенно положение о существовании общности жён и детей у стражей – история свидетельствует, что подобное нарушение традиций, если его ввести насильственно, разрушит любое государство.

Проблема наилучшего устройства государства рассматривается в Четвёртой книге «Политики» Аристотеля иначе, нежели в «Государстве» Платона, где, по мнению Аристотеля, преобладает абстрактное рассуждение, а не анализ реальной жизни и реальных возможностей. Прежде чем давать рекомендации, Аристотель напоминает, что существуют три вида правильного государственного устройства – царская власть, аристократия и полития, но также три вида отклонений – тирания, олигархия и демократия. Наихудшим является тирания, но и олигархия – правление небольшой группы богатых, недалеко отходит от тирании. Однако и при олигархии возможно господство большинства, точно так же и при демократии верховная власть принадлежит не всем, а только свободнорожденным, а рабы не имеют прав. Некоторые полагают, отмечает Аристотель, что признаком демократии является свобода и равенство, однако такой вид демократии, когда управляет весь народ является одним из нескольких разных по своему характеру типов.

Первый вид демократии – истинная власть народа, т.е. всех граждан государства, когда каждый имеет право участвовать в управлении, поскольку нет никаких ограничений, тогда законы принимаются в интересах большинства, даже если есть различия в имущественном положении граждан. Второй вид этого устройства – ограничения в избирательных правах в зависимости от экономического положения – есть имущественный ценз. При третьем и четвёртом виде существуют ограничения, но установленные законом, властвует закон. Худший вид демократии – пятый, когда управляет по видимости народ в лице народного собрания, но нет законов и по существу управляют собраниями искусные демагоги, причём направляют события чаще всего в собственных интересах – этот вывод Аристотель делает на основании изучения демократического устройства в римской республике¹⁸.

Все виды олигархии означают господство богатых людей, поскольку существует имущественный ценз для занятия должнос-

тей. Наихудшим типом этой формы правления является назначение на высшие должности или по наследству или по решению правителей, но если должности замещаются членами одного рода, то эта форма власти считается «династией». Несколько видов тиранического правления связаны с характером правителя и способом, каким он достиг высшей власти. Худший вид олигархии возникает, если небольшое число людей, захватив огромные богатства, управляют без всяких законов в своих интересах. Так же и худший вид тирании бывает в тех случаях, когда деспот захватывает власть и управляет по произволу, не считаясь с законами. По мнению Аристотеля, наихудшие формы государства – олигархия и тирания приводят государство к упадку и являются непрочными.

Наилучшей формой государственного устройства Аристотель называет политию, этот термин определяет смешенное управление. Главный признак политии – относительное равенство всех граждан в замещении должностей – они замещаются по избранию, и нет никакого имущественного ценза – при таком способе есть надежда, что лучшие по способностям и добродетелям граждане будут управлять государством.

При олигархии к власти более всего стремятся, как пишет Аристотель, наглецы и мерзавцы, чтобы сохранять и умножать своё богатство. Поэтому при политии вводится равное право для замещения должностей по избранию, а так как в государстве преобладает средний слой по имущественному положению, то и должности будут занимать люди из этого слоя граждан.

Аристотель упоминает, что наилучшие правители и законодатели Солон и Ликург вышли именно из среднего слоя граждан, однако на практике полития встречается редко, чаще всего побеждает или олигархия или демократия в их разных вариантах. Особенно подробно рассматривает Аристотель вопрос об участии простого народа в обсуждении и принятии законов – если неимущие слои населения в этих дебатах не желают принимать участие, то полезно давать вознаграждения тем, кто может предложить какие-либо улучшения законов, в частности и для их интересов. Аристотель имеет в виду права, которыми обладают граждане, не затрагивая проблему положения рабов в политии.

Способы замещения государственных должностей зависят от характера государственного устройства – в одних случаях на должности назначаются советом и правителями, в других путём из-

брания, в третьих – по жребию. Более сложный вопрос – устройство судебной власти – в большинстве существующих государств суды защищают тот порядок, который установлен и препятствуют его нарушению. Однако Аристотель различает восемь видов судебных учреждений, причём для каждого вида закон устанавливает особые формы замещения должностей. Для рассмотрения дел об убийствах должны существовать несколько подразделений суда, но особенно осмотрительно следует назначать судей, которые рассматривают дела о государственных преступлениях, в числе которых перевороты, восстания, нарушения основных законов. Вся пятая книга «Политики» посвящена анализу причин внутренних потрясений, в том числе заговоров и восстаний, а также переворотов – и в анализе всевозможных причин Аристотель исходит из исторических фактов, данный раздел имеет мало отношения к проблеме наилучшего устройства. Главное положение – в хорошо устроенных государствах не возникают распри, поскольку умелое правление предотвращает недовольство и вовремя устраняет его причины. Попутно можно заметить, что некоторые положения из этого раздела использовал Фрэнсис Бэкон в своих «Очерках» и в своей «Новой Атлантиде».

Завершая очерк о главных выводах Платона и Аристотеля, необходимо признать, что в эпоху Возрождения во многих утопических сочинениях встречаются положения, заимствованные у греческих философов, но немало серьёзных возражений и оригинальных идей в вопросах наилучшего устройства государства – при этом различаются наблюдения авторов о реальном положении дел в существующих странах и положения, высказанные как проекты наилучшего устройства, независимо от возможности осуществления этих проектов. Поэтому, например, Томас Мор, один из ранних последователей античных учений, ввёл понятие «утопия» – как известно, само слово означает «нигде», и Томас Мор признавал, что не надеется увидеть это государство.

Сочинение Томаса Мора «Утопия», впервые издано осенью 1516 г. на латинском языке благодаря стараниям друзей Мора – Эразма Роттердамского и Петра Эгидия. Является общепризнанным, что в этом сочинении содержится критика всех сторон жизни в существующих государствах, особенно в Англии, но также и синтез многих идей античных и ренессанских авторов, особенно отмечено влияние сочинений Платона¹⁹. Воздействие «Утопии» на

современников и в последующие века особенно изучено в статьях юбилейного сборника, где рассматривается влияние Мора в Англии, Италии, Испании, Франции и России²⁰.

В первой книге «Утопии» идёт речь о пороках современных государств, которые необходимо искоренить в идеальном государстве. Один из главных пороков, вызывающий возмущение – резкое противоречие между роскошью немногих и нищетой и бедствиями большинства населения. Отсюда и различные пороки во всех слоях населения: «Трактиры, притоны, публичные дома и публичные дома в ином виде – харчевни, винные и пивные, наконец, разные бесчестные игры: кости, лото, мячи, шары, диск, – разве все они не посылают своих приверженцев прямо на разбой, быстро лишив их денег? Отбросьте эту пагубную заразу, постановите, чтобы те, которые разрушили хозяйства и селения, восстановили их или же уступили их тем, кто хочет возвести их вновь или отстроить. Обуздайте эти скупки богачей и их произвол, подобный монополии. Меньше кормите бездельников»²¹. Подобные призывы в первой книге завершаются признанием, что Платон советовал мудрецам воздерживаться от управления, поскольку они не смогут изменить такое положение, когда всё лучшее достаётся дурным людям, а все прочие несчастны²².

Исследователи признают, что «Государство» Платона послужило импульсом для Томаса Мора, но если у Платона частная собственность уничтожена только среди граждан полиса, небольшого по объёму, то в «Утопии» частная собственность признаётся злом для всех, а её уничтожение – главное требование в проектах Мора. «Утопия» даёт картину бесклассового общества и содержит идеалы коммунизма²³.

В первой книге своего сочинения Томас Мор создал резкую критику существующего положения в его время, и эта картина служит введением в рассказ об идеальном государстве. Именно глубокое понимание бедственного положения народа в европейских государствах, особенно в Англии в период первоначального накопления и огораживаний, подсказало Томасу Мору многие положения для исправления господствующего зла в гораздо большей степени, чем изучение сочинений Платона.

В беседе Гитлодея и Петра Эгидия высказаны две оценки положения Платона о равном распределении. Гитлодей восхваляет Платона: «Ибо этот наимудрейший человек легко увидел наперёд,

что для общественного благополучия имеется один – единственный путь – объявить во всём равенство²⁴. Мор добавляет аргументы в защиту Платона – если каждый имеет собственность, то он будет стремиться к богатству, всё богатство поделят немногие, а остальным оставлена бедность, причём захватят это богатство люди хищные и бесчестные, а скромные труженики, самая лучшая часть общества, будут нести бремя нищеты и забот. Однако сразу же Эгидий приводит и возражения: если всё будет общее, исчезнет стимул для труда, никакие законы не заставят народ трудиться, если не будет выгоды. Этот вопрос изучен во второй книге «Утопии» в рассказе Гитлодея о той стране, где он побывал в своих странствиях.

Из сочинений Платона и Аристотеля заимствовано положение о выборности правителя и чиновников – сифогрантов и трианборов, а также положение о том, что они освобождаются от физического труда. Выборы многоступенчатые: каждый из 54 городов предлагает своих делегатов в совет и сифогрантов, которые следят за исполнением законов и за тем, чтобы все граждане трудились – благодаря всеобщему труду в Утопии всегда достаточно пищи и одежды, тем более, что потребности невелики. В частности запрещена роскошь, все одеты в одинаковые одежды из шерсти, а поверх их одевают также одинаковые шерстяные плащи натурального цвета шерсти.

Томас Мор вводит заимствованное из сочинений Платона рассуждение о ложных и истинных удовольствиях, принимает законодательные запреты азартных игр, извращенных наслаждений, но опускает положение о том, что жены и дети являются достоянием государства и общими для всех граждан. Напротив, Мор много внимания уделяет укреплению семьи, запрещает без крайней необходимости развод, для этого требуется разрешение сената. Для вступающих в брак необходимо, чтобы жених и невеста показали друг другу в голом виде, чтобы при каком-либо телесном недостатке от заключения брака можно отказаться, – это взято у Платона. Из сочинений Платона заимствован и запрет покидать страну, для этого требуется разрешение правителя или сената, за самовольный отъезд следует наказание.

Раздел о наказаниях невелик – в Утопии мало законов, мало и преступлений, золото и серебро хранят правители для обмена с другими странами и для войны – они берегут своих граждан, ис-

пользуют подкуп врагов и приглашают наёмников за плату, только в самом крайнем случае, когда возникает серьёзная угроза, все граждане, в том числе жёны и взрослые дети принимают участие в защите государства.

В соответствии с античными рекомендациями решён вопрос об отношении города и деревни – население живёт в городах, но каждый обязан какое-то время работать в сельском хозяйстве, чтобы в города поступали зерно, овощи, фрукты, мясо, птица и другие продукты. Кроме того правители имеют право распределять население по территории государства в случае, если возникает неравномерное количество, например, после войн или эпидемий – и граждане подчиняются этим указам. Общие трапезы также введены в Утопии под влиянием Платона – при этом совместно участвуют в них старики и молодёжь, воспитывается уважение к старшим.

В последней части второй книги Гитлодей снова говорит о реальном положении дел в существующих государствах. Где существуют две справедливости – одна для богатых, а другая для бедняков, там каждый вынужден заботиться о себе, поскольку в старости никто о них не будет беспокоиться. Между тем в Утопии существуют превосходно организованные пансионаты, где любой одинокий или больной старик находит покой и уход. Кроме того, в Утопии нет распрей и религиозных разногласий – там терпимо относятся к любым верованиям, но осуждают атеизм – вера в бессмертие души и в возмездие за гробом является незыблемой, священников почитают больше, чем правителей, храмы все посещают, но жертвоприношения не применяются. В последних строках этого сочинения Томас Мор признаёт, что мало ожидает, что подобное устройство государства будет возможно, и этот вывод соответствует некоторым суждениям Платона – и Сократ и его собеседники скептически относятся к возможности возникновения идеального государства.

Влияние «Утопии» было велико во всех европейских странах, очень скоро появилось сочинение Томмазо Кампанеллы «Город Солнца», где автор использовал многие положения Платона, которые привлекли внимания Томаса Мора, но взял немало идей из «Утопии». Создание своего сочинения Кампанелла считал достижением – он провёл свыше 25 лет в тюрьмах инквизиции, семь раз подвергался пыткам, однажды его пытали в течение 40 часов, но

он не признал себя виновным в заговоре против Испании и не выдал никого из участников. Много лет он находился в сыром и тёмном подземелье и только последние несколько лет тюремные порядки были смягчены, Кампанелла смог создать своё сочинение, а его ученик опубликовал рукопись, которая сразу принесла автору известность. Последние пять лет жизни Кампанелла, освобождённый по приказу римского папы, прожил во Франции, где пользовался покровительством кардинала Ришелье и торопился издать все свои труды.

Кампанелла ссылался на Платона, когда создавал утопическое государство, и В.П.Волгин и другие исследователи признавали, что влияние Платона было главным²⁵. Кроме того, во время пребывания в самой страшной тюрьме Неаполя, в подземелье, в каморке – пять шагов на три шага с мокрыми стенами, почти без света, Кампанелла написал сочинения «Испанская монархия» и «Монархия Мессии», которые для некоторых исследователей кажутся загадочными, воспринимаются как попытка купить свободу, загадочным признают и улучшение его положения, когда ему дали перо и бумагу и допустили встречи с посетителями – узник стал настолько знаменитым, что многие важные персоны стремились его повидать²⁶. А он продолжал писать и свою утопию и стихи о своей жизни.

Кампанелла заимствовал из сочинений Платона многие положения, которые вызывали критику в сочинениях Аристотеля и не были использованы в «Утопии» Томаса Мора. На Мора он не ссылается в «Городе Солнца», но упоминает Мора в других сочинениях. Кампанелла защищает требование уничтожения частной собственности, но также и другие идеи Платона – уничтожение всякой, даже личной собственности, уничтожение семьи, общественное воспитание детей, общность жён и обмен жёнами ради наилучшего потомства, т.е. такие положения Платона, которые вызывали протест у его современников и у его последователей.

Кампанелла вводит резкую критику существующего положения вещей в мире, где господствует Меркурий и все стремятся к богатству – поэтому, как доказывает Мореход, Платон и другие древние авторы видели причины зла в частной собственности²⁷. Кампанелла защищает тезис Платона о необходимости уничтожить семью – если женщины будут свободны менять мужей, а мужья могут спокойно менять жён, то исчезнут такие пороки как сопер-

ничество, зависть, ревность. Дети должны быть отняты у родителей, чтобы они могли получить образование и воспитание и стать полезными гражданами. Примечательно, что Кампанелла, подобно Платону, признаёт необходимость строго регламентировать половые отношения, даже муж и жена встречаются по указаниям гороскопа, звездочёты управляют многими действиями.

Как признают исследователи, Кампанелла соединяет античные политические и этические теории и христианское учение. В частности, он упоминает о том, что признание вечности мироздания вызывало ненависть к Аристотелю – жители города Солнца признают создание мира единым богом, верят в бессмертие души и загробную жизнь, ревностно соблюдают религиозные праздники, посещают храмы и творят молитвы.

Исследователи признают связь сочинения Кампанеллы не только с учением Платона, но и с «Утопией» Мора – это доказал В.И.-Рутенбург и признавал также Г.С. Кучеренко²⁸. Для сопоставления необходимо принять во внимание дополнение Кампанеллы «О наилучшем государстве», в котором он защищает свои наиболее спорные положения и опровергает возражения противников Платона. При этом он ссылается на взгляды «недавнего мученика», так он называет Мора, казненного в 1536 г. В позднейшем сочинении Кампанелла не только защищает свои более ранние положения, но считает проекты наилучшего устройства государства полезными для современных условий, даже если возможно принять только отдельные советы – и Кампанелла подробно доказывает, что проекты Платона, Мора и его собственные вполне согласуются с истинным христианским учением, когда Христос пожертвовал жизнью, чтобы очистить человечество от первобытного греха. И Кампанелла перечисляет, какие пороки могут быть изгнаны, если принять «утопические» советы.

Влияние «утопий» сказалось и в сочинении Дени Вераса «История севарамбов», правда жанр этого произведения – утопический роман (по определению В.П.Волгина). Это путешествие в «Южную страну» Дени Верас (жил – 1635-1685) представил как рассказ о подлинных событиях – более того, он назвал сочинения Платона, Мора и Бэкона фантазиями, а собственное произведение он рекомендовал как описание впечатлений о реальной стране. Как отмечают исследователи, Дени Верас отступил от «Утопии» Мора прежде всего в оценке физического труда – в его государстве об-

щественная собственность предполагает обязательный труд для всех без исключения и этот труд – в сельском хозяйстве, в ремеслах и во всех необходимых работах и составляет содержание жизни, не духовное возвышение, а именно труд создаёт благополучие общества и ценность каждого человека независимо от выполняемой работы – в этом отношении Верас более демократичен, чем Платон или Томас Мор, где тяжелый физический труд выполняют рабы. У Вераса нет пренебрежения к этому виду общественного труда. Но развлечения многообразны и способствуют всестороннему развитию – это бег, борьба, плавание, но также музыка и танцы. Праздность изгоняется, бесполезные занятия и роскошь отсутствуют, дети прежде всего приучены к труду²⁹.

Сочинение Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» (1626) воспринимается как утопический роман, однако было бы точнее изучать это неоконченное произведение знаменитого философа как научный трактат, где вполне оригинально рассматривается тема «утопии». Бэкон написал и опубликовал это сочинение раньше, чем появились «Город Солнца» и «История севарамбов», поэтому там встречаются только отклики на диалоги Платона и на «Утопию» Томаса Мора. Однако Бэкон почти во всём отходит от своих предшественников и создаёт собственную «утопию», которая отражает его философские, политические и научные представления о жизни и возможном её улучшении – прогресс в развитии человеческого общества Бэкон усматривает прежде всего в совершенствовании научно-технических знаний и в промышленных преобразованиях.

Импульсом для своего сочинения Бэкон взял историю о счастливом острове и его гибели, как эта история изложена в диалогах Платона «Тимей» и «Критий». Платона рассказчик называет «великим человеком», а остров помещает недалеко от Америки, пострадавшей позднее от великого потопа. События, предшествующие возникновению того острова, на котором высадились потерпевшие кораблекрушение, происходили, как упоминает рассказчик, девять тысяч лет тому назад, а устройство острова завершилось три тысячи лет назад, и лишь позднее чудесным образом привнесено христианство.

Таким образом, первое положение Бэкона в истории острова – на нём живут христиане, знающие географию, науки, языки многих народов. Рассказ о государственном устройстве «Новой Ат-

лантиды» и составил содержание «утопии» Бэкона, при этом есть ссылка на «Утопию» Томаса Мора. Правда имя не названо, а выражение касается не только брачных обычаев в «Утопии», но и некоторых идей Платона – Бэкон отрицательно относится к разрушению семьи и положению, что жених и невеста должны видеть друг друга нагими до заключения брака³⁰. В Бенсалеми господствует культ семьи, награждаются многодетные семьи, наказываются все извращения, бенсалемицы гордятся своим целомудрием, нет ни притонов, ни продажных женщин, поэтому граждане вступают в брак в молодости и жёны рожают как можно больше детей.

Однако самое главное в рассказе – устройство государства и подробное перечисление богатств и открытий. Управляет всем ДОМ СОЛОМОНА – первым царём был Соломон, однако назвали высший орган власти в честь древнееврейского мудреца и евреи здесь сохраняют свою веру, но дружески относятся к бенсалемицам – христианам. Это единение двух религий Бэкон представил как основу мирного существования – при этом используются достоинства еврейского народа, особенно в торговле.

Бэкон усиленно подчеркивает в рассказе бенсалемица, что цель их общества – познание всех законов природы и использование природы на благо человеческого общества³¹. Отсюда и подробное описание научных и технических достижений в государстве Бенсалеми. Рассказчик более всего гордится именно этими достижениями и каждое положение начинает с гордостью словами «Есть у нас...». В государстве сохранена частная собственность, золото, серебро, драгоценности, награды, поощрения за открытия и заслуги перед обществом, различие между всеми гражданами, членами Дома Соломона, словом, Бэкон многое противопоставил утопическим проектам Платона и Мора.

Распределение обязанностей между членами Дома Соломона преследует главную цель – способствовать улучшению жизни путём всевозможных изобретений – при этом пользуются почётом все изобретатели других стран и народов – изобретатели бумаги, кораблестроения, мореплаватели, изобретатели орудий и приборов. Перечень открытий, сделанных в Бенсалеми, особенно увлекает Бэкона, при этом он предсказывает многие изобретения будущих эпох. Достаточно упомянуть такие примеры – в рудниках находят не только полезные ископаемые, но и лечебные источни-

ки, в высоких башнях устроены наблюдения за светилами, при этом есть приборы, которые в будущем получили название телескопов, но есть и «микроскопы» для изучения мельчайших частиц вещества. Изобретены и способы получения света, превосходящего по силе солнечный свет, есть лечебные ванны, в аптеках множество лекарств, в том числе из различных трав, изобретены слуховые аппараты, зрительные трубы, позволяющие увеличить предметы на далёком расстоянии, есть станции, использующие энергию бурных потоков и водопадов, есть двигатели, использующие силу ветра, способы вызывать грозу, град и дождь, – т.е. Бэкон предвидит способность человека управлять природой, и в этом он вполне оригинален.

В садах и огородах выводят новые сорта цветов и овощей, в парках и заповедниках путём скрещивания выводят улучшенные породы животных. В дополнение к перечисленным открытиям Бэкон вводит также мастерские по выделыванию искусственных тканей из самых разных веществ, способы вызывать приятные и целебные ароматы. Не забывает он и о военных изобретениях – артиллерийские орудия, порох, более мощные пушки, скоростные самолёты, математические приборы, заменяющие различные виды труда – так решает Бэкон проблему избавления человека от тяжёлых работ. Рабства там нет.

Попутно можно добавить, что Шекспир в поздней драме «Буря» предвосхитил некоторые идеи сочинения Бэкона в области управления природой, но дополнил картину темой воздействия искусства на людей³².

Несмотря на частные различия влияние Платона чувствуется во всех сочинениях, посвященных проблеме наилучшего устройства государства.

Существует сатирический отклик на утопические проекты – анонимное сочинение «Другой и тот же самый мир», изданное по латыни в 1643 г., автором этого сочинения считается английский сатирик Джозеф Холл (1574-1656), который за приверженность монархии был обвинен в государственной измене, но и после освобождения он был лишён церковных должностей, изгнан из собственного дворца, а храм, где он был епископом был осквернен пуританами. Он считал себя английским Ювеналом, естественно, что сочинение, изданное в 1643 г. было приписано именно Холлу – поскольку в нём выражено резкое отрицание всех уравниль-

ных теорий античных и современных авторов. Фрагмент был опубликован как приложение к сборнику утопических сочинений^{3 4}, но известно и латинское издание 1643 г. (есть в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге)⁵. Сатирическая направленность этого трактата очевидна и автор проявил незаурядное остроумие в насмешках над «утопиями».

В описание счастливой страны автор вводит имена Платона, Аристотеля, Лукиана, Томаса Мора, Сенеки, Ювенала, заимствует детали быта из утопических сочинений. Страна разделена на провинции Пафлагония – Рай для обжор, где высшие должности достаются самым толстым, где пиры длятся не меньше шести часов, другая часть – Иврония – страна пьяниц, там трезвенники прислуживают пьяницам, а если трезвый убьёт пьяницу, то убийцу уморят жаждой. Богачам прислуживают слуги – один открывает веки, другой обмахивает господина веером, третий кладет куски пищи в рот. Страна Морония – страна дураков, текст содержит намеки на сочинения Мора и Эразма: там запрещены науки, все живут в монастыре и все довольны. Подробно описана жизнь в стране Вирагиния – там господствуют грубые и сварливые женщины – автор саркастически обыгрывает советы утопистов привлекать женщин к мужским занятиям – в Вирагинии гимнастика служит жёнам для укрепления ногтей и зубов, чтобы держать мужчин в рабстве – там мужья выполняют всю чёрную работу. Как можно видеть, автор в сатирическом свете представил многие советы утопистов, в частности идеи равенства женщин и мужчин, советы воздерживаться от обжорства, пьянства и любовных излишеств – например, в Вирагинии вдовец принужден немедленно заключить брак после смерти жены, а никаких любовных развлечений там нет. Словом, автор показывает тот мир, который реально существует. Это единственное дошедшее до нас сатирическое сочинение, где осмеяны все идеи утопистов.

Примечания

¹ Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона. Раздел «8. Тайна тысячелетней значимости. – В изд. Платон. Сочинения в трех томах. 1968. С. 69-71 и др.

² Платон. Соч. в трёх томах. Т. 3, ч. I. М., 1971. Филеб. Пер. Н. Самсонова. Стр. 33-35, 84-85.

- ³ Платон. Государство. Пер. А.Н.Егунова. Соч. Т. 3, ч. I, указ. изд. С. 105-106.
- ⁴ Там же. С. 116-118.
- ⁵ Там же. С. 132-133.
- ⁶ Там же. С. 136.
- ⁷ Там же. С. 149.
- ⁸ Там же. С. 184-185.
- ⁹ Там же. С. 205.
- ¹⁰ Там же. С. 221-222.
- ¹¹ Там же. С. 381.
- ¹² Там же. С. 401 и др.
- ¹³ Платон. Законы. Пер. А.Н. Егунова. – Соч. в трёх томах. Т. 3, ч. II. М., 1972. С. 163.
- ¹⁴ Доватур А.И. Политика и политики Аристотеля. М.-Л., 1965. С. 34-35, 70-71.
- ¹⁵ Там же. С. 415, 422.
- ¹⁶ Аристотель. Политика. – Соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1983. С. 405.
- ¹⁷ Там же. С. 415, 422.
- ¹⁸ Там же. С. 496-497. Это сочинение было издано на франц. яз. в 1568, 1576, 1600 гг., а в англ. переводе – 1598 г.: Aristotle's Politiques, or Discourses of government. Transl. out of Greeke into French, with expositions taken out of the best authors specially out of Aristotle himselfe and out of Plato... By Loys le Roy called Regius. Transl. out of French into English. [The translator's Preface signed. I.D.]. London, Adam Islip, 1598. fol. Во франц. изд. 1576 г. есть подробный индекс, где приведены многочисленные суждения о тирании. Сочинение это было, как можно предполагать, хорошо известно образованным англичанам.
- ¹⁹ Осинковский И.Н. Томас Мор и его «Утопия» – Вст. статья в изд. Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 42, 49, 63, 67 и др.
- ²⁰ Томас Мор. 1478-1978. Коммунистические идеалы и история культуры. Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1981. Отдельные статьи посвящены влиянию «Утопии» на Рабле, Шекспира, Бэкона, Васко де Кирого и других авторов.
- ²¹ Мор Т. Утопия. Цит. изд. С. 135-136.
- ²² Там же. С. 162.
- ²³ Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956. С. 53-54.
- ²⁴ Мор Т. Утопия. Цит. изд. С. 163.
- ²⁵ Кампанелла Т. Город Солнца. Пер. с лат. и комм. Ф.А. Петровского. Вступ. ст. В.П. Волгина. М., 1954. С. 18. Наиболее полное изложение био-

графии Кампанеллы и содержания «Города Солнца» давал А.К. Шеллер-Михайлов в сочинении «Из истории народных движений». (Полн. собр. соч., т. 16, СПб., 1905. С. 90-206).

²⁶ Львов С. Гражданин Города Солнца. Повесть о Томмазо Кампанелле. М., 1979. С. 390-394.

²⁷ Кампанелла Т. Город Солнца. Цит. изд. С. 116-117.

²⁸ Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI-первая половина XIX века. М., 1981. С. 140-141.

²⁹ Там же. С. 118-122.

³⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления, нравственные и политические. М., 1962. С. 24.

³¹ Там же. С. 26.

³² См.: Комарова В.П. Шекспир и Томас Мор. – В кн.: Томас Мор...-цит. изд. М., 1981, с. 110-132. Там же весьма полезная статья: Карев В.М. «Новая Атлантида» и «Утопия». С. 133-166.

³⁴ *Ideal commonwealths. Plutarch's Lucurgus. More's Utopia. Bacon's New Atlantis. Campanella's City of the Sun. and a fragment of Hall's Mundus alter et idem.* London, 1885. Pp. 267-284.

³⁵ *Mundus alter et idem. Sive Terra Australis antehac semper incognita; logis itineribus peregrini Academici nuperrime Iustrata. Autore Mercurio Britannico. Accessit propter affinitaten materiae Thomae Campanellae Civitas Solis, et Nova Atlantis Francis Baconis baron de Verulamis, Ultraecti, apud Johannes Waesberge, anno 1643.*

ПОНЯТИЕ «ВРЕМЕНИ» У ШЕКСПИРА

Понятие «времени» в произведениях Шекспира – одна из сложных проблем, давно привлекающая внимание исследователей. В кратком сообщении назову лишь некоторые работы конца XX в. Например, Эдвин Штюрцл даёт классификацию значений, дополняя известный Шекспировский словарь А.Шмидта, Фредерик Тёрнер изучил влияние светского ренессансного представления о времени как мощной силы, разрушительной и созидательной¹. Подобное толкование было уже давно предложено в трудах В.Клемена и Зд. Стршибрны², а в более позднее время в сочинении Рикардо Квинона³. В работе Алгиса Гениушаса есть анализ значений «времени» в хрониках Шекспира⁴.

Вместе с тем, есть такие моменты в тексте Шекспира, когда комментарии к значению слова «время» не объясняют авторских замыслов и понятие «time» в данном конкретном случае.

Известно, что в хрониках ссылки персонажей на «время», его влияние на развитие событий чаще всего связаны с целями того или иного персонажа – и причины «болезни» времени и средства для его «исцеления» связаны с собственными целями героя, с его положением в данной ситуации. Например, в поздних хрониках о правлении Генриха IV Шекспир вводит ссылки на время в речи врагов нового короля и в речи его советников. При этом есть сложные моменты в речах главных персонажей: «Мы – подданные времени», – говорит Хэстингс, оправдывая мятеж. (2 Г. IV, акт 1, 3, 110).

Сторонник короля Уэстморленд тоже ссылается на «время», оправдывая политику нового короля, который отдаляет от власти своих недавних союзников, могущественных независимых северных феодалов и его суждение воспринимается как авторская оценка ситуации:

*«Westmorland: O my good Mowbray,
Construe the times to their necessities,
And you shall say, indeed, it is the time,
And not the king, that doth you injuries»*

(2 Г. IV, IV, 1, 103-106)

Сравнение приведённых двух ссылок на «время» существенно для понимания авторского замысла. В первом случае вывод Хэстингса завершает очень важную сцену, где решается вопрос о начале мятежа и один из участников обсуждения незначительный персонаж лорд Бардолф высказывает опасение, что для успеха им не хватит сил. Шекспир вводит многозначительное обобщение – начиная строить, нужно выбрать место, рассчитать стоимость, так и в государственных делах:

«Тем более в таком великом деле,
Когда хотим разрушить государство
И возвести другое, мы должны
Исследовать и почву и чертёж,
Избрать фундамент прочный, расспросить
Строителей, знать средства наши, можно ль
Врага нам перевесить, а не то
Сильны мы будем только на бумаге,
Владея именами, не людьми»

(2 Г. IV, 1, 3, перевод Е. Бируковой)

Сомнение в успехе высказывает и архиепископ: «Можно ли верить в эти времена» – и он напоминает о падении Ричарда II.

Таким образом, возникает мысль, что надежды Хэстингса на «время» не оправдаются.

Второй пример – рассуждение Уэстморленда – даёт возможность понять роль «времени» – это источник необходимости в развитии событий, при этом речь идёт о «государственной необходимости», которую можно понять. Наиболее точный перевод слов Уэстморленда: «Объясните (или поймите) времена, исходя из необходимостей, и вы скажете, разумеется, что время, а не король, причиняет вам обиды». Понять это суждение можно, если вспомнить события в первой части хроники «Генрих IV» – там раскрыта политика нового короля, который удаляет от власти могущественных феодалов Севера, хотя они подняли мятеж против Ричарда II и помогли Генриху захватить власть. Но король основал власть на поддержке других людей и в первом мятеже одержал победу благодаря поддержке народа – об этом сообщает участник мятежа – вассалы покинули северных лордов, потому что считали долг перед верховной властью короля выше, чем покорность своим непосредственным господам – и умирающий Генри Хотспер признавал там, что побежден «временем».

Победа центральной власти, укрепление единства страны является необходимостью «времени», таким образом это понятие означает в большинстве случаев в исторических драмах тот исторический период, который определяет государственную политику. Побеждает правитель, правильно понимающий своё время. Поэтому, например, Шекспир вводит в монолог низвергнутого короля Ричарда II признание, что он не сохранил согласия с «временем» и теперь «время» его убивает. Заключенный в тюрьму в замок Помфрет, ожидающий насильственной смерти Ричард высказывает сомнение в своих представлениях о том, что бог защищает законного короля. Он признает, что его судьбу определила его политика: он слышит музыку и сравнивает музыкальный «такт» (time) с «временем»:

«*K. Richard*: Ha, ha! Keep time:
how sour sweet music is,
When time is broke and no proportion kept!
So is it in the music of men's lives,
And here have I the daintiness of ear
To check time broke in a disorder's string;
But for the concord of my state and time
Had not an ear to hear my true time broke.
I wasted time, and now doth time waste me»

(*R II, V. 5, 41-49*)

Второе значение слова «time» в этом аллегорическом рассуждении героя означает именно – эпоха, требование правильной политики в управлении государством, т.е. идёт речь о «согласии», «гармонии» политики с требованиями времени.

«Время» позволяет правителю вести верную политику, но также предвидеть развитие событий, пока ещё скрытых в слабых всходах – об этом говорит Уорик, поясняя грустные воспоминания Генриха IV об измене бывших друзей. Уорик вводит обобщение о роли «истории», т.е. о необходимости познания прошлых времен, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее:

«*Warwick*. There is a history in all men's lives,
Figuring the nature of the times deceased;
The which observed, a man may prophesy,
With a near aim, of the main chance of things
As yet not come to life, which in their seeds
And weak beginnings lie intreasured;

Such things become the hatch and brood of time;
And by the necessary form of this
King Richard might create a perfect guess...
(2 H IV, III, 1, 80-88)

King: Are these things then necessities?
Then let us meet them like necessities»
(2 H IV, III, 1, 92-93)

Вывод Шекспира в поздних исторических драмах очень важен для понимания его замыслов: «время» включает идею «необходимости», идею развития, а понятие «история» в данном случае связано и с прошлым, и с настоящим, и с будущим: в прошлом нужно увидеть всходы будущих событий – в переводе «их высидит и выведет время».

В хронике «Король Джон» идея связи государственной политики с «временем» приобрела очень сложные формы: Джон – это Иоанн Безземельный, незаконно захвативший власть, устранив своего малолетнего племянника Артура, которого поддерживали католическая церковь и римский папа. Однако он восстановил церковь не своим захватом власти, а политикой – задолго до Генриха VIII Джон пытался отнять богатства у католических монастырей и, казалось, эта политика соответствовала интересам Англии – однако она была преждевременной, власть католической церкви и римского папы была слишком сильной, и католический мир поддержал мятеж лордов и даже оплатил это восстание. Однако главари мятежа ссылаются на «большое время». Сольсбери искренне сожалеет о том, что болезнь времени потребовала несправедливых и жестоких мер: политический смысл этой «болезни» заключен в признании, что король проводит политику, угрожающую безопасности государства. Но и в речь короля Шекспир вводит понятие большого времени и признание необходимости немедленно применить лекарство – появление папского легата Пандольфа раскрывает глаза королю на опасность его противодействия Риму, и он вынужден пойти на компромисс. Тогда Пандольф приказывает лордам от имени римского папы прекратить мятеж и подчиниться королю. Что касается оценки мятежа в речах самого привлекательного персонажа Бастарда, то она вполне отражает авторскую позицию: «Краснейте от стыда, кровавые Нероны, вспарывающие чрево вашей матери Англии». (V, 2, 152-153).

Следует добавить, что искренность Сольсбери в данном случае не подвергается сомнению – во всех его действиях видно стремление помочь Англии, но «лекарства» выбраны неверно:

«*Salisbury*. I am not glad that such a sore of time
Should seek a plaster by contemn'd revolt,
And heal the inveterate canker of one wound
By making many...
But such is the infection of the time,
That for the health and physic of our right,
We cannot deal but with the very hand
Of stern injustice and confused wrong»

(«*К. J.*», V, 2, 12-15; 2-23)

В хронике «Король Джон» понятие «времени» означает не только характер политической обстановки, т.е. роль католической церкви и экономических интересов в каждой стране, но также и более общее значение – это эпоха в целом, нравы, интересы, отношения людей в обществе, словом, всё содержание жизни. Бастард, незаконный сын короля Ричарда Львиное сердце, сознательно собирается во всём поведении и внешнем облике приспособиться к своему веку, признавая, что если он этого не сделает, то останется «незаконным сыном времени», т.е. не сможет добиться успеха в жизни. Он иронически воспринимает дворянское звание, но ради того, чтобы стать приближенным короля, он отказывается от земель, полученных в наследство, а мать он благодарит за своё рождение, признаёт, что если бы он был так безобразен, как его брат, то отдал бы и законность и земли, чтобы вернуть себе красивое лицо, – и тут же обещает отправить в ад любого, кто посмеет оскорбить его мать.

Между тем «время» может стать союзником героя, но может быть и его врагом, если он не сохранит «согласия» с временем. Философский смысл понятия «время» сказался уже в сонетах, но более всего в трагедиях, где встречается «космическое» значение этого понятия – «время» не только свойство жизни человеческого общества, но мощная космическая сила, управляющая мирозданием.

До настоящего времени знаменитое суждение Гамлета после встречи с призраком отца не получает не только точного перевода, но и убедительных комментариев, хотя многие выдающиеся читатели Шекспира, например, Гёте и Гегель, признают, что это

изречение принца датского связано с глубоким замыслом Шекспира. Русских удовлетворительных переводов и комментариев нет, даже лучший перевод Анны Радловой упрощает смысл понятия «время». Английский оригинал труден для понимания:

«*Hamlet. The time is out of joint: o cursed spite,
That ever I was born to set it right!*»

(I, 5, 189-190)

В этом суждении Гамлета каждое слово нуждается в пояснении. «Время» – здесь не только «век», его значение многоплановое. Политическая обстановка? Несомненно: «Дания тюрьма», «весь мир – тюрьма». Все бедствия жизни общества – очевидно, об этом идёт речь и в монологе «быть или не быть», и в других словах Гамлета о небесах и людях: «из людей меня не радует ни один», и несколько сложное суждение о господстве пороков и падении нравов: «*In these pury time / Virtue itself of vice must pardon beg*» (III, 4, 153), «*the whips and scorns of time*» (III, 1, 70).

Важные суждения Гамлета о целях искусства давно признаются, как мысли самого Шекспира. Об актерском мастерстве он говорит как о кратких обобщенных «хрониках» времени – здесь он говорит о конкретном времени, которое они запечатлели.

«*They are the abstract and brief chronicles of the time*» (II, 2, 549).

Рассуждение о задачах театра можно отнести к целям искусства: «... *The purpose of playing, whose end, both at the first and now, was and is, to hold, as't were, the mirror up to nature; to show virtue her own feature, scorn her own image, and the very age and body of the time his form and pressure*» (III, 2, 21-25). Понятна общая цель – держать как бы зеркало перед природой, но далее Шекспир вводит понятие «времени», связанное не только с добродетелью и пороком – нужно показывать форму и отпечаток времени, но понятие времени получает два приложения: *age and body*, возможно, речь идёт о необходимости отразить каждый возраст и облик времени, т.е. предполагается, что время подобно живым существам в каждый момент имеет определенный «возраст» и «сущность» или главный конкретный облик. В переводах вряд ли возможно передать эту мысль. Совершенно логично предполагать, что в данном случае слово «*body*» передаёт не «сословие», как в наших переводах, но характер, сущность, главное содержание данного времени.

В поздней трагедии «Кориолан» понятие «времени» обогащается новыми идеями: это эпоха в жизни общества, все историчес-

кие, социальные и нравственные конфликты, соотношение сословий, отношения власти и народа, положение героев – и выдающихся людей и всего народа – при этом персонажи говорят о развязке событий и предвидят будущие конфликты. В большинстве случаев значение слова ясно, однако есть и сложные моменты, когда смысл непонятен и комментаторам и переводчикам. Мысль о причинах гибели Кориолана Шекспир ввёл в монолог вождя вольсков Ауфидия, который в реальности не мог рассуждать таким образом. В числе причин поражения героя он называет «порок суждения», т.е. неспособность изменить свою «природу» в соответствии с требованиями нового времени. Кориолан считал свои доблести абсолютными, свою ненависть к народу оправданной, а своё право открыто высказывать свои взгляды неизменным в независимости от изменений в окружающем мире. Между тем оценка героя зависит от времени, она меняется и его доблести находят могилу с той же трибуны с которой в другое время прославлялись его дела. Заключительный вывод: «So our virtues / lie in the interpretation of the time» (Cor. IV, 7, 49-50) не получил объяснений, а все русские переводы ошибочны. Этот пример показывает, что в тексте Шекспира немало таких сложных и до сих пор недостаточно истолкованных моментов. Необходимо исследовать и влияние античных теорий в эпоху Возрождения⁵.

Немало случаев, когда места, где Шекспир вводит понятие «времени» нуждаются в изучении, поскольку даже в научных изданиях комментарии часто сомнительны. Между тем правильное восприятие текста позволяет судить об авторском историческом и философском замысле, а иногда решить спорные текстологические проблемы, которые в шекспироведении недостаточно изучены. Если привести русские переводы приведенных выше слов Ауфидия, то будет очевидно, что переводчики не поняли текста, возможно потому, что и комментарии в английских изданиях не подсказали верного понимания. Поэтому целесообразно давать соответствующие темы для конкретных студенческих работ о языке Шекспира.

Примечания

¹ Styrzl E. Der Zeitbegriff in der Elisabethanischen Literatur. (The Lackey of eternity). Wien-Stuttgart, cop. 1965. Schmidt A. Shakespeare-Lexicon...

3d ed. rev. and enl. by Gregor Sarrazin. Berlin, 1902. Vol. 2, S. 1229-1231; Turner F. Shakespeare and the nature of time. Moral and philosophical themes in some plays and poems of Shakespeare. Oxford, 1971.

² Clemen W. The Development of Shakespeare's imagery. 2d ed. London, 1977; Stšibrnэ Zd. Shakespeareovy historické hry. Praha, 1959. (Значение труда Зденека Стршибрны отмечено в моей давней статье: Комарова В.П. Герой и «время» в исторических драмах Шекспира // Вестник Ленингр. унив. № 14. Сер. истории, яз. и лит. Вып. 3. Л. 1966. С. 82-93.

³ Quinones Ricardo J. The Renaissance discovery of time. Cambridge, Mass, 1972. P. 292-293.

⁴ Geniušas Algis Tomas. The sense of time in William Shakespeare's history «King Richard the Second» // Учен. зап. высших учеб. заведений Литовск. ССР. Литература. 30(3). Вильнюс, 1978. В давней работе Мейбл Булан идёт речь о времени действия: Bulan Mable, The presentation of time in the Elizabethan drama. N.Y., 1912.

⁵ См. например, работу: Лосев А.Ф. Историческое время в культуре классической Греции (Платон и Аристотель) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 12-13, 29, 36, 38.

ПЛУТАРХ В ПЕРЕВОДЕ ТОМАСА НОРТА КАК ИСТОЧНИК ШЕКСПИРА

Влияние Плутарха на мировоззрение и творчество Шекспира давно изучено во многих исследованиях, а в данном очерке пойдет речь о воздействии именно перевода Томаса Нортона, который считается достижением переводческого искусства. Он переводил с французского перевода Жака Амио, опубликованного в 1559 г., а первое издание «Жизнеописаний» в переводе Нортона появилось в 1579 г., популярность его была столь велика, что в 1595 г. опубликовано второе издание¹. Томас Норт во многих случаях даёт английские формы политических терминов, поясняет текст, а в издании 1595 г. есть отрывки из других сочинений.

Томас Норт (1535?-1601?) был сыном барона Эдварда Нортона, окончил высшую юридическую корпорацию и получил рыцарское звание в 1591 г. В обращении к читателям Норт упоминает о своей любви к Плутарху, которого он переводил в течение почти всей жизни. Современники и читатели позднейших времён признали, что перевод Нортона обладает благородным стилем и выразителен в передаче характеров и событий, что Норт обогатил английский язык и влияние стиля этого перевода сказалось в драмах Шекспира.

Плутарх во многих случаях стремился установить причины событий, особенно причины гражданских раздоров в древнем Риме. Рассказывая о заговоре против Юлия Цезаря, он поясняет, что мятеж мог вызвать любой предприимчивый человек, поскольку состояние государства было нестабильным. Причины неудачи заговора Плутарх не сводит к ошибкам Брута, но говорит о положении Рима: падение нравов, столкновения в народном собрании, продажность городской черни, перераспределение богатств, когда богатые разорились, а их земли перешли людям низкого происхождения (*mean men and wretches*).

Поэтому «люди, глубоко судившие о делах и осторожные, видя такую ярость и безумие народа, почитали себя счастливыми, если бы государству грозили не большие потрясения, чем установленные абсолютной монархии и власть одного господина» (*thought*

themselves happy if the commonwealth no worse troubled than with the absolute state of a monarchy and souveraine lord to govern them) (p. 725). Так пишет Плутарх в «Жизнеописании Цезаря», но такую же идею он повторяет в «Жизнеописании Брута»: государство было доведено до такого состояния, что не могло далее управляться многими, нуждаясь в абсолютной власти правителя (p. 1012).

Плутарх признаёт талант Юлия Цезаря в управлении римской империей. Цезарь расположил к себе воинов и народ своими победами и раздачей хлеба неимущим и земель воинам и плебеям. Он в течение 60 дней без кровопролития овладел Италией и получил власть консула. Он не преследовал побежденных врагов, предпринял осушение болот, строительство гаваней и каналов, основал колонии для солдат. Любовь народа к Цезарю была прочной, его ненавидели аристократы, опасаясь за свои богатства, а кроме того Цезарь уже держал себя как диктатор и хвастался, что преградил республику в пустой звук.

Нравственные идеалы Плутарха – Ликург, Перикл, братья Гракхи, Аристид. Отношение Плутарха к римскому народу двойственное, он старается объективно излагать события, но приводит множество фактов, когда плебеи становились орудиями демагогов и подвергали остракизму самых выдающихся граждан, которые способствовали славе и процветанию государства – любого подвергали изгнанию, кого возносили над прочими слава, таланты и красноречие. Поэтому Шекспир, описывая римский или афинский демос, не искажает истории, но следует Плутарху.

Шекспир приступил к созданию трагедии «Юлий Цезарь», как предполагают, после появления в английском переводе Томаса Кида трагедии французского драматурга Робера Гарнье «Помпей и его прекрасная Корнелия», где обнаружил множество ошибок в изложении событий и характеров. Перевод Кида вышел в 1594 г., а уже осенью 1599 г. в новом театре «Глобус» шла трагедия о Юлии Цезаре. Во время суда над Эссексом один из участников мятежа вспоминал, что заговор Эссекса был задуман года три тому назад. Можно предполагать, что Шекспир получил сведения о замыслах Эссекса или от Саутгемптона или от секретарей Эссекса и сразу выбрал сюжет, который мог показать благородство заговорщиков, но также и их поражение. Поэтому Шекспир опускает рассуждение Плутарха о необходимости «цезаризма» – этой идеи нет у Шекспира, хотя её приписывают ему многие критики².

Но Шекспир сохраняет все суждения Плутарха о тщеславии Юлия Цезаря и его пояснения, что стремление стать королём вызвало заговор и мятеж: «But the chiefest cause that made him mortally hated was the covetous desire he had to be called king, which first gave the people just cause and next his secret enemies honest colour to bear him ill will» (p. 738).

В критических работах до наших дней встречаются отрицательные суждения о шекспировском Кассии как о честолюбце, у которого были личные причины ненависти к Цезарю. Чтение Плутарха убеждает в том, что Шекспир внимательно прочел всё, что относилось к настоящему организатору заговора – он сохранил отрицательные оценки в словах врагов Кассия, но использовал суждение Плутарха. Историк говорит, что отрицательные оценки характера Кассия ошибочны, ибо Кассий с детства ненавидел тиранов: «for Cassius even from the cradle could not abide any manner of tyrants» (p. 994). О ссоре Брута и Кассия перевод Норта даёт трудные для понимания рассуждения и любопытно, что Шекспир сохранил двойственность, типичную для перевода. В частности двойственное впечатление оставляет смысл местоимения «he» в этом рассуждении Плутарха в переводе Норта. «Brutus in many other things tasted of the benefice of Caesar's favour in anything he requested. For if he had listed he might have been one of Caesar's chiefest friends and of greatest authoritie and credit about him. Howbeit Cassius' friends did dissuade him from it for Cassius and he were not reconciled... and prayed him to beware of Caesar's sweet enticements and to fly his tyrannical favours: the which they said Caesar gave him not to honour his virtue but to weaken his constant mind and framing it to the bent of his bow» (p. 994).

На основании этих суждений источника Шекспир ввёл рассуждение Кассия о Бруте.

«*Cassius*: Well, Brutus, thou art noble, yet I see
Thy honourable metal may be wrought
From that it is disposed: therefore it is meet
That noble minds keep ever with their likes;
For who so firm that cannot be seduced?
Caesar doth bear me hard; but he loves Brutus:
If I were Brutus now and he were Cassius,
He would not humour me»

(I, 2, 312-319)

В русских переводах передана двойственность в использовании местоимения «он» и даны целиком ошибочные комментарии в некоторых работах: якобы Кассий торжествует, что он смог «соблазнить» Брута. Между тем, в этот момент Брут не дал согласия на заговор, местоимение «он» в строке 319 означает «Цезарь» и Кассий выразил опасение, что Брут под влиянием дружбы Цезаря может отказаться от республиканских принципов, а он, Кассий, если бы оказался на месте Брута, сохранил бы твёрдость.

Немалые трудности вызывает монолог Брута в начале 2-го акта, целиком созданный Шекспиром, трудный даже для такого критика как С.Т. Колридж и для многих комментаторов.

В этом монологе Шекспир раскрыл причины, побудившие Брута сделать вывод о необходимости убийства Цезаря: стремление к единоличной власти делает Цезаря опасным – его честолюбие и диктатура могут стать основой тирании, как показывает опыт, хотя сейчас страсти Цезаря не подавляют разум. Но единоличная власть в глазах Брута это «змеиный зародыш», вылупившись, он станет вредоносным, и его нужно задушить в скорлупе, иначе потом будет поздно. Критики не видят в источнике основы для подобного монолога, а между тем внимательное чтение Плутарха именно в переводе Норта позволяет увидеть тот импульс, который подсказал Шекспиру это метафорическое обобщение.

Плутарх говорит о том, что долгое время сенаторы не видели опасности в поведении молодого Юлия Цезаря в его стремлении привлечь народ ласковым обхождением и дарами. Даже личные враги Цезаря увидели опасность слишком поздно, когда он перешёл Рубикон и подчинил себе Италию. А всё, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в пренебрежении входит условия для развития (рус. изд., т. 2, с. 452). И Плутарх перечисляет действия Цезаря, которые дают ему основание обвинить диктатора в нарушении законов и государственном перевороте.

Убийство Цезаря в трагедии изображено в соответствии с источником, однако в поведении народа Шекспир допустил серьёзное отступление – Плутарх ясно показывает, что любовь народа к Цезарю была прочной, что толпа начала мятеж ещё до речи Антония, который только воспользовался недовольством народа. У Шекспира народ приветствует речь Брута и только после надгробной хвалебной речи Марка Антония приходит в негодование, убежденный, что Цезарь убит несправедливо – и начинает мятеж даже

не дожидаясь, когда будет прочитано завещание. Почти все критики используют объяснения о последних минутах Цезаря, которое дано в речи Марка Антония, хотя это объяснение не имеет основы в источнике – там нет речи о «неблагодарности» Брута. Слова умирающего Цезаря «И ты, Брут» подсказаны источником: «At first Caesar tried to fight against them but when he saw Brutus with his sword drawne, then he pulled his gown over his head and made no more resistance» (p. 741).

Шекспир добавил к словам Цезаря «И ты, Брут» загадочную фразу «Тогда пади, Цезарь». Ни источник ни смысл предсмертных слов Цезаря не объяснены удовлетворительно до настоящего времени. Мною было высказано предположение, что Брут для всех, в том числе и для Цезаря, был высшим нравственным судьей, и если он осудил Цезаря, то диктатор должен пасть – в этом проявилась мудрость умирающего Цезаря и его величие. Однако подобное объяснение отсутствует в известных мне работах.

Влияние Плутарха в поздней трагедии «Кориолан» достаточно изучено, многие места, в том числе и политические речи Кориолана, Менения Агриппы, Волумнии Шекспир передал почти дословно. Однако в тексте трагедии есть серьёзные отступления, связанные с намерением Шекспира ввести намеки на современную ему политическую обстановку³.

Однако есть отступления в характере Кориолана, которые отражают собственные оценки Шекспира. Плутарх видит причины гибели героя в его личных качествах, не связанных с политикой – это грубость, несдержанность, упрямство: «he was so choleric and impatient that he would yield to no living creature; which made him churlish uncivil and altogether unfit for any man's conversation» (p. 22). Ссылаясь на Платона, Плутарх добавляет, что в государственных делах неизбежны гибкость и уступчивость, а если человек не обладает такими качествами, он не должен стремиться занимать высшие должности, его «одинокость» (aloneness) – т.е. отличие во всём от окружающих, препятствует его успеху. Интересно, что у Шекспира есть признаки знакомства с этим рассуждением – в словах Волумнии «You are too absolute» и в словах героя «O me alone».

Но Шекспир вводит оценку героя в словах Ауфидия – там идёт речь об «ошибке суждения»: Кориолан считал его доблести вечными, не зависящим от времени и мнений окружающих – между

тем эти оценки зависят от времени. Вывод «Так наши доблести существуют в оценке времени» – важный вывод самого Шекспира, но ни комментарии ни переводы не дают верной оценки этих слов. Кроме того, Шекспир усиливает политическую пронизательность героя, который предвидит победу народа и предлагает средства для того, чтобы спасти государство. Многие места из Плутарха сохранены, но к ним Шекспир добавил лексику, отражающую современные ему события в парламенте и в судебных процессах.

Таким образом, возникает вывод о стремлении Шекспира сохранить верность источнику и вместе с тем передать некоторые моменты собственной эпохи – политической и социальной борьбы.

Примечания

¹ Мне было доступно издание 1631 г.: Plutarch. The lives of the noble Grecians and Romans... transl... into French by James Amiot... and out of French into English by sir Thomas North. London, print. Miller 1579.[Reprint of the ed. 1612, 1631]. Страницы указаны в тексте. Русский перевод в ряде случаев дан по изд.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х тт. М., 1961. В скобках указ. том и стр.

² Полемика с этой распространенной трактовкой составила главу в моей дипломной работе «Монархия и народ в исторических драмах Шекспира». ЛГУ, 1951 г. Эта глава без изменений опубликована как статья «К вопросу о трактовке трагедии Шекспира Юлий Цезарь // Вест. Ленингр. унив. Сер. История, яз. и лит. 1959. № 14, вып. 3. С. 71-84. Позднее моя трактовка обоснована в докторской диссертации «Личность и государство в исторических драмах Шекспира» и в монографиях.

³ Подробнее см.: Комарова В.П. «Кориолан» и социальные противоречия Англии начала XVII века // Шекспировский сборник 1967. М., 1968. С. 211-226. Наиболее полный анализ дан в моей книге «Творчество Шекспира». СПб., 2001. С. 98-117.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШЕКСПИРА

В произведениях Шекспира многие места считаются «тёмными» и вызывают различные комментарии. Издатели вынуждены выбирать из двух авторитетных шекспировских текстов в тех случаях, когда есть так называемые «хорошие кварто» – прижизненные издания популярных пьес и текст первого издания фоллио 1623 г. При этом, как правило, отдаётся предпочтение более ясному тексту. Однако в шекспировских текстах есть места не просто «тёмные», но и загадочные, когда смысл не установлен, несмотря на усилия многих исследователей.

В этих случаях издатели в течение уже четырех столетий шли разными путями: одни оставляли загадочные места без изменений, предпочитая сохранить эти «бессмертные бессмыслицы», как назвал загадки один из комментаторов, но большинство издателей предлагали собственные «поправки» и «улучшения» – так называемые «эмендации», которые оказались настолько привлекательными, что вплоть до наших дней полностью вытеснили первоначальный шекспировский текст. Вот на самых знаменитых «загадках» я и предлагаю остановиться. Сразу добавлю, что на мой взгляд, лучше оставить шекспировский текст, а в примечаниях привести разные толкования и эмендации.

В тексте трагедии «Гамлет» есть знаменитое загадочное место в конце рассуждения Гамлета о человеческих пороках:

«The dram of eale
Doth all the noble substance of a doubt
To his own scandal»

(I, 4, 36-38)

Слово «eale» большинство издателей воспринимают как ошибку переписчика и заменяют его или словом «evil» или более кратким «ill» – оба слова означают «зло». Перевод звучит убедительно «крупница зла». Однако нельзя забывать, что в поэтике Шекспира метафоры часто вполне конкретны, поэтому возникали предложения поставить здесь «уксус» или «желчь», но к ним вряд ли подхо-

дит «драхма», термин в аптекарском искусстве. Возможно, что разгадку следует искать в представлениях о химических свойствах разных веществ, способных ухудшить, «опозорить» любое «благородное» вещество.

Вторая «загадка» встречается в наставлениях Полония, который советует Офелии не доверять клятвам Гамлета и вводит непонятное для многих комментаторов слово «bond»:

«Do not believe his vows; for they are brokers,
Not of that dye which their investments show,
But mere implorators of unholy suits,
Breathing like sanctified and pious bonds,
The better to beguile»

(I, 3, 127-131)

Слово «bonds» – обязательства – вполне согласуется с предшествующим «брокер» маклер, посредник, прибегающий к обману. Однако во многих изданиях победила «эмендация» Льюиса Тиббальда, издателя XVIII в., который заменил неясное слово более понятным «bawds» – сводни. Эта эмендация сомнительна не только потому, что не соответствует лексике вельможи, придворного и политика, каким является Полоний, но и потому, что разрушает метафорическое описание – речь идёт о посредниках в делах, прибегающих к поддельным распискам и лживым обещаниям.

Одна из загадок признана неразрешимой, поэтому почти во всех изданиях победила «поправка» того же Тиббальда. Тёмное место есть в рассказе кумушки Куикли о последних минутах жизни сэра Джона Фальстафа. (II, 3, 16-17).

Выражение в её речи «a Table of green fields» признано лишённым смысла. Между тем было высказано сомнение в том, что «поправка» Тиббальда: He babbled of greene fields» – «он бормотал о зелёных полях» согласуется с состоянием умирающего Фальстафа. Вероятнее, что кумушка Куикли не смогла воспринять слова из 23-го библейского псалма – в её памяти сохранился обрывок, не имеющий смысла. В этом псалме речь идёт о том, что Бог спасает грешника, заблудшего среди зелёных полей, он приглашает путника к столу и угощает его.

Загадочная «бессмертная бессмыслица» встречается в словах Калибана в драме «Буря». За глоток «божественного напитка» он признаёт пьянчугу дворецкого Стефана своим господином, обещает накопать земляных орехов, показать гнёзда соек и иногда

доставать ему молодых «scamels» (II, 2, 176), вероятно, каких-то птиц, потому что Калибан собирается доставать их со скал, однако никакие разыскания не помогли установить, что оно означает. Орнитологи выяснили, какие птицы создают гнёзда на скалах, в конце концов переводчики выбрали «птенцов», не уточняя название птиц. Полемика велась долго, в издании «вариорум» Х. Фёрнеса приведены суждения многих комментаторов, но в конце концов было решено оставить, как в шекспировском тексте.

По иному решили издатели вопрос о реплике Макбета «rebellious dead» (IV, 1, 97). Когда ведьмы успокаивают его двусмысленными обещаниями, Макбет восклицает: «Мятежные мертвецы, не поднимайтесь никогда, пока не встанет Бирнамский лес». Однако Тиббальд и Ханмер заменили шекспировский образ «мятежных мертвецов» более простым «глава мятежа», разрушая шекспировскую метафору, полную глубокого смысла – ведь Макбета мучают призраки, и в одном из рассуждений он говорит о том, что в древности если был выбит мозг, человек исчезал, а теперь «они встают снова». В древности не было идей о воскрешении из мертвых, о существовании души, убийство не вызывало мучений совести и был только страх перед местью родственников убитого.

В тексте трагедий «Макбет» есть место, трудное для понимания. Во всех изданиях монолог Макбета в 7-й сцене I-го акта содержит слова «bank and shoal of time». М.П. Вронченко нашел адекватную метафору «отмель времени», которая сохранилась в последующих переводах. В шекспировском тексте нет «отмели», а есть «schoole», т.е. «школа времени», – и эта метафора соответствует другим образам в монологе – «школа», где учат кровавым делам, но также и скамья в суде, где беспристрастное правосудие выносит приговор. Однако победила эмендация Тиббальда.

Кроме замены шекспировских слов издатели вводят собственные ремарки, далеко не всегда убедительные. Например, в тексте трагедии «Гамлет» Полоний высказывает предположение, что принц безумен от любви и самоуверенно добавляет, что если он ошибся, то «отнимите это от этого» (акт II, сц. 2) – ремарка к этим словам: «Указывая на голову и плечо» весьма сомнительна, вряд ли Полоний предлагает наказать его смертью за ошибку. Эту ремарку ввели А. Поуп и Л. Тиббальд, её сохранили издатели канонического Кембриджского издания и она есть во всех новых изданиях, часто даже без оговорок. Точно так же без всяких оговорок

введена ремарка в финале трагедии «Звучит похоронный марш», придуманная в XVIII веке Эдвардом Кейпеллом. Этой ремарки нет в шекспировских изданиях XVII-го в. и она противоречит тексту – там идёт речь о воинском марше и пушечной пальбе – Гамлета хоронят как воина.

В начале XIX в. издатель и комментатор Шекспира Джон Пейн Кольер ввёл множество ошибочных поправок и в доказательство их подлинности привёл купленное им второе издание фолио, где якобы обнаружил поправки, написанные старинным почерком. Тогда же нашлись знатоки Шекспира, которые отрицали предложенные «поправки» как совершенно невежественные, а когда они получили доступ к экземпляру фолио 1632 г. то обнаружили, что сначала «поправки» были сделаны современным почерком самого Кольера, а потом карандашные заметки были стёрты и подделан старинный почерк – Пейн Кольер был уличен в подделке, но критика была в научных журналах, а издания и «труды» Кольера разошлись и уже были использованы и в переводах, в частности, в русских переводах. Множество «эмендаций» сохранились до наших дней¹. Научные статьи, изобличающие Кольера, не были известны². Все «подделки» не установлены.

В недавнее время появилась очень интересная монография антиквара, в которой восполнен пробел в изучении изданий текста Шекспира в XVIII веке и даны верные аргументированные оценки издателям и комментаторам³. Книга эта заслуживает изучения, особенно потому, что у нас до сих пор нет текстологов-шекспироведов, как их не было и в прошлые века. Автор Колин Франклин – букинист, изучил редкие издания XVIII века, а также полемику шекспирологов, причём основательно поколебал авторитет многих шекспировских издателей XVIII в., отвергая большинство эмендаций и комментариев.

Автор справедливо отметил, что издания Александра Поупа и Томаса Хэнмера являются в текстологическом плане наихудшими из всех изданий. Поуп не воспринимал шекспировских метафор и заменял их своими, а часто исключал, а Ханмер не только поместил «поправки» Поупа, но ввёл множество ошибочных эмендаций своих предшественников. Заслугой Тиббальда считается использование источников и сопоставление разных изданий XVII в., часть его поправок признана в каноническом тексте Шекспира. Напротив, почти все «поправки» Вильяма Уорбертона в его издании 1747 г.

отвергнуты как субъективные и невежественные, критики советовали ему почаще заглядывать в толковые словари, чтобы понять английские слова. Епископ Уорбертон был озабочен защитой иудейской религии в теологических работах, а его современник Томас Эдварс подверг издание Уорбертона резкой критике. Кроме плохого знания Шекспира Уорбертон проявил «агрессивность» по отношению к своим предшественникам и критикам.

Колин Франклин, как и большинство критиков, высоко оценивает достижения Эдварда Кейпелла и Эдмунда Мэлоуна – первых настоящих филологов и знатоков текста Шекспира и его эпохи. Эдвард Кейпелл всю жизнь посвятил изучению Шекспира. Он жил в бедности, но средства тратил на собирание старинных изданий и материалов. Его собственное издание вышло без комментариев, которые он частично опубликовал позднее, однако огромный свой архив он не успел обработать. Когда один из влиятельных почитателей Шекспира назвал Кейпелла спасителем Шекспира, написал, что Кейпелл «восстановил» Шекспира для читателей, большой Кейпелл растрогался до слёз. Свою коллекцию он завещал Тринити колледжу, где она осталась без охраны, и другой издатель Джордж Стивенс, который не любил и не понимал Шекспира, воспользовался открытиями Кейпелла и включил их в своё издание без ссылок, поэтому и был уличен в плагиате (pp. 115-117).

Что касается Мэлоуна, то все исследователи признают его едва ли не первым учёным шекспириологом, который изучил эпоху и опубликовал труд об истории английского театра. Далеко не все утверждения Мэлоуна были приняты, например, он подвергал сомнению авторство Шекспира в хронике «Генрих VI», хотя Кейпелл уже тогда убедительно доказывал, что автором был Шекспир. Кейпелл собирал все ранние издания «кварто», не делая различия между «плохими» и «хорошими» кварто – это различие было доказано в конце XIX в. и тогда «плохие» кварто перестали иметь текстологическое значение как искаженные обработки, сделанные другими театрами⁴.

Поправки и комментарии в изданиях XVIII в. были мало доступны, однако многие заметки издателей были перепечатаны в позднейших антологиях, причём выбраны и сравнительно полезные суждения и явно ошибочные толкования даже без критических оценок⁵. Например, сохранено толкование Стивенса, который не понимал многих мест у Шекспира и без всяких оснований кле-

ветал на издателей Первого фолио друзей Шекспира. Стивенс утверждал, что в словах умирающего Лира «And my poor fool is hang'd» идёт речь не о шуте, а о Корделии – и это толкование сохранилось до наших дней. Между тем совершенно забыто резко отрицательное суждение знатока Шекспира Джошуа Рейнольдса, который сразу же назвал толкование Стивенса банальным, ошибочным и убедительно доказал, что Лир вспомнил о шуте и сразу же снова вернулся к смерти Корделии со словами «Нет, нет, нет жизни!». Рейнольдс приведён в издании «вариорум» Х.Фёрнеса, а обыденное банальное суждение Стивенса есть в комментариях к новейшим научным изданиям. Точно так же без всяких оговорок приводят эмендации в тексте трагедий «Гамлет» и «Макбет», где исчез шекспировский текст.

Было бы справедливо по отношению к Шекспиру и его читателям и переводчикам, если бы оставить даже загадочные места текста без изменений, как писал Инглеби, оставить «бессмертную бессмыслицу» для будущих времён, а в комментариях можно предлагать и наиболее авторитетные эмендации. Между тем, в новых исследованиях эти «поправки» не подвергаются сомнению⁶.

Примечания

¹ См. Комарова В.П. Пейн Кольер и русские переводчики Шекспира. Приложение в кн. Шекспир. Библиография рус. переводов и критич. лит. на рус. яз. 1748-1962 / Сост. И.М. Левидова. М., 1964. С. 566-577.

² Ingleby C.M. A complete view of the Shakespeare controversy concerning the authenticity and genuineness of MS matter... publ. by J. Payne Collier. London, 1861.

³ Franklin Colin. Shakespeare domesticated. The eighteenth century editions / London, Scholar press, 1991. Стр. указ. в тексте.

⁴ См.: Hart A. Stolne and surreptitious copies: a comparative study of Shakespeare's bad quartos. Melbourne-London, 1942; Pollard A.W. Shakespeare's fight with the pirates and the transmission of his text. 2d ed. rev. Cambridge, 1937.

⁵ Chalmers A. Historical and explanatory notes with various readings illustrative of the works of W. Shakespeare. Paris, 1839; Annotations illustrative of the plays of Shakespeare. By Jonson, Steevens, Malone, Theobald, Warburton, ... Pope etc. Vol. 1-2. London, 1819.

⁶ См. напр. сборники: Eighteenth century essays on Shakespeare. Glasgow, 1903; Shakespeare. Text, language, criticism. Essays in honour of Marvin Spevack. Ed. by Bernard Fabian and Kurt Tetzeli von Rosado. Hildensheim-Zürich-New York, 1987.

МОНОГРАФИИ И БРОШЮРЫ В.П. КОМАРОВОЙ (в хронологии публикаций)

1. Хроника Шекспира «Король Генрих VI часть вторая». Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук Ленингр. гос. унив. Л., 1964. 20 с.

2. Личность и государство в исторических драмах Шекспира и его современников. Автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра филол. наук (10.01.05) Ленингр. гос. унив. Л., 1973. 34 с.

3. Личность и государство в исторических драмах Шекспира. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 224 с. Рез. англ. С. 223-224. Библиогр. С. 205-223.

4. Шекспир и Монтень. К 450-летию со дня рождения Монтеня. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 168 с. Рез. англ. С. 163-167. Библиогр. С. 157-162.

5. Славянский фонд Библиотеки академии наук СССР и его отражения в каталогах. Л., 1987. 38 с. (Препр.) БАН СССР, № 4.

6. Из истории центрального систематического каталога Библиотеки академии наук СССР (1930-1982) Л., 1989. 46 с. (Препр.) БАН СССР. № 8. В соавт. с Н.Г. Атаршиковой.

7. Метафоры и аллегории в произведениях Шекспира. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 199. [2] с. Библиогр. С. 191-195. Рез. англ. С. 196-200.

8. Личность и государство в исторических драмах современников Шекспира. СПб. Б-ка РАН, 1997. 243 с. Рез. англ. С. 240-241. Библиогр. в Примеч. С. 228-238.

9. Шекспир и Библия. Опыт сравнительного исследования. СПб, изд-во СПбГУ, 1978. 167 с. Библиогр. в Примеч. С. 151-154. Прилож. С. 155-162. Рез. на англ. С. 163-166.

10. Трагедия Шекспира «Гамлет» – жизнь в веках (1601–1901). / Б-ка РАН. Отв. ред. В.Е. Балахонов. СПб БАН. 1999. 183 с. В соавт. с Н.А. Никифоровской. Библиогр. в Примеч. С. 171-183.

11. Предметный и систематический принципы в классификациях и каталогах академических библиотек. /Б-ка РАН. Отв. ред. В.П. Леонов. СПб.: БАН, 2001. 119 с. Библиогр. в постраничных примечаниях.

12. Творчество Шекспира. (СПбГУ, филол. ф-т.). СПб., 2001. 247 с. Библиогр. С. 231-243. Рез. англ. С. 244-245.

13. Современники Шекспира. Кристофер Марло. Бенджамин Джонсон. Джордж Чапмен /Б-ка Рос. АН. СПб.: БАН, 2002, 240 с. Библиогр. С. 229-238. Рез. англ. С. 239.

14. Шекспир о любви. Книга для чтения на англ. яз. Подг. текстов, комм. и статья В.П. Комаровой. СПб.: Корона-принт, 2003. 252 с.

15. История английской литературы IX-XX вв. Лекции и докл. СПб., Изд-во Филолог. ф-та, (2007 ?). В печати.

16. Shakespearean tragedies. A course of lectures in the Academy of liberal education, St. Petersburg, (2007 ?). В печати.

СОДЕРЖАНИЕ

Ораторские приёмы Вильяма Питта в парламентских речах периода Французской революции 1789-1805 гг. Доклад на XXVIII-й Межвуз. научно-метод. конф. преподавателей и аспирантов СПбГУ. 15.3.1999.....	4
«Опыты» Фрэнсиса Бэкона и Шекспир. Доклад на конф. “Пятые Лафонтеновские чтения”, апр. 1999 г.	12
«Левиафан» Томаса Гоббса и его значение в истории культуры. Доклад на конф. “Восьмые Лафонтеновские чтения”, апр. 2002.....	22
Лондон в XVI в. и театр «Глобус». Сообщение на XXXII-й Международ. филол. конф. преподавателей и аспирантов СПбГУ. 12 марта 2003 г.	45
Сочинение Джайлса Флетчера «О русском государстве» (1591) и его судьба в Англии и России. Доклад на конф. “Девятые Лафонтеновские чтения”: Топос Петербурга и проблема культурных контактов в новое время. 19 апр. 2003 г.	50
Традиция и новаторство в творчестве Шекспира. Сообщение на XXXIII-й Международ. филол. конф. СПб. унив. 16.03.2004 г. ...	55
Политика и литература в творчестве Томаса Бабингтона Маколея. Доклад подготовленный для конф. “Десятые Лафонтеновские чтения” 2004.....	62
Понятие «природы» в драмах Шекспира. Доклад на XXXIV-й филол. конф. СПбГУ, 19 марта 2005 г.	80
Тема «утопии» у Платона и в эпоху Возрождения. Доклад на XXXV-й филолог. конф. СПбГУ. Март, 2006.	90
Понятие «времени» в произведениях Шекспира. Доклад на конф. Академии гуманитар. образования в апр. 2006 г.	112
Плутарх в переводе Томаса Нортона как источник Шекспира. Статья, 2006.	120

Текстологические проблемы творчества Шекспира. Статья, 2006.	126
Монографии и брошюры В.П. Комаровой (в хронологии публикаций).....	133
Содержание.....	135
Contents.....	136

CONTENTS

Oratory of William Pitt in his parliamentary speeches in 1789-1805.....	4
Francis Bacon's «Essays» and Shakespeare.....	12
«Leviathan» of Thomas Hobbes and his influence in the history of culture.....	22
London in XVI th century and the «Globe» theatre.....	45
The work of Giles Fletcher «Of the Russe commonwealth (1591) and his reception in England and Russia.....	50
Tradition and originality in Shakespeare.....	55
Politics and literature in the work of Thomas Babington Macaulay.....	62
The concept of «nature» in Shakespeare.....	80
«Utopia» in Platon and in Renaissance.....	90
The concept of «time» in Shakespeare.....	112
Plutarch in Thomas North's translation as the source for Shakespeare.....	120
Textological problems in the work of Shakespeare.....	126
Contents.....	136

Редактор и верстка О. Н. Орлова

Подписано к печати 28.11.2006. Формат $60 \times 84^{1/16}$.

Усл. печ. л. 7 п. л.

Тираж 300 экз., Заказ №

В. П. КОМАРОВА

**ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА
В АНГЛИИ XVI–XIX ВВ.**

